

Л. Ельмслев

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Луи ЕЛЬМСЛЕВ

(1899–1965)

Выдающийся датский лингвист, создатель глоссематики — датского ответвления структурализма, виднейший представитель Копенгагенского лингвистического кружка. Автор таких работ, как «Принципы всеобщей грамматики» (1928), «Категория падежа» (т. I — 1935, т. II — 1937), «Языкознание» (1963). Главным программным трудом Л. Ельмслева, в котором излагаются основы глоссематики, являются «Пролегомены к теории языка» (1943).

«Язык, — полагает Л. Ельмслев, — инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет и на других людей, а другие влияют на него; язык — первичная и самая необходимая основа человеческого общества». При этом, определяя задачу лингвистики, Л. Ельмслев считает, что она «должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру sui generis».

Возникшая на базе учения о языке Ф. де Соссюра, глоссематика выдвигает новое понимание предмета языкознания, отвергая рассмотрение материальной стороны языка. Глоссематика вызвала неоднозначную оценку в лингвистическом мире. Так, А. Мартине о теории Ельмслева сказал, что это «башня из слоновой кости, ответом на которую может быть лишь построение новых башен из слоновой кости».

Лингвистическое Наследие XX века

Louis Hjelmslev

PROLEGOMENA TO A THEORY OF LANGUAGE

Л. Ельмслев

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Перевод с английского

МОСКВА

ББК 81.2я44

Ельмслев Луи

Пролегомены к теории языка: Пер. с англ. / Сост. В. Д. Мазо. — М.: КомКнига, 2006. — 248 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

ISBN 5-484-00346-6

Предлагаемая читателю книга содержит программный труд выдающегося датского лингвиста Луи Ельмслева (1899–1965) «Пролегомены к теории языка», в котором излагаются основы глоссематики — датского ответвления структурализма. Кроме того, в книгу включены статьи Ельмслева, ранее переводившиеся на русский язык, острополемичная статья А. Мартине с анализом основных положений «Пролегоменов» Ельмслева, а также статья В. П. Мурат о глоссематической теории — одной из первых попыток построения аксиоматической теории в лингвистике и соединения лингвистических методов с методами математической логики.

Рекомендуется филологам, философам, историкам науки о языке.

Издательство «КомКнига». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.
Подписано к печати 25.11.2005 г. Формат 60×90/16. Печ. л. 15,5. Зак. № 342.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 11А, стр. 11.

ISBN 5-484-00346-6

3473 ID 32809

9 785484 003464

А.Мартине

О КНИГЕ „ОСНОВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ“ ЛУИ ЕЛЬМСЛЕВА [1]*

В этой чрезвычайно насыщенной книге Луи Ельмслев излагает принципы своей лингвистической теории, которую он назвал глоссематикой. Мы отдаем должное глубине и оригинальности его идей. Мы разделяем его стремление подчеркнуть научный характер лингвистических исследований. Мы высоко ценим многие его высказывания. Но мы должны задать вопрос —можно ли согласиться с автором, когда он предлагает полностью абстрагироваться от всякой субстанции — и звуковой и семантической?

Когда мы, оглядываясь назад, обращаемся к лингвистическим исследованиям, появившимся в период между двумя войнами, и пытаемся понять, в чем заключается их своеобразие по сравнению с исследованиями предшествующих периодов, мы прежде всего обращаем внимание на возросшее значение структуральной и функциональной точек зрения. Это, разумеется, не значит, что наша эпоха является свидетельницей полного и безоговорочного триумфа структурализма и функционализма. В лингвистике применялись и по-прежнему продолжают применяться старые традиционные методы, и во многих областях сопротивление новым веяниям (в частности, пассивное) до сих пор еще весьма значительно. Тем не менее структурализм и функционализм продолжают завоевывать признание даже в тех странах и тех областях, где им пришлось столкнуться с предубеждениями или с известным застоем мысли. Есть еще немало ученых, иногда даже хороших ученых, которые представляют себе, будто можно путем одного лишь наблюдения познать природу изучаемого объекта во всей ее полноте и целостности. Они не замечают, что каждый

---

* Впервые на русском языке опубликовано в сб.: Новое в лингвистике. Вып. I. М.: ИЛ, 1960. С. 437-462. Общ. редакция В.А. Звегинцева. – *Прим. составителя.*

[1] A. Martinet. Au sujet des Fondements de la théorie linguistique de Louis Hjelmslev, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. XLII, fasc. 1 et 2, № 124 и 125, 1946.

раз можно охватить лишь один аспект, который видоизменяется в зависимости от нашего подхода к объекту. Они не видят, что первым шагом любого научного исследования, которое хочет оправдать свое название «научный», должно быть точное определение той точки зрения, с которой будут рассматриваться наблюдаемые явления. В данном случае это значит, что до тех пор, пока явления речи и языка изучаются без применения определенного метода или при помощи случайного метода, неодинакового у разных исследователей, нельзя говорить о лингвистике как о науке. Лингвистика начинается тогда, когда с самого начала определяется принцип абстракции sui generis и устанавливается собственно лингвистическая точка зрения — тот единственный подход, который позволит обеспечить, с одной стороны, внутреннее единство науки о языке, а с другой — ее особую автономию среди других наук, изучающих человека.

Мы не будем подробно доказывать здесь, что функционализм и структурализм не только не противоречат друг другу, но, напротив, предполагают друг друга. Скажем только, что рассмотрение языка как структуры, или, точнее, как совокупности структур, является прямым следствием классификации языковых фактов, осуществленной на основе их функций.

В фонологии была сделана первая сколько-нибудь серьезная попытка выделить, исходя из автономного принципа лингвистической функции, обширную категорию звуковых явлений или плана выражения. Различные психологистические уклоны, которые могли в известной мере сбить фонологию с правильного пути, были не чем иным, как преходящим кризисом роста, и не помешали уже в 1931 г. дать строго функциональное определение фонемы [1]. Именно из этого определения фонемы родились в результате его широкого применения или как реакция на него все различные тенденции структурализма, существующие в наши дни. **Глоссематика**, подлинным создателем которой является Луи Ельмслев, может в настоящее время рассматриваться как совершенно оригинальная дисциплина, независимая от всего, что было сделано до нее, за исключением работ де Соссюра. Но тем не менее глоссематика вначале представляла собой определенную позицию нескольких датских лин-

[1] См. «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», вып. 4, 1931.

гвистов в отношении фонологии. Это явственно следует из доклада, помещенного в «Bulletin de la Société de linguistique de Copenhague», II, 1934, p. 13 et suiv. Когда в 1935 г. в Лондоне Л. Ельмслев и Ульдалль изложили перед учеными всего мира результаты своих исследований в области языкового выражения, они, стремясь возможно полнее подчеркнуть оригинальный характер своей теории, старательно обходили молчанием вопрос о том, что связывает или, наоборот, что отличает их от ортодоксальной фонологии. Но участники конгресса отнюдь не были обмануты. Впрочем, термин «фонематика», использованный тогда двумя датскими лингвистами для обозначения выдвигаемой ими теории, не оставлял никакого сомнения относительно того, кто были их предшественники.

Год спустя фонематика отжила свой век, или, точнее, влилась под названием сенематики в более широкую дисциплину — глоссематику. Сенематике — изучению единиц выражения, или сенем (от гр. κενός «пустой»), — противостоит плерематика — изучение единиц содержания — плерем (от гр. πλήρης «полный»). Таким образом, оказались устраненными все термины, напоминавшие о роли, которую сыграла фонология при зарождении новой доктрины. И действительно, запрет, наложенный на термины «фонема» и «фонематический», был вполне обоснован, поскольку, как мы увидим далее, Ельмслев и его ученики стремятся изучать факты выражения вне всякой связи с их звуковой субстанцией, так же как они рассматривают единицы содержания, полностью абстрагируясь от субстанции, с которой последние соотносятся, иными словами, от их значений.

Начиная с лета 1936 г. нам обещали скорое появление полного и окончательного изложения глоссематической доктрины. Однако целый ряд обстоятельств, в том числе и желание лучше обосновать теоретические основы глоссематики, помешал появлению этой работы. В течение долгого времени нам приходилось довольствоваться сравнительно краткими сообщениями и статьями, посвященными в большинстве случаев частным проблемам глоссематики [1].

---

[1] Ср., в частности, следующие работы Луи Ельмслева: «On the Principles of phonematics» (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, 1935, p. 51—54); «Accent, intonation, quantité» («Studi Baltici», VI, 1937, p. 1—57); «La syllabation en slave» («Beličev Zbornik», 1937, p. 315—324); «Neue Wege der Experimentalphonetik» («Nordisk Tidsskrift for Tale og Stemme», II, 1938, p. 154—

Появившаяся в 1943 г. небольшая книга Луи Ельмслева, озаглавленная «Omkring sprogteoriens grundlæggelse» [1],— первое сколько-нибудь развернутое изложение, если не результатов практики глоссематических исследований, то по крайней мере общих принципов, на которые они опираются. Можно пожалеть только, что книга написана по-датски, поскольку это мешает ей получить такое широкое распространение, которого она по праву заслуживает. Мы постараемся сначала кратко суммировать основные положения работы Ельмслева, а затем уже перейдем к ее оценке.

* * *

Название книги Ельмслева, весьма претенциозное, уже само представляет собой целую программу: речь идет об основах не **одной** из лингвистических теорий, а об основах лингвистической теории **вообще**. Тем, кто полагает, что лингвистика уже давно выделилась в самостоятельную науку, Ельмслев сразу же отвечает, что это только иллюзия. Язык для человека, естественно, является лишь средством, а не целью. Этим и объясняется то, что наука о языке была в течение долгого времени лишь вспомогательной дисциплиной. Лингвистика смогла занять свое место среди других наук, когда она порвала путы вассальной зависимости, связывавшие ее с филологией. Но, говорит нам Ельмслев, в своей генетической и сравнительной форме лингвистика снова оказалась порабощенной, на этот раз наукой о предыстории. И даже когда лингвисту кажется, что он сосредоточил свое внимание на языке как таковом, ему, как правило, удается охватить лишь периферийные аспекты язы-

---

194); «Über die Beziehungen der Phonetik zur Sprachwissenschaft» («Archiv für vergleichende Phonetik», II, 1938, S. 129—134); «The syllable as a structural unit» (Proceedings of the Third international congress of phonetic sciences, 1938, p. 266—272); «Forme et substance linguistique» («Bulletin du Cercle linguistique de Copenhague», IV, 1937—1938, pp. 3 и 4); «Essai d'une théorie des morphèmes» (Actes du quatrième congrès international de linguistes, 1938, pp. 140—151); «Notes sur les oppositions supprimables» (TCLP, VIII, 1939, p. 51—57). Ср. также следующие две статьи Д. Г. Ульдалля: «The Phonematics of Danish» (Proceedings of the Second I. C., 1935, p. 54—57) и «On the structural interpretation of diphthongs» (Proceedings of the Third I. C., 1938, pp. 272—276).

[1] Copenhague, Ejnar Munksgaard, in 8°, p. 1—116.

ка — физиологический, психологический, логический или социологический и, таким образом, от него ускользает подлинный объект его исследования. Подлинную лингвистику, а именно ее намеревается основать Ельмслев, интересует в языке только то, что принадлежит собственно языку, т. е. его своеобразная структура. Значение и ценность вклада, которые вносит лингвистика в сокровищницу человеческих знаний, от этого не только не уменьшатся, но скорее, напротив, значительно возрастут.

Недоверие, с которым относятся в целом к лингвистической теории, по-видимому, оправдано, если учесть тот субъективный и априористический характер, который был присущ подобным построениям до последнего времени. Необходимо поставить новую лингвистическую теорию на объективную и научную основу, ибо только в этом случае она может внушить к себе доверие.

Первым и основным условием развития наук, изучающих человека, является проверка гипотезы о том, что всякой цепи соответствует система, через посредство которой цепь можно подвергнуть анализу и свести к определенному числу сочетающихся элементов. В лингвистике признание существования фонетической, морфологической и семантической систем, к которым можно свести элементы речевого потока, отнюдь не ново; задача сейчас заключается в том, чтобы сделать из этого утверждения все необходимые выводы. Только при таком условии можно надеяться, что в конце концов будет создана подлинная наука о языке.

В основу своей теории Ельмслев кладет три методологических требования, которые он объединяет под общим названием **эмпирического принципа.** Эти требования (по порядку) следующие: непротиворечивость, исчерпывающий характер и максимальная простота. Первое из этих требований обусловливает второе, а второе — третье.

Было бы ошибкой полагать, что использование термина «эмпиризм» повлечет за собой обращение к индуктивным методам, то есть к методам, предполагающим постепенный переход от частного к общему. Эти методы, при помощи которых исследователь идет от изолированного звука к фонеме, от частного факта к категории, уже давно и широко применяются в языкознании. Основной недостаток их заключается в том, что они приводят к выделению таких понятий, как «родительный падеж», «сослагательное наклонение», «страдательный залог», которым мы не можем, по

крайней мере в настоящее время, дать никакого общего определения, потому что в разных языках им соответствуют совершенно разные явления. Синтезу, с которым связано применение индуктивных приемов, Ельмслев противопоставляет анализ истинных данных опыта, то есть (применительно к лингвистике) анализ текста в его целостности и полноте. Этот анализ позволяет выделять в тексте все менее и менее общие единицы, пока мы не подойдем наконец к элементам, далее неразложимым. Для обозначения подобного процесса анализа Ельмслев, не колеблясь, предлагает название «дедукция», придав ему значение, существенно отличающееся от общепринятого значения этого слова.

Термин «теория» не понимается Ельмслевом как система гипотез, от которых следует отказаться в случае, если окажется, что они не соответствуют данным опыта. В концепции Ельмслева теория — нечто совершенно иное. Сама по себе и с начала ее установления теория совершенно независима от какого бы то ни было опыта; она не допускает никакого постулата действительности и образует некую замкнутую систему, которая при помощи чисто дедуктивной операции позволяет исчислить возможности, исходя из заранее заданных предпосылок. Впрочем, эти предпосылки устанавливаются теоретиком на основе его собственного предшествующего опыта, так что они отвечают условиям, позволяющим применить теорию к некоторым фактам. Теория, однако, произвольна в том смысле, что данные опыта не могут ни подтвердить ее, ни опровергнуть. Из имеющихся фактов берутся только те, к которым приложима данная теория. С другой стороны, теория приспособляется к своему объекту в том смысле, что выбор исходных положений определяется в результате предварительного анализа возможно большего числа фактов, что якобы и обусловливает наиболее широкое применение теории.

Лингвистическая теория подразумевает анализ текстов (если мы того хотим, в форме речевого потока). Она должна выработать метод, позволяющий дать непротиворечивое и исчерпывающее описание любого текста, понадобившегося лингвисту. В свою очередь этот метод должен помочь вскрыть систему, стоящую за последовательностью, которой является изучаемый текст или любой другой текст из тех, какие уже созданы или будут созданы на данном языке.

Для того чтобы лингвистическая теория была универсальной, теоретик должен предвидеть и учесть при ее соз-

дании все мыслимые лингвистические возможности, в том числе и такие, какие ему никогда не встречались или никогда не были описаны. Таким образом, он определяет черты, регулярно встречающиеся в явлении, которое условились называть языком. На основе этих черт он выводит определение языка и ограничивает тем самым область своего исследования. Исходя из этого определения и с помощью строго дедуктивного метода, он устанавливает приемы анализа, которые дадут в его распоряжение материалы, необходимые для описания имеющихся в его распоряжении текстов и соответствующих языковых систем. Анализ текстов и языковых систем не может ни подтвердить, ни опровергнуть теорию. Она имеет силу во всех случаях, однако при условии, если анализ остается непротиворечивым и исчерпывающим.

Если в ходе анализа обнаружится, что существует несколько различных приемов, ведущих к непротиворечивому и исчерпывающему описанию текста или данной системы, предпочтение следует оказать тому способу, который дает (при прочих равных условиях) наиболее простое описание. Если различные способы ведут к равно простым результатам, следует выбрать способ, сам по себе наименее сложный.

Из всех лингвистических теорий, которые можно создать, исходя из этих принципов, лучшей явится та, которая ближе всего подойдет к идеалу, сформулированному в виде так называемого принципа эмпиризма.

Лингвистическая теория должна быть возможно менее метафизичной, т. е. она должна содержать минимальное количество исходных посылок. Всем понятиям, которыми она пользуется, нужно дать определение, а эти определения должны, насколько это возможно, включать только понятия, уже получившие определение. Нужно избегать «реальных» определений, которые пытаются исчерпать сущность объекта, и стремиться к определениям «формальным», ставящим целью определение какого-либо понятия относительно других, уже получивших определение. Целью данного метода является поэтому замена постулатов либо определениями, либо теоремами, сформулированными в виде условий (если..., то тогда...).

Поскольку анализ текста является основной целью лингвистической теории, первая забота теоретика заключается в том, чтобы найти принцип анализа. Изучение воз-

никающих при этом проблем сразу же показывает, что дело здесь вовсе не сводится к членению объекта (в данном случае — текста) на все меньшие части и т. д., но скорее требуется установить отношения и взаимозависимости, существующие между частями целого. Напрашивается вывод о том, что представление о самостоятельном существовании объектов (выступающих не только в качестве членов отношений) — метафизическая гипотеза. В интересах науки — отказаться от этой гипотезы как можно скорее и рассматривать как точки пересечения пучков взаимозависимостей и отношений то, что наивный реализм называет объектами.

Теоретик определяет, таким образом, с самого начала различные типы отношений — как отношения, существующие в тексте, так и отношения в системе. Они бывают трех типов: 1) двусторонние зависимости, или **взаимозависимости**; 2) односторонние зависимости, в которых один член предопределяет другой, но не наоборот — **детерминации**; 3) зависимости более свободные, члены которых не исключают, не отталкивают и не предопределяют друг друга; эти последние называются **констелляциями**. Приводим примеры таких отношений в цепи (синтагматические отношения): у имени существительного в латинском языке отмечается взаимозависимость между морфемой падежа и морфемой числа, поскольку в латинском существительном ни одна из этих морфем не может существовать без другой; детерминация наличествует между sine и аблативом, потому что sine предполагает обязательное наличие в тексте аблатива, в то время как аблатив не связан обязательно с sine; возьмем в латинском языке какой-либо падеж, например аккузатив, и какое-либо число, например множественное; соотношение между ними соответствует констелляции, поскольку они могут комбинироваться по-разному, не предопределяя друг друга: аккузатив не обязательно сочетается с множественным числом, а множественное число — с аккузативом.

Мы не можем здесь полностью привести весь тот обширный терминологический аппарат, который Ельмслев намеревается использовать для осуществления своего анализа. Каждый элемент получает у него формальное определение. Мы находим в его теории несколько рядов терминов. Одни из них применяются к отношениям и последовательным подразделениям в тексте, другие — к отношениям и подразде-

лениям в системе, третьи — и к тексту и к системе. Насыщенность изложения в книге Ельмслева настолько велика, что для того, чтобы следовать за автором, нам пришлось бы дать полный перевод его книги, сопроводив его в ряде случаев комментариями, но от этого мы вынуждены были отказаться. Оказалось невозможным дать всем терминам Ельмслева точнсе формальное определение, потому что французские слова, которые мы использовали бы при этом, не имеют специальных определений и не были бы поэтому понятны большинству наших читателей. Так, например, слово «функция» используется у Ельмслева в значении, напоминающем значение, которое оно имеет в математике, но не вполне совпадает с ним: **функция** — это отношение между двумя членами, причем взаимозависимость — это функция между двумя постоянными величинами, детерминация — функция между постоянной и переменной величинами, а констелляция — функция между двумя переменными величинами. Члены функции называются **функтивами.**

Важным различием является различие, устанавливаемое между функцией, называемой *и — и*, т. е. соединением, допускающим сосуществование обоих функтивов, и функцией *или — или*, т. е. разъединением, предполагающим чередование обоих функтивов. Соединение характерно для текста, в котором различные элементы сосуществуют. Разъединение — принадлежность системы, где действительно в каждом случае происходит выбор между тем или иным элементом. За этими двумя типами функции автор закрепляет в итоге термины **реляция** и **корреляция.**

Анализ текста, как мы видели выше, ведется последовательными этапами: в тексте выделяются все менее и менее общие единицы; текст, например, делится на периоды, каждый период — на предложения, каждое предложение — на слова, каждое слово — на слоги, каждый слог — на части слога (фонемы). После каждого этапа анализа следует составить **инвентарь** элементов, которые находятся в аналогичных **отношениях,** иными словами — могут занимать одно и то же место в цепи. Между элементами существует функция особого типа. Можно заметить, что количество инвентаризуемых элементов с каждым новым этапом анализа уменьшается. Число периодов в каком-либо живом языке, рассматриваемом как текст, безгранично; то же можно сказать и о предложениях, затем о словах; но при переходе от слова к слогу число инвентаризуе-

мых элементов уже более не бесконечно, а на следующей ступени (ступени фонем) устанавливается очень небольшое, обычно двузначное, число элементов.

Если мы обратимся теперь к понятию знака, каким его представляют себе, когда говорят о языке как о системе знаков, мы заметим, что существует ступень дедукции, на которой мы переходим от элементов, являющихся знаками, к элементам-незнакам.

В процессе анализа текста мы обнаруживаем, таким образом, два рубежа: первый отделяет инвентари, включающие неограниченное число элементов, от инвентарей, включающих ограниченное число элементов; второй отделяет знаки от незнаков. Индуктивно можно заметить, что, как только мы минуем границу между знаками и незнаками, все перечни элементов оказываются конечными. Это легко объяснить, если вспомнить основную задачу, стоящую перед языком, в котором всегда можно образовать новые знаки, новые слова и новые корни. Но, с другой стороны, необходимо, чтобы язык было легко усвоить и применять, что и влечет за собой образование знаков с помощью ограниченного числа элементов, которые сами знаками не являются. То, что знаки образуются с помощью ограниченного числа незнаков,— Ельмслев называет их **фигурами** — представляется ему одной из основных черт языковой структуры.

Следовательно, языки нельзя характеризовать как просты системы знаков. Если учитывать только цель, которую прес едует язык, он действительно представляет собой в первую очередь систему знаков, но, если исходить из его внутренней структуры, он представляет собой, в сущности, систему элементов, используемых для образования знаков.

Нужно ли рассматривать знак как **знак чего-либо** или, напротив, вслед за де Соссюром считать, что знак — это единство, образованное означающим и означаемым, или, используя терминологию Ельмслева, **выражением** и **содержанием**? Ельмслев подходит к рассмотрению этого вопроса, отталкиваясь от значащей функции (отношение между означающим и означаемым), существование которой он устанавливает. Функтивы (члены отношения) этой функции — выражение и содержание. Этим двум словам не следует придавать какое бы то ни было «реальное» значение; они представляют собой произвольные обозначения. Значащая функция — это **солидарность**,— так Ельмслев обозначает взаимозависимость в синтагматическом плане; выражение и

содержание находятся в отношении солидарности; одно не существует без другого.

Для пояснения понятия «значащая функция» Ельмслев приводит ряд иллюстраций. Возьмем, например, такие цепи:

нем. Ich weiss es nicht,
англ. I do not know,
франц. Je ne sais pas.

Всем им присуще нечто общее, а именно **смысл**[1]. В каждом из приведенных языков этот смысл следует анализировать по-разному, в силу того, что в каждом из них смысл расчленяется и **оформляется** по-особому. Мы не имеем сейчас в виду своеобразия звучания каждой цепи, но в каком-то смысле особенности грамматических расстановок. Можно заметить, что каждый язык намечает свои собственные членения бесформенного потока мыслей, подразделяя его посвоему на отдельные составные части, своеобразно располагая их и выделяя. Смысл напоминает жидкость, которая принимает форму сосуда, ее содержащего, и которая имеет существование лишь как субстанция этой формы. Таким образом, у языкового содержания обнаруживается определенная форма — **форма содержания**, которая не зависит от смысла и находится с ним в произвольных отношениях. Смысл, упорядоченный этой формой, превращается в **субстанцию содержания**.

То, с чем мы встречаемся в тексте, вновь обнаруживается в системе. Если рассмотреть систему выражения цвета в различных языках, можно обнаружить, что субстанция, представляющая собой некую бесформенную непрерывность, в данном случае спектр, произвольно делится каждым языком на определенное число отдельных областей — синий, зеленый, желтый и т. д., которые в различных языках далеко не совпадают. Так, в уэльсском языке зона glas соответствует зоне нашего *синего* цвета, но вторгается и в зону *зеленого* цвета, а также и в зону *серого*. То же можно наблюдать, если обратиться, например, к различным системам выражения времени или числа.

Все сказанное о содержании относится и к другому члену данной функции — выражению. Существуют **субстанция выражения** и **форма выражения**. Примером субстанции

---

[1] Л. Ельмслев вместо термина «смысл» употребляет термин «материал». — *Прим. ред.*

может служить бесформенная непрерывность, которую представляет собой разрез рта по средней линии. Эта субстанция принимает в различных языках различные формы: в одних языках здесь различаются, если ограничиться только взрывными, три области: область *k*, область *t* и область *p*; в других языках, как, например, в эскимосском, представлены две различные области *k*; во многих языках Индии обнаруживаются две отдельные области *t* и т. д. То же самое можно сказать и о цепи, где одна и та же субстанция поразному упорядочивается различными языками [1].

Из всего сказанного выше можно сделать вывод, что оба члена значащей функции — содержание и выражение — ведут себя по отношению к этой функции одинаково. В обоих случаях форма проецируется на субстанцию, подобно тени от сети, падающей на какую-либо непрерывную поверхность. В целом знак как таковой является знаком какой-либо субстанции содержания и знаком какой-либо субстанции выражения. Слово «знак» обозначает, следовательно, единство, являющееся результатом значащей функции и включающее форму содержания и форму выражения.

Как в тексте, так и в системе мы выделяем, таким образом, с самого начала анализа план выражения и план содержания. Ельмслев настаивает на том, что между этими двумя планами существует полный параллелизм: категории обоих планов определяются совершенно одинаково, и, следовательно, с точки зрения науки они идентичны.

На различных этапах анализа в различных частях текста нам неоднократно встречается одна и та же единица, например одно и то же слово или один и тот же слог. Можно сказать, что каждое слово или каждый слог встречаются в нескольких образцах. Каждый из этих образцов называется **вариантом**, а сущности, представителями которой они являются,— **инвариантами**. Противопоставление вариантов и инвариантов было установлено в плане выражения пражскими фонологами, а также Дэниэлем Джоунзом и его учениками. Инварианты получили название «фонем». Своим предшественникам Ельмслев ставит в упрек их

---

[1] Примеры, которые приводит здесь Ельмслев, как нам представляется, плохо иллюстрируют то, что он хочет сказать. Мы предлагаем в качестве примера цепи tse, которая, будучи по существу тождественной в русском и финском языках, принимает в этих двух языках различную форму: в русском языке она членится на две единицы, а в финском — на три.

индуктивные методы и их известную непоследовательность. Но у пражцев есть преимущество перед Джоунзом в том, что они основывали свою теорию на противопоставлениях по различительным признакам. Когда какому-либо различию в плане выражения соответствует какое-либо различие в плане содержания,— перед нами различие инвариантов (фонологи говорят — различие существенное — pertinente). Это вытекает из параллелизма двух планов. Но, поскольку между двумя планами существует взаимозависимость, а не детерминация одного члена функции другим, есть все основания, учитывая параллелизм планов, выделять варианты и инварианты также и в плане содержания, а не только выражения. Более того, следует считать, что методы, применяемые для анализа наиболее простых и нерасчленимых, неделимых далее единиц выражения (фонем), действительны также и для всех других единиц выражения. Нужно научиться выделять в плане содержания, так же как это делалось в плане выражения, единицы, меньшие, чем знак, единицы, которые Ельмслев называет **фигурами**. Если на каком-то этапе анализа можно зарегистрировать, например, единицы jument «кобыла», étalon «жеребец», truie «свинья, (самка)», verrat «боров», cheval «лошадь», porc «свинья» femelle «самка», mâle «самец» и т. д., то единицы jument, étalon, truie, verrat следует исключить из списка элементов, потому что они соответственно тождественны: cheval femelle «лошадь-самка» (= «кобыла»), cheval mâle «лошадь-самец» (=«конь») и т. п. Метод, лежащий в основе этой операции, идентичен тому, который позволяет в плане выражения (в фонологии) выделить две единицы в значащей группе *pa* (= pas «шаг») путем сопоставления с другими существующими значащими группами *po* (= peau «кожа») и *fa* (= fa «фа»). Заменим *p* словом cheval, *a*— словом femelle, *o*- словом mâle и *f* — словом porc и будем понимать сочетание *pa* как «cheval femelle». Поскольку существует «cheval mâle» (*po*), а также «porc femelle» (*fa*), то «cheval femelle» (то есть «jument») следует понимать как состоящее из двух отдельных единиц. Продолжая анализ в указанном направлении, можно и в плане содержания, точно так же как и в плане выражения, обнаружить ограниченный перечень элементов.

Для того чтобы охарактеризовать тот или иной язык по сравнению с другими языками, следует указать, какие категории определяются посредством отношений и каково число инвариантов, входящих в каждую из этих категорий.

Операция, позволяющая установить инварианты, называется **коммутацией**. Именно при помощи коммутации можно избежать широко распространенной ошибки, которая заключается в том, что при описании одного языка исходят из категорий, установленных для другого языка. При изучении выражения или содержания следует постоянно помнить о непрерывном взаимодействии этих двух планов — иначе нельзя правильно понять структуру языка.

О сходстве и различии языков следует судить, исходя из формы, а не из субстанции, принявшей эту форму. До того как она «оформилась», субстанция, смысл, будучи сама по себе аморфной массой, не поддается никакому анализу и вообще непознаваема. С точки зрения науки она не имеет существования. Описание языков не может, следовательно, быть описанием субстанции. Субстанция может стать объектом изучения только после того, как будет осуществлено описание языковой формы. Попытки установить некие универсальные системы звуков или понятий не имеют никакой научной ценности. Итак, лингвистическое изучение плана выражения не есть фонетика, или наука о звуках, а изучение плана содержания не есть семантика, или наука о значениях. Лингвистическая наука напоминает алгебру, оперирующую произвольно обозначенными величинами. Эта алгебра должна называться не «лингвистикой», ибо данный термин скомпрометировал себя, а «глоссематикой».

Затем Ельмслев снова возвращается к вопросу о вариантах, которые он подразделяет, как это делают в фонологии, на в а р и а н т ы с в о б о д н ы е (индивидуальные) и в а р и а н т ы о б у с л о в л е н н ы е (комбинаторные), обозначая их соответственно терминами **вариаты** и **вариации**. Подобное разграничение вариантов следует перенести из плана выражения в план содержания. Анализ инвариантов в их вариациях предшествует выделению вариатов. Варианты — это разновидности, поддающиеся статистическому, так называемому фонометрическому, изучению.

Под названием **«синкретизма»** автор исследует то, что в плане выражения фонологи называют нейтрализацией. Явление синкретизма Ельмслев обнаруживает, разумеется, как в плане выражения, так и в плане содержания. Примером синкретизма служат окончание слова в датском языке, которое может произноситься двояко — и как *p* и как *b* (ср. Тор), — или совпадение форм номинатива и аккузатива в словах среднего рода в латинском языке.

Прежде чем приступить к анализу текста, подлежащего исследованию, лингвист должен осуществить одну предварительную операцию. Анализ состоит, как нам уже известно, в регистрации функций. Для того чтобы определить ту или иную функцию, нужно установить ее члены — функтивы. Может, однако, статься, что по той или иной причине в тексте не представлен один из двух членов функций. В этом случае, прежде чем продолжить анализ, необходимо ввести недостающий член. Это дополнение текста носит название **катализа**. Так, например, восклицания si seulement! «если бы только!» или parce que! «потому что!» могут стать объектом глоссематического анализа только после того, как их подвергнут катализу, то есть после того, как они будут дополнены. Следует, однако, соблюдать все предосторожности и вводить в текст только то, что действительно необходимо, а именно — недостающий функтив. Так, например, в латинский текст, где в силу той или иной случайности sine не сопровождается аблативом, нельзя для отражения отсутствующего аблатива ввести посредством катализа какое-то определенное имя существительное определенного числа или рода, хотя морфема аблатива и предполагает данное существительное, данное число и данный род.

Поскольку тексты, лежащие в основе глоссематических исследований, бывают значительных размеров — в принципе они могут охватывать все явления, зафиксированные в изучаемом языке,— лингвист не может, как он это делал до сих пор, молчаливо исходить из того, что анализ был уже ранее доведен до стадии фразы. И действительно, лингвистика в лице глоссематики чудесным образом расширяет свою сферу, поглощая как литературу, так и другие области познания в той мере, в какой они находят выражение в языке. С другой стороны, глоссематика позволяет вести анализ гораздо дальше, чем это делалось до нее, причем не только в плане содержания («jument» = «cheval femelle»), но также и в плане выражения, где нам обещают разложить фонему. Наконец, глоссематика упраздняет синтаксис, который, по существу, растворяется в изучении вариатов (обусловленных вариантов) и в учении о частях речи.

До сих пор Ельмслев намеренно ограничивался исследованием звукового языка (слово «текст», которое он так часто употребляет, не должно вводить читателя в заблуждение на этот счет). Но если, как мы видели, рассматривае-

мая теория прилагается к языку, определяемому с точки зрения формы, а не субстанции, то следует предположить, что она будет иметь силу для любой формы независимо от субстанции, принявшей эту форму. Поскольку же субстанция не имеет существенного значения, язык, в глазах лингвиста, равно важен как в своей письменной форме, так и в устной. Так как глоссематическая единица *р* во французском языке определяется не своими материальными особенностями (взрывным характером, билабиальностью, отсутствием голоса), а функциями (в которые она вступает), безразлично, будет ли она проявляться как буква *р* или как звук *р*. Единицы языковой формы по своей природе алгебраичны, их можно обозначать совершенно по-разному и вполне произвольно.

Далее следует определение понятия «язык», определение, имеющее смысл, по-видимому, только в том случае, если заранее известны определения всех терминов, используемых здесь Ельмслевом. А как уже было сказано выше, мы отказались от мысли воспроизвести в нашей статье все эти определения. Поэтому, если мы и приводим перевод указанного определения языка, то главным образом для того, чтобы показать, как в нем устраняются «реалистические» определения, а также для того, чтобы подготовить читателя к тому широкому толкованию, которое Ельмслев дает языку несколько дальше. Язык, пишет он,— это иерархия, каждая часть которой допускает дальнейшее членение на классы, определяемые посредством взаимных отношений так, что каждый из классов поддается членению на производные, определяемые посредством взаимной мутации. Всякая структура, удовлетворяющая этому определению, есть **язык**. Язык, каким мы его обычно понимаем в нашей практике,— лишь частный случай. От других «языков» его отличает то, что на нем можно все сказать. На язык этого типа можно перевести не только любой другой язык такого же типа, но и любую другую «лингвистическую» структуру. Ельмслев задает вопрос, не является ли игра (например, игра в шахматы) языком. И отвечает на этот вопрос отрицательно, потому что, если мы попытаемся в игре в шахматы обнаружить два плана (план содержания и план выражения), то заметим, что между ними существует не параллелизм, но полное совпадение — той или иной единице содержания регулярно соответствует определенная единица выражения (ср. шахматную фигуру). Следовательно, раз-

личение двух планов представляется здесь излишним усложнением, в то время как для структур, определяемых как языки, это — настоятельная необходимость.

До сих пор молчаливо предполагалось, что анализируемый текст совершенно однороден. В действительности же, как только берется текст, достаточно значительный по величине — а иным не может быть текст, включающий все, что написано или сказано, например по-французски, — мы сразу же обнаруживаем, что этой однородности не существует: отдельные части текста представляют собой прозу, другие — стихи, одни — возвышенный язык, другие — вульгарный, одни — письменный, другие — устный, третьи — код и т. д. Различие между этими частями является следствием различий, существующих как в содержании, так и в выражении. Единство содержание + выражение проявляется, таким образом, как выражение (в ельмслевском смысле) различных типов стилей, которые сами по себе есть также содержание. Структура, являющаяся результатом сопоставления этого нового выражения и этого нового содержания, образует то, что Ельмслев называет **языком созначений** в отличие от обычной языковой структуры — **языка обозначений**[1]. Язык созначений, следовательно, — это язык, план выражения которого сам по себе уже есть язык. Существуют, с другой стороны, и такие лингвистические структуры, у которых языком является план содержания. Подобные структуры называются **метаязыками**. Это языки, на которых говорят о языках (разумеется, в широком смысле). Один из таких метаязыков — **лингвистика**. Языком, образующим содержание, может выступать как научный язык, то есть описание, осуществленное на основе принципа эмпиризма, так и язык ненаучный. Семиология — метаязык, содержанием которого является язык ненаучный. Язык, содержанием которого является семиология, называется **метасемиологией**. На практике метасемиология смешивается с тем, что можно было бы назвать описанием субстанции. Совершенно очевидно, что язык созначений может стать содержанием того или иного метаязыка. Вследствие такого широкого понимания лингвистики все то, что было с самого начала исключено из нее как неязык, вливается в конце концов в лингвистические структуры более высокого

---

[1] Л. Ельмслев в этих случаях употребляет термины «коннотативная семиотика» и «денотативная семиотика». — *Прим. ред.*

порядка. Так лингвистическая теория подводит нас к ключевой позиции, охватывающей все области науки. Сосредоточив внимание на языке как таковом, а не на побочных явлениях, мы приходим к пониманию не только лингвистической системы в целом и в частностях, но также к пониманию человека, общества, всей совокупности наук.

* * *

Можно опасаться, что данное нами сжатое изложение теории Ельмслева не удовлетворит ни автора теории, ни читателей. Автор, без сомнения, сочтет предательством его идей тот факт, что мы пренебрегли стройной системой, состоящей из ста пяти формальных определений, и ограничились тем немногим, что вытекало из применения обычной терминологии. С другой стороны, автор, вероятно, останется недоволен нашей трактовкой отдельных частей его теории, которые не были должным образом подчеркнуты. Наконец, не исключена возможность, что мы неверно поняли и вследствие этого неверно интерпретировали некоторые его мысли. Что касается читателей, то они, несомненно, обнаружат, что наше изложение остается весьма абстрактным и что, желая сказать о многом на немногих страницах, мы не осветили все затронутые вопросы с достаточной ясностью. Некоторые выскажут пожелание, к которому полностью присоединимся и мы, чтобы автор продемонстрировал свой анализ на каком-либо конкретном тексте. Следует, однако, вооружиться терпением. Не надо забывать, что Ельмслев предложил пока нашему вниманию только введение в глоссематику — общие принципы, лежащие в основе предлагаемого им анализа, анализа, за которым должен следовать синтез, осуществляемый отныне с помощью подвергнутых проверке материалов. А поскольку Ельмслев не дает нам исчерпывающего изложения самой теории, слишком рано высказывать какие-либо определенные суждения. В настоящее время мы можем лишь попытаться критически рассмотреть основные принципы, предложенные нашему вниманию.

Критика, которой Ельмслев подвергает лингвистику, такую, какой она была до сих пор, несомненно, покажется большинству несправедливой или по крайней мере слишком преувеличенной. Вполне вероятно, что, исследуя природу языковых изменений, целые поколения лингвистов делали

это несовершенно, небезукоризненно; они, конечно, ошибались, полагая, что подходят таким образом к единственной подлинно лингвистической проблеме. Но то, что они изучали, имело прямое отношение к лингвистической реальности, а не к области предыстории, физиологии или социологии, даже если они и использовали эти дисциплины для своих целей. Структуральная лингвистика последних десятилетий, возможно, допускала ошибки в методе, но ее конечной целью всегда было познание языка как такового. Мы полностью согласны с Ельмслевом в том, что лингвистика еще не встала окончательно на научную почву. Совершенно очевидно, например, что обычно употребляемая лингвистическая терминология вряд ли может считаться вполне научной, и мы столкнулись бы с большими трудностями, пытаясь дать точное определение столь часто встречающимся словам, как «слово», «морфема» или «родительный падеж». Не следует, однако, забывать, что фонологами была сделана попытка (не доведенная еще, возможно, до конца, но весьма благотворная) создания научной терминологии.

Мы полностью солидарны с Ельмслевом также и относительно необходимости лингвистической теории в ельмслевском понимании этого термина. Нам нужен метод, который позволил бы дать исчерпывающее описание любого языка. Сравнение языков будет бесплодным до тех пор, пока не будет создано описаний этих языков, построенных на одинаковых принципах. Известна попытка фонологов выработать подобный метод применительно к плану выражения. Что касается принципа, столь необычно названного Ельмслевом принципом эмпиризма, то мы признаем вместе с Ельмслевом необходимость того, чтобы описание было непротиворечивым и исчерпывающим. Но в связи с требованием простоты возникает вопрос — разве не может в некоторых случаях существовать двух одинаково простых решений, когда вследствие этого трудно предпочесть то или иное? И наконец, всегда следует избегать постулатов, особенно исходных, и заменять их там, где невозможно точное определение, условными предложениями, вводимыми посредством «если».

Одно из наиболее решительных утверждений Ельмслева гласит, что, если мы хотим, чтобы лингвистика стала наукой, мы должны признать «реальное» существование объектов метафизической гипотезоїї и как можно скорее от нее

отказаться, поскольку объекты — это якобы не что иное, как точки пересечения пучков отношений. Отсюда вытекает и учение о форме и субстанции. Именно в этом вопросе Ельмслев расходится со структуралистами предшествующих периодов. Хотя последние стремились оперировать исключительно понятиями, установленными путем противопоставлений, они не считали возможным, по крайней мере в плане выражения (в фонологии), обходиться без помощи субстанции при определении выделяемых ими единиц. Полное устранение субстанции, разумеется, придает лингвистике, выражаясь словами Ельмслева, гораздо более «научный», «алгебраический» вид. Но с полным правом мы можем спросить себя — подобает ли в действительности лингвистике такая абстрактность, учитывая, что она должна соответствовать объекту? Мы убеждены не только в правомерности синхронической точки зрения в нашей науке, но даже в необходимости вести все диахронические исследования лишь на основе исчерпывающего изучения различных состояний языка. Однако, придавая большое значение синхронии, мы тем не менее не думаем, что эволюция языка — проблема, недостойная внимания настоящего лингвиста. Нельзя, чтобы на смену ограниченности диахронистов пришла ограниченность синхронистов. Итак, если обнаружится, что именно в субстанции, а не в форме кроются зародыши развития языка, то установленные глоссематиками «алгебраические» структуры очень плохо подготовят нас к необходимому анализу диахронической реальности. И даже не выходя за пределы синхронии и признавая в высшей степени желательными возможно более формальные описания изучаемых структур, можем ли мы быть уверенными, что окажемся в состоянии убедительно охарактеризовать все выделенные нами единицы, исходя единственно из их взаимных отношений? Эли Фишер-Йоргенсен в превосходной статье о книге Ельмслева [1] указала, например, что в датском языке две единицы выражения *p* и *k* имеют одинаковые «функции» и должны были бы, исходя из этого, получить одинаковые определения. В бирманском языке, согласно Трубецкому [2], положение было бы еще более серьезным, так как там все согласные, как и все гласные, получили бы одно и то же определение.

[1] «Nordisk Tidsskrift for Tale og Stemme», N 4/5, 7, 1943, p. 81 f.; cp. p. 92.

[2] «Grundzüge der Phonologie», p. 220. [Рус. пер.: Трубецкой Н.С. Основы фонологии. М.: ИЛ,1960.]

Существует еще один важный вопрос, который Ельмслев обошел молчанием,— вопрос о тождестве в языке. Что позволяет нам считать два слова или две фонемы, встретившиеся на каком-то расстоянии друг от друга, одним и тем же словом, одной и той же фонемой? Почему *p* в слове prendre понимается как та же самая глоссематическая единица, что и *p* в pelle или *p* в cap? Эту проблему, проблему несомненно центральную, Ельмслев в своей книге не рассматривает. Вспоминая нашу частную беседу с Ельмслевом (с тех пор, правда, прошло уже шесть лет), мы приходим к выводу, что для оправдания отождествления тех или иных единиц он прибегает к подстановке: если я заменю *p* в pelle посредством *p* в prendre, все равно будет понятно, что это pelle; следовательно, *p* в pelle и *p* в prendre лингвистически тождественны. Даже если мы допустим, что при помощи подобной уловки глоссематику удастся обойтись без субстанции, мы твердо убеждены, что подстановка неизбежно заведет его в тупик. Что произойдет, например, если мы *p* в pelle заменим через *p* в cap? Трудно предсказать результаты, которые будут получены, скажем, при подмене вырезанных кусков пленки звукового фильма, но уверен ли сам Ельмслев, что pelle с *p* из cap останется тождественным самому себе? Более того, если в датском языке я заменю гласную слова send «посылка» гласной слова ret «право», получится звучание, которое датчане поймут как sand «песок». И тем не менее нам известно, что Ельмслев, так же как и фонологи, считает гласную в send и гласную в ret одной и той же единицей. Отождествлять же гласную в ret и гласную в sand значит слепо полагаться на субстанцию и в результате не только оскорблять здравый смысл и «языковое чувство» датчан, но, и это главное, отказываться от всякой возможности осмыслить стройную систему гласных данного языка. Таким образом, Ельмслев отнюдь не убедил нас в том, что можно выделять единицы выражения, не прибегая до известной степени к звуковой субстанции.

Остается субстанция содержания, смысл, от которого при построении своей системы Ельмслев также стремится абстрагироваться. При анализе содержания можно было бы попытаться использовать результаты, полученные для плана выражения: слово будет признано тождественным другому слову того же текста, если оба они содержат одни и те же единицы выражения, одни и те же фонемы, относящиеся к одной и той же категории. Возникают, однако,

трудности, связанные с существованием омонимов. Нам, например, придется отождествить тогда cousin «комар» в le cousin est un diptère «комар — двукрылое насекомое» и cousin «двоюродный брат» в mon cousin est arrivé «мой двоюродный брат приехал». Ельмслев не высказывает своего взгляда на явление омонимии. Однако, поскольку он утверждает, что в датском языке Træ «дерево» и Træ «лес» (как материал) следует рассматривать как два вариата (комбинаторных варианта) одной и той же единицы, и поскольку никакого перерыва постепенности между полисемией типа Træ и омонимией типа cousin, если оставить в стороне этимологию, нет, мы можем предположить, что он считал бы и слова cousin двумя вариатами одной и той же единицы.

Верный своему методу, Ельмслев действительно и при анализе плана содержания применяет только те приемы, которые он рекламировал, когда занимался планом выражения. Так, он широко прибегает к сочетаемости. Однако в плане выражения сочетаемости оказалось недостаточно для определения *p* и *k* в датском языке или различных согласных в бирманском. Но в плане содержания возможности сочетания гораздо более разнообразны, и именно благодаря им Ельмслев мог, например, не учитывая смысла различных корней, связывать аорист ἦλθον с настоящим временем ἔρχομαι, а не с λέγω или ὁρῶ. Отождествляя jument «кобыла» с cheval femelle «лошадь-самка», Ельмслев отнюдь не намеревается устанавливать какое-либо материальное тождество; и следует, несомненно, предположить, что он проделывает здесь операцию, аналогичную той, которая позволила отождествить *p* в prendre и *p* в pelle. Сознаемся, что научный характер подобной операции вызывает у нас сомнение.

Одной из наиболее примечательных черт теории Ельмслева, черт, которые воспринимаются как парадокс в книге, где и без того достаточно парадоксов, является неоднократно высказываемое убеждение в абсолютной тождественности структур содержания и выражения. Как только какая-либо «функция» обнаружена в одном плане, автор незамедлительно ищет и находит ее в другом. На определенном этапе изложения Ельмслев указывает, что знак состоит из элементов, называемых фигурами и характеризующихся тем, что они уже больше не знаки и что их состав ограничен. Сначала, по некоторой наивности, мы подумали, что эти

фигуры — не что иное, как фонемы или слоги, и что, следовательно, они существуют только в плане выражения. Но заблуждение наше длилось недолго: несколько ниже говорится: «каждая... система... фигур... допускает одну форму выражения и одну форму содержания». Далее объясняется, что посредством анализа более мелких значимых содержаний можно прийти к фигурам содержания. Еще дальше автор изображает «сведение» jument к cheval femelle как первую ступень операции, которая должна привести к составлению перечня фигур содержания. Мы охотно допускаем, что таким путем можно прийти к составлению ограниченных перечней как в плане выражения, так и в плане содержания, но весьма неясно представляем себе полученные подобным образом единицы, являющиеся незнаками и, следовательно, фигурами. В плане выражения, действительно, мы сводим знак *po* (peau или pot) к последовательности *p*+*o*, где *p* и *o* не являются больше знаками, потому что у них нет содержания. В плане же содержания, напротив, мы сводим знак jument к последовательности cheval femelle, в которой cheval и femelle остаются знаками, потому что они обладают не только содержанием, но также и выражением (šəval, fəmɛl). Автор, возможно, возразит нам, что тогда как содержание «лошадь» и содержание «самка» обнаруживаются в jument, выражение šəval и выражение fəmɛl там не представлены или, иными словами, что содержание «лошадь», составляющее часть содержания «кобыла», не является знаком, поскольку у него нет выражения. Неоспоримо, однако, что эти содержания, как только они приводятся изолированно, всегда наделяются выражением, в то время как единицы выражения *p* и *o* в аналогичных условиях соединены с содержанием только в редких случаях (o=eau «вода» и т. д.). Исходя из всего сказанного выше, мы не видим оснований для признания в этом узловом вопросе параллелизма двух планов.

Что касается постоянного взаимодействия обоих планов, то этот факт совершенно очевиден; и хотя термин «коммутация» был введен Ельмслевом, фонологи практиковали коммутацию задолго до него. Как бы то ни было, Ельмслеву принадлежит заслуга, и немалая, ибо он убедительно показал, что такие явления, как синкретизм в плане содержания и нейтрализация в плане выражения, по своему существу сходны; однако его гипотезу о том, что содержание и выражение — две равноправные величины, еще нужно

доказать. Если бы автор, вместо того чтобы придавать слову «функция» новый смысл, придерживался общепринятого значения этого термина, он, возможно, обратил бы больше внимания на то обстоятельство, что язык в силу своего назначения представляет собой прежде всего систему знаков. Система единиц, являющихся лишь единицами плана выражения (а выражение, само по себе, разумеется, вполне достойный объект изучения для лингвистов), имеет единственную цель — обеспечить функционирование системы знаков. Выражение — это лишь средство, а содержание — суть, и так обстоит дело как в собственно лингвистической области формы, так и в области субстанции, где весьма ограниченная часть возможных звуков используется для выражения всего, что только можно выразить.

В одной из частей своей работы Ельмслев совершенно последовательно заявляет, что письменный текст столь же ценен для лингвиста, как и устный, поскольку выбор субстанции не имеет существенного значения. Он отказывается даже допустить, что звуковая субстанция первична, а субстанция начертательная производна. Он считает, по-видимому, достаточным отметить лишь, что, за исключением некоторых патологических случаев, все люди говорят, тогда как только немногие умеют писать, или еще, что дети начинают говорить задолго до того, как они научатся писать. Не будем разбирать этот вопрос. Однако сопоставление письма и речи настолько поучительно, что не оставляет никаких сомнений относительно того, какая из двух субстанций более важна для лингвистики. И ничего не изменяет тот факт, что это обнаруживается более отчетливо в плане диахронии, чем синхронии. Рассмотрим некоторые примеры. Когда в печатном тексте буква i следует непосредственно за f, она теряет точку. Буква ı без точки является, следовательно, комбинаторным вариантом (вариатом, по терминологии Ельмслева) буквы (инварианта) i. Когда в русском языке фонеме *и* предшествует твердый согласный, она приобретает более задний оттенок и обозначается как *ы*; *ы* является, следовательно, комбинаторным вариантом фонемы *и*. С точки зрения Ельмслева, второе явление, казалось бы, ничуть не более важно, чем первое. И тем не менее большая часть изменений, происходящих в системе формы выражения языков и часто, рикошетом, в системе содержания этих языков, начинается с вариантности фонем. Напротив, нельзя привести ни одного примера лингвисти-

ческого изменения, которое вело бы свое происхождение от изменения в форме какой-либо буквы или вообще письменных знаков. Подчеркнем еще раз, что, как бы ни была важна синхрония, она не исчерпывает лингвистики, и это одна из причин, почему мы не считаем возможным в наших исследованиях полностью отказаться от звуковой субстанции.

Есть еще один вопрос, по которому многие лингвисты взяли бы на себя смелость поспорить с Ельмслевом. Мы имеем в виду операцию, предваряющую анализ, так называемый катализ. По всей вероятности, еще слишком рано высказывать окончательное мнение о необходимости и правомерности этой операции. В данном вопросе, как и во многих других, следует подождать, пока теория будет применена на практике. Скажем сейчас только, что мы не видим большой пользы от катализа в примере с поврежденным латинским текстом, в котором за sine не следует аблатив. Одно из двух: или нам уже хорошо известно, что sine всегда сопровождается аблативом (в этом случае поврежденный текст ничего нового не может добавить к нашим знаниям, и мы обратимся к текстам неповрежденным, в которых, слава богу, нет недостатка), или же мы еще не знаем, что sine обязательно требует аблатива — в таком случае мы вообще не в состоянии осуществить катализ.

Нельзя сказать, что Ельмслев совершенно неправ, упрекая фонологов в известной непоследовательности и в злоупотреблении индуктивными методами. Но ему следовало бы отметить, что фонологи во многом учли критические замечания, высказанные в их адрес глоссематиками в ту эпоху, когда последние были еще только «фонематистами». Мы охотно признаем, что можно быть научно более точным, чем Трубецкой в «Grundzüge». Но для этого совсем не обязательно отказываться от основ его теории. Что касается «индуктивных методов», применявшихся фонологами, то, если некоторые законы, сформулированные ими с известной поспешностью, заменить несколько менее категоричными формулировками, они представляются вполне вероятными. Педагогические соображения, которые Ельмслев, к нашему несчастью, по-видимому, не разделяет, могли явиться причиной того, что в некоторых работах авторы исходят из единиц, которые предполагаются уже выделенными, вместо того чтобы начинать с изложения метода анализа, позволившего их выделить. Так же как и Ельмслев, но, конечно, не осознавая этого вполне ясно,

фонологи отталкивались от текста как целого, которое надлежало членить на элементы. Позиция Ельмслева и позиция фонологов различаются главным образом тем, в какой мере используется субстанция: Ельмслев сознательно устраняет ее целиком, фонологи же сохраняют из субстанции все то, что имеет различительное значение и что они признают необходимым для определения объекта своего исследования.

Мы горячо рекомендуем книгу Ельмслева всем лингвистам, читающим по-датски: она удивительно богата содержанием, четко построена и хорошо написана, ясна и строга по мысли. Чтение ее, конечно, весьма затруднительно даже для тех, кто уже имеет некоторое представление о глоссематике. Надо уметь жонглировать абстракциями, как это делает автор, чтобы быть в состоянии сразу же усвоить столько формальных определений и держать их постоянно в памяти под страхом окончательно растеряться на следующей странице или десятью параграфами ниже. Ельмслев, потративший десять лет на создание своей теории, безжалостен к читателям: он так давно привык думать о лингвистических проблемах в своих собственных терминах и в особом, им самим созданном аспекте, что совсем упускает из виду, что для человека, не являющегося членом сравнительно узкого круга его сотрудников и учеников, его образ мысли и манера выражения кажутся необычными и даже странными. Желательно было бы найти возможность без ущерба для научной строгости изложения более четко разъяснить некоторые нововведения глоссематики, дать больше примеров, ввести их гораздо раньше, может быть даже перед изложением самих абстрактных теоретических положений, которые эти примеры должны иллюстрировать, придать им сразу или постепенно более конкретный характер. Некоторые попытки в этом направлении можно обнаружить в рассматриваемом введении в глоссематическую теорию Ельмслева. Мы считаем, что как в интересах лингвистики в целом, так и в интересах своей собственной доктрины автору в будущем следует умножить и расширить эти попытки. Вклад, внесенный Ельмслевом в развитие нашей науки, слишком велик. Именно поэтому мы хотели бы видеть его теорию освобожденной от всяких следов изоляционизма.

Луи Ельмслев

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ТЕОРИИ ЯЗЫКА[1] *

1. Изучение языка и теория языка

Язык — человеческая речь — неисчерпаемый запас разнообразных сокровищ. Язык неотделим от человека и следует за ним во всех его действиях. Язык — инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, инструмент, посредством которого человек влияет на других людей, а другие влияют на него; язык — первичная и самая необходимая основа человеческого общества. Но он также конечная, необходимая опора человеческой личности, прибежище человека в часы одиночества, когда разум вступает в борьбу с жизнью и конфликт разряжается монологом поэта и мыслителя. До первого пробуждения нашего сознания язык был нашим эхом, готовым отразить первый нежный лепет нашей мысли и неразлучно сопровождать нас повсюду, от простой повседневной деятельности до наиболее тонких и интимных мгновений — тех мгновений, из которых мы черпаем тепло и силу в каждодневной жизни благодаря власти памяти, которую дает нам тот же язык. Но язык—не внешнее, сопровождающее человека явление. Он глубоко связан с человеческим разумом. Это — богатство памяти, унаследованное личностью и племенем, бодрствующее сознание, которое напоминает и предостерегает. И речь представляет собой характерную черту личности в хорошем и плохом ее проявлении, отличительный признак семьи и нации, свидетельство человеческого благородства. Язык

---

* Впервые на русском языке опубликовано в сб.: Новое в лингвистике. Вып. I. М.: ИЛ, 1960. С. 264-389. Общая редакция В.А. Звегинцева. — *Прим. составителя.*

[1] Настоящая работа Луи Ельмслева была опубликована впервые в 1943 г. на датском языке под названием «Omkring sprogteoriens grundlæggelse». В 1953 г. вышел ее английский перевод под названием «Prolegomena to a theory of language». Ввиду того что последний авторизован, и Луи Ельмслев внес в него некоторые библиографические дополнения и уточнения терминологического порядка, настоящий перевод предпринят с английского издания.—*Прим. ред.*

настолько глубоко пустил корни в личность, семью, нацию, человечество и саму жизнь, что мы иногда не можем удержаться от вопроса, не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением — тем семенем, из которого они выросли!

В силу этих причин язык всегда привлекал внимание человека, ему удивлялись и его описывали в поэзии и в науке. Наука стала рассматривать язык как последовательность звуков и выразительных жестов, доступных точному физическому и физиологическому описанию и выступающих как знаки для явлений сознания. Наука путем психологических и логических интерпретаций искала в языке изменчивость человеческой психики и постоянство мысли; первую—в развитии и прихотливых изменениях языка, последнее — в его знаках, два рода которых были установлены: слово и предложение, являющиеся очевидными символами для понятия и суждения. Язык, рассматриваемый как знаковая система и как устойчивое образование, используется как ключ к системе человеческой мысли, к природе человеческой психики. Рассматриваемый как надиндивидуальное социальное учреждение, язык служит для характеристики нации. Рассматриваемый как колеблющееся и изменяющееся явление, он может открыть дорогу как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошедших поколений. На язык ныне смотрят как на ключевую позицию, которая открывает перспективы во многих направлениях.

Таким образом, язык, даже если он является объектом научного изучения, оказывается не целью, а средством: средством познания, основной объект которого лежит вне самого языка, хотя, возможно, этот объект полностью достижим только через язык; причем само исследование строится на основе иных предпосылок, чем те, которые требуются языком. Язык становится средством трансцендентного познания (в собственном и этимологическом смысле слова *трансцендентный*), а не целью имманентного знания. Так, физическое и физиологическое описание звуков речи легко вырождается в чистую физику или чистую физиологию, а психологическое и логическое описание знаков (слов и предложений) — в чистую психологию, логику и онтологию, в результате чего исходный лингвистический пункт выпадает из поля зрения. Указанное подтверждается историческим опытом. Но даже там, где это непосредственно не

имеет места, все же физические, физиологические, психологические и логические явления, взятые сами по себе, еще не составляют языка; они представляют собой только бессвязные, внешние грани его, выбранные как объекты изучения не ради самого языка, но ради явлений, на которые язык направлен. Это справедливо и в том случае, когда язык рассматривается на основе данных описаний как ключ к пониманию социальных условий и к реконструкции доисторических отношений народов и наций.

Все сказанное здесь говорилось не для того, чтобы уменьшить ценность приведенных точек зрения или всей проделанной работы, но для того, чтобы указать на реальную опасность: в ревностном стремлении к цели нашего знания мы можем забыть о средстве познания — о самом языке. Эта опасность реальна потому, что невнимание к языку вызывается самой природой языка, который прежде всего является средством познания, а не его целью. Только искусственно можно направить ищущий луч света на само средство познания. Это относится в равной мере как к житейской практике, где на языке, как правило, не концентрируется внимание, так и к научному исследованию. Давно стало ясно, что наряду с филологией, где изучение языка и его памятников есть средство познания литературных явлений и исторических событий, должна существовать лингвистика—наука о языке и его текстах как таковых. Но от замысла до исполнения путь долог. Язык и на этот раз разочаровал сторонников научного подхода. То, что составляло главное содержание традиционной лингвистики — история языка и генетическое сравнение языков, — имело своей целью не столько познание природы языка, сколько познание исторических и доисторических социальных условий и контактов между народами, т. е. знание, добытое с помощью языка как средства. Но все это также филология. Правда, часто кажется, что, оставаясь в пределах внутренних технических приемов сравнительной лингвистики этого рода, мы изучаем сам язык, но это только иллюзия. В действительности мы изучаем disiecta membra, т. е. разрозненные части языка, которые не позволяют нам охватить язык как целое. Мы изучаем физические и физиологические, психологические и логические, социологические и исторические проявления языка, но не сам язык.

Чтобы создать истинную лингвистику, которая не есть лишь вспомогательная наука, нужно сделать что-то еще.

Лингвистика должна попытаться охватить язык не как конгломерат внеязыковых (т. е. физических, физиологических, психологических, логических, социологических) явлений, но как самодовлеющее целое, структуру sui generis. Только таким образом язык как таковой может рассматриваться научно, не разочаровывая своих исследователей и не ускользая из их поля зрения.

В конечном счете значение подобной попытки может быть определено посредством того влияния, которое такая лингвистика способна оказывать на различные трансцендентные точки зрения — на филологию и на то, что до сих пор считалось лингвистикой. В частности, с помощью подобного рода лингвистической теории можно создать единую основу для сравнения языков. Последняя даст возможность устранить тот провинциализм в образовании понятий, который является уделом филологов; таким путем будет фактически построена действительная и рациональная генетическая лингвистика. В результате значение подобной лингвистики независимо от того, будет ли структура языка приравнена к структуре действительности или взята как более или менее деформированное отражение ее, может быть также оценено величиной ее вклада в общую эпистемологию.

Итак, необходимо построить теорию языка, способную открыть и сформулировать предпосылки лингвистики подобного рода, установить ее методы и обозначить ее пути. Настоящая работа представляет собой введение в такую теорию.

Изучение языка с разнообразными, в сущности трансцендентными, целями имело многих приверженцев; теория языка с ее чисто имманентными целями — немногих. В этой связи теорию языка не следует смешивать с философией языка. Как и в истории других дисциплин, в истории языкознания засвидетельствованы попытки дать философское обоснование действительной практике исследования, а в связи с интересом к основам лингвистики, выросшим за последние годы, некоторым трансцендентным видам лингвистики были предпосланы предполагаемые системы аксиом[1]. В то же самое время рассуждения в области лин-

---

[1] L. Bloomfield, A set of postulates for the science of language, «Language», II, 1926, p. 153—164; Karl Bühler, Sprachtheorie, Jena, 1934, id. Die Axiomatik der Sprachwissenschaften, «Kantstudien», XXXVIII, 1933, p. 19—90.

гвистической философии очень редко имели сколько-нибудь точную форму или осуществлялись систематически с широким охватом материала, и весьма редко проводились исследователями с достаточной подготовкой как в области лингвистики, так и эпистемологии. Большинство подобных рассуждений можно отнести к категории субъективных, и поэтому ни одно из них не получило сколько-нибудь значительного признания, за исключением, может быть, временного, когда они становились довольно поверхностными модными течениями. По этой причине история теории языка не может быть написана и ее эволюция не может быть прослежена — она слишком непоследовательна. Поэтому многие рассматривают попытки создания теории языка как пустое философствование и дилетантство, для которого характерен априоризм. Такой приговор представляется справедливым, поскольку дилетантское и априорное философствование действительно преобладали в этой области и так утвердились в ней, что со стороны становилось трудно отличить истинное от ложного.

Настоящая работа, возможно, докажет, что подобные характеристики не являются внутренне необходимыми для любой попытки построения лингвистической теории. Мы наилучшим образом достигнем этой цели, если до некоторой степени забудем прошлое и начнем сначала со всех тех случаев, где в прошлом не было получено положительных результатов. В значительной мере мы будем основываться на том же экспериментальном материале, который рассматривался и в предшествующих изысканиях, на материале, который, будучи взят в новой интерпретации, представит объект языковой теории. Мы должны открыто признать нашу зависимость от предшественников там, где очевидные результаты были достигнуты другими учеными. В качестве первооткрывателя должен быть назван лингвист-теоретик швейцарец Фердинанд де Соссюр [1].

Чрезвычайно важная подготовительная работа по созданию лингвистической теории, представленной здесь, была проведена некоторыми членами Копенгагенского лингвистического кружка, особенно Х. Й. Ульдаллем в

---

[1] Ferdinand de S a u s s u r e, Cours de linguistique générale, publ. par Ch. Bally и Alb. Sechehaye. Paris, 1916, 2 ed., 1922, 3 ed., 1931; [Рус.пер.: С о с с ю р Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2003.— *Прим. составителя*].

1934—1939 гг.[1] Уточнению некоторых основных предпосылок теории помогли обсуждения Копенгагенского философского и психологического общества и, кроме того, детальный обмен мнениями с Йоргеном Йоргенсеном и Эдгаром Транекьер Расмуссеном. Ответственость за настоящую работу несет только автор.

2. Лингвистическая теория и гуманитарные науки

Лингвистическая теория, интересующаяся специфической структурой языка и исходящая исключительно из формальной системы предпосылок, не должна придавать исключительного значения отклонениям и изменениям в речи, хотя она и вынуждена принимать их во внимание; она должна искать **постоянное**, не связанное с какой-либо внеязыковой «реальностью», то постоянное, что делает язык языком, каким бы он ни был, и что отожествляет любой конкретный язык с самим собой во всех его различных проявлениях. Когда это постоянное найдено и описано, оно может быть спроецировано на «реальность» вне языка, какого бы рода ни была эта «реальность» (физическая, физиологическая, психологическая, логическая, онтологическая), так что даже при рассмотрении «реальности» язык остается главным объектом, и не конгломератом, но организованным целым с языковой структурой как ведущим принципом.

Поискам такого обобщающего и интегрирующего постоянного, несомненно, будет противостоять определенная традиция гуманитарных наук, которая в различных обличиях до сих пор преобладает в лингвистической науке. В своей типичной форме гуманитарная традиция отрицает a priori существование постоянного и законность его поисков. Согласно этой точке зрения, общественные явления в противоположность естественным непериодичны и по самой этой причине не могут, как это имеет место с естественными явлениями, быть объектом точного и обобщенного изучения. В области гуманитарных наук якобы должен применяться другой метод, а именно чистое описание, которое обычно бывает ближе к поэзии, чем к точной науке, или, во всяком случае, метод, ограничивающий себя простым изложением, при котором явления перечисляются одно за

[1] Изложение теории дано в книге L. Hjelmslev & H. J. Uldall, An outline of glossematics, «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague». Первая часть этой работы включена в сб. «Новое в лингвистике». Вып. I. М.:ИЛ, 1960. — *Прим. ред.*

другим без всякой попытки интерпретации через систему. У историков этот тезис выдвигается в качестве доктрины, и он действительно кажется основой истории в ее классической форме. Соответственно те дисциплины, которые, возможно, следовало бы назвать наиболее гуманитарными — изучение литературы и искусства,— также до сих пор являются скорее исторически-описательными, чем систематизирующими предметами. В некоторых областях можно заметить тенденцию к систематизации, но история и наряду с ней гуманитарные науки в целом, по-видимому, еще далеки от готовности признать законность и возможность такой систематизации.

A priori во всех случаях справедливым кажется тезис о том, что для каждого процесса (в том числе и исторического) можно найти соответствующую систему, на основе которой процесс может быть проанализирован и описан посредством ограниченного числа предпосылок. Следует предположить, что любой процесс может быть разложен на ограниченное число элементов, которые постоянно повторяются в различных комбинациях. Затем эти элементы могут быть объединены в классы по их комбинационным возможностям. И наконец, в дальнейшем, очевидно, можно построить всеобщее и исчерпывающее исчисление (calculus) возможных комбинаций. История, в частности, построенная таким образом, поднялась бы над уровнем чисто примитивного описания, став систематичной, точной и дедуктивной наукой, в теории которой все события (возможные комбинации элементов) предвидятся, а условия их осуществления устанавливаются заранее.

Кажется бесспорным, что, не пытаясь испробовать этот тезис в качестве рабочей гипотезы, гуманитарные науки пренебрегают своей наиболее важной задачей—стремлением превратить исследование общественных явлений в науку. Нужно понять, что исследованию общественных явлений приходится выбирать между поэтической концепцией как единственно возможной, с одной стороны, и поэтической и научной концепциями как двумя соотносительными формами описания, с другой стороны; следует также усвоить, что выбор зависит от проверки правильности тезиса о том, что в основе процесса лежит определенная система.

Казалось бы, a priori, язык является объектом, для которого результат проверки этого тезиса должен быть положительным.

Чисто описательный подход к исследованию лингвистических явлений, видимо, не может вызвать значительного интереса, и поэтому всегда чувствовалась потребность в дополнительной, систематизирующей точке зрения: в совокупности текстов искали фонетическую систему, семантическую систему, грамматическую систему. Но до сих пор лингвистическая наука, взращиваемая филологами с трансцендентной целью (с целью, находящейся вне языка) и под сильным влиянием гуманитарных наук, отрицавших значение системы, не смогла выполнить анализ до конца, сделать ясными его предпосылки или установить единый принцип анализа, и поэтому он остался приблизительным и субъективным, метафизическим и эстетствующим, не говоря уже о тех случаях, когда он стал совершенно анекдотическим.

Цель лингвистической теории — испытать, по-видимому, на исключительно благоприятном объекте тезис о том, что существует система, лежащая в основе процесса,— постоянное, лежащее в основе изменений. Голоса, поднятые заранее против такой попытки в области гуманитарных наук, совершенно априорно убеждающие, что мы не можем подвергнуть духовную жизнь человека и связанные с ней явления научному анализу, не убив этой жизни и не дав тем самым нашему предмету ускользнуть от рассмотрения, не могут удержать ученых от этой попытки. Если попытка не удастся — не в частности, а в принципе,— тогда эти возражения окажутся резонными и общественные явления придется рассматривать только субъективно и по эстетическим меркам. Если, однако, попытка удастся — и принцип окажется практически применимым,— тогда эти голоса смолкнут сами собой и останется только провести соответствующие эксперименты в других гуманитарных областях.

3. Лингвистическая теория и эмпиризм

Теория получит свою простейшую форму, будучи построена лишь на тех предпосылках, которых обязательно требует ее объект. Более того, чтобы удовлетворять своей цели, теория во всех ее применениях должна обнаружить результаты, согласующиеся с так называемыми (действительными или предполагаемыми) экспериментальными данными. В этом пункте каждая теория сталкивается с методическим требованием, содержание которого должно изучаться эпистемологией. Такое изучение, мы думаем, здесь может быть опущено. Нам кажется, что требование, приб-

лизительно сформулированное нами выше (требование так называемого эмпиризма), будет удовлетворять изложенным ниже принципам. В соответствии с этим принципом, который мы ставим во главу всех остальных, наша теория сразу становится четко отличима от всех предшествующих попыток построения философий языка.

Описание должно быть свободным от противоречий (самоудовлетворяющим), исчерпывающим и предельно простым. Требование непротиворечивости предшествует требованию исчерпывающего описания. Требование исчерпывающего описания предшествует требованию простоты.

Мы рискнем назвать этот принцип **эмпирическим принципом**. Но мы намерены отказаться от этого названия, если эпистемологические исследования покажут его неприемлемость. С нашей точки зрения, это чисто терминологический вопрос, не влияющий на содержание принципа.

4. Лингвистическая теория и индукция

Утверждение нашего так называемого эмпирического принципа не равно утверждению индуктивизма, под которым понимается требование постепенного перехода от частного к общему, или от более ограниченного к менее ограниченному. Здесь мы снова оказываемся в области терминов, требующих эпистемологического анализа и уточнения, на этот раз терминов, которые мы сами в дальнейшем будем иметь случай использовать более точно, чем это можно сделать сейчас. И здесь снова придется произвести терминологический расчет с эпистемологией. В данный момент мы заинтересованы в выяснении нашей позиции по отношению к позиции предшествующей лингвистики. В своей типичной форме эта лингвистика идет в образовании своих понятий от отдельных звуков к фонемам (классам звуков), от отдельных фонем — к категориям фонем, от различных индивидуальных значений — к общим основным значениям, а от последних — к категориям значений. Процедуру такого рода в лингвистике мы называем обычно **индуктивной**. Она может быть кратко определена как переход от сегмента к классу, а не от класса к сегменту. Это синтетическое, а не аналитическое движение, обобщающий, а не специфицирующий метод. Сам опыт с очевидностью показывает недостат-

ки данного метода. Он неизбежно ведет к отвлечению понятий, которые затем рассматриваются как реальность. Этот реализм (в средневековом смысле слова) не может дать полезной основы для сравнения, так как понятия, полученные подобным образом, не являются общими и поэтому не могут быть вынесены за пределы отдельного конкретного языка. Вся унаследованная нами терминология страдает от этого ущербного реализма.

Полученные путем индукции понятия таких грамматических классов, как «родительный падеж», «перфект», «сослагательное наклонение», «пассив» и т. д., дают яркие примеры подобных явлений. Ни одно из таких понятий, в том виде, в каком они были использованы до сих пор, не допускает общего определения: родительный падеж, перфект, сослагательное наклонение и пассив—совершенно различные явления в двух разных языках (например, в латинском и в греческом). Это же верно (без всякого исключения) и для остальных понятий традиционной лингвистики. В этой области индукция ведет, таким образом, от изменчивого не к постоянному, а к случайному. Она поэтому в конце концов вступает в противоречие с эмпирическим принципом, который мы установили: она (индукция) не может обеспечить непротиворечивого и простого описания.

Если мы исходим из некоторых экспериментальных данных, то они подсказывают обратную процедуру. Единственно, что дается исследователю языка в качестве исходного пункта (мы излагаем это в традиционной форме по причинам эпистемологического характера), так это **текст** в своей нерасчлененной и абсолютной целостности. Нашей единственно возможной процедурой, если мы хотим построить систему для процесса, представленного этим текстом, будет анализ, при котором текст рассматривается как класс, разделенный на сегменты. Затем эти сегменты в качестве классов в свою очередь делятся на сегменты и так далее до тех пор, пока анализ не будет закончен. Поэтому данная процедура может быть определена кратко как переход от класса к сегменту, а не от сегмента к классу, как аналитическая и специфицирующая, а не как синтетическая и обобщающая, как движение, противоположное индукции в том смысле, какой этот термин приобрел в лингвистике. В современной лингвистике, если только в ней осознается это противопоставление, такого рода процедура или приближение к ней обозначается термином **дедукция**. Такое упо-

требление термина беспокоит эпистемологов, но мы будем его придерживаться, поскольку надеемся позднее показать, что возражения терминологического порядка в данном вопросе могут быть преодолены.

5. Лингвистическая теория и реальность

С помощью избранных нами терминов нам удалось определить метод лингвистической теории как необходимо эмпирический и дедуктивный и тем самым осветить одну сторону первостепенного вопроса об отношении языковой теории к так называемым опытным данным. Однако нам еще осталось осветить другую сторону того же вопроса. Иными словами, мы должны выяснить, являются ли возможные зависимости между теорией и ее объектом (или объектами) взаимными или односторонними. В упрощенной, преднамеренно наивной форме проблема может быть сформулирована следующим образом: объект ли определяет теорию и воздействует на нее или же теория определяет свой объект и воздействует на него?

Здесь мы также должны отказаться от рассмотрения чисто эпистемологической проблемы во всем ее объеме и сосредоточить наше внимание на наиболее важном для нас аспекте. Совершенно ясно, что слово **теория**, которое часто употребляется неправильно и небрежно, может быть понято по-разному. **Теория** может означать в числе прочих вещей систему гипотез. Если слово взято в этом распространенном теперь смысле, ясно, что зависимость между теорией и объектом односторонняя: объект определяет теорию и воздействует на нее, но не наоборот. Гипотезы могут оказаться при проверке правильными или неправильными. Но, возможно, читатель уже заметил, что мы употребляем слово **теория** в другом смысле. В этой связи одинаково важное значение имеют два следующих фактора:

1. Теория в нашем смысле сама по себе независима от опыта. Сама по себе она ничего не говорит ни о возможности ее применения, ни об отношении к опытным данным. Она не включает постулата о существовании. Она представляет собой то, что было названо чисто дедуктивной системой, в том смысле, что она одна может быть использована для исчисления возможностей, вытекающих из ее предпосылок.

2. С другой стороны, теория включает ряд предпосылок, о которых из предшествующего опыта известно, что они

удовлетворяют условиям применения к некоторым опытным данным. Эти предпосылки наиболее общи и могут поэтому удовлетворять условиям применения к большому числу экспериментальных данных.

Первый из этих факторов мы назовем **произвольностью** теории, второй — **пригодностью** теории. При создании теории необходимо считаться с обоими факторами, но из сказанного следует, что экспериментальные данные никогда не могут усилить или ослабить теорию, они могут усилить или ослабить только ее пригодность.

Теория позволяет нам выводить теоремы, которые должны иметь форму импликаций (в логическом смысле) или быть переводимыми в такую условную форму. Подобная теорема утверждает только, что при выполнении некоторого условия данное суждение справедливо. Применение теории покажет, выполняется ли это условие в каждом случае.

На основе теории и ее теорем мы можем построить гипотезы (включая так называемые законы), судьба которых в противоположность судьбе самой теории зависит исключительно от их проверки.

Здесь ничего не говорилось об аксиомах или постулатах. Мы предоставляем решать эпистемологам, необходимы ли лингвистической теории какие-либо предпосылки, за исключением открыто вводимых этой теорией. Однако предпосылки языковой теории уводят нас далеко назад. В результате предпосланные ей аксиомы имеют столь общий характер, что кажется, будто ни одна из них не может быть характерной для лингвистической теории в противоположность другим теориям. Это объясняется тем, что мы ставили своей задачей проследить (не выходя за пределы того, что представляется непосредственно относящимся к лингвистической теории), насколько далеко уходят наши предпосылки. Мы вынуждены поэтому до некоторой степени вторгнуться в область эпистемологии, как мы поступали и в предшествующих разделах. Мы убеждены, что невозможно построить теорию определенной науки без активного сотрудничества с эпистемологией.

Таким образом, лингвистическая теория единовластно определяет свой объект при помощи произвольного и пригодного выбора (strategy) предпосылок. Теория представляет собой исчисление, состоящее из наименьшего числа наиболее общих предпосылок, из которых ни одна предпосылка, принадлежащая теории, не обладает аксиоматиче-

ской природой. Исчисление позволяет предсказывать возможности, но ничего не говорит об их реализации. Таким образом, если подобная лингвистическая теория соотносится с понятием реальности, ответ на сформулированные выше вопросы—объект определяет свою теорию и влияет на нее или же наоборот — будет иметь двоякий смысл: в силу своей произвольной природы теория **не реалистична**; в силу своей пригодности она **реалистична** (слово *реализм* берется здесь в современном, а не в средневековом, как указывалось выше, смысле).

6. Цель лингвистической теории

Можно сказать, что теория в нашем смысле слова направлена на создание процедуры, посредством которой объекты определенной природы могут быть описаны непротиворечиво и исчерпывающе. Такое непротиворечивое и исчерпывающее описание ведет к тому, что обычно называется знанием или пониманием исследуемого предмета. Таким образом, в некотором смысле мы можем также сказать, не опасаясь запутать и затемнить дело, что цель теории — указать процедуру, дающую познание или понимание данного объекта. Но в то же время предполагается, что теория не только дает нам средство познания одного определенного объекта. Она должна быть построена таким образом, чтобы дать нам возможность познать все мыслимые объекты той же самой природы, что и рассматриваемый объект. Теория должна быть общей в том смысле, что она должна снабдить нас инструментами для понимания не только данного объекта или объектов, исследованных до этого, но всех мыслимых объектов определенной природы. Теория вооружает нас для встречи не только с теми случаями, которые встречались нам ранее, но и с любым возможным случаем.

Объекты, интересующие лингвистическую теорию,— суть тексты. Цель лингвистической теории — создать процедурный метод, с помощью которого можно понять данный текст, применяя непротиворечивое и исчерпывающее описание. Но лингвистическая теория должна также указать, как с помощью этого метода можно понять любой другой текст той же самой природы. И она делает это, снабжая нас инструментом, который может быть использован для любого подобного текста.

Например, нам нужна лингвистическая теория, дающая возможность непротиворечиво и исчерпывающе описать

не только данный датский текст, но также все другие данные датские тексты, и не только все данные, но также все мыслимые или возможные датские тексты, включая тексты, которые еще не будут существовать до какого-то момента, но которые являются текстами того же рода, т. е. текстами той же предпосланной природы, что рассматривались до сих пор. Лингвистическая теория удовлетворяет этому требованию, базируясь на датских текстах, существовавших до сих пор. И поскольку даже эти последние чрезвычайно велики числом и протяженностью, надо довольствоваться некоторой выборкой из них. Пользуясь инструментом лингвистической теории, мы можем извлечь из выборки текстов запас знаний, который снова можно использовать на других текстах. Эти знания касаются не только и не столько **процессов** или **текстов**, из которых они извлечены, но **системы** или **языка**, на основе которой (или которого) построены все тексты определенной природы и с помощью которой (или которого) мы можем строить новые тексты. Посредством лингвистической информации, полученной нами таким образом, мы сможем построить любые мыслимые или теоретически возможные тексты на одном и том же языке.

Однако лингвистическая теория должна использоваться не только для описания и предсказания любого возможного текста, составленного на определенном языке; на основе информации, которую она (теория) дает о языке вообще, она должна быть полезна для описания и предсказания любого возможного текста на любом языке. Лингвист-теоретик должен, конечно, одинаковым образом попытаться удовлетворить оба эти требования, исходя из некоторой выборки текстов на различных языках. По-видимому, было бы невозможным для человека проработать все существующие тексты, и, более того, этот труд был бы напрасным, поскольку теория должна распространяться также и на еще несуществующие тексты. Лингвист-теоретик, как и всякий другой теоретик, должен предвидеть все мыслимые возможности — представить эти возможности, которые он сам не испытал и не видел, реализованными, хотя некоторые из них, вероятно, никогда не будут реализованы. Только таким образом можно создать лингвистическую теорию, которую с уверенностью можно применять.

В силу своей пригодности работа над лингвистической теорией всегда эмпирична; в силу своей произвольности она

связана с исчислением. Исходя из ряда опытных данных, которые по необходимости являются ограниченными (даже если они будут в высшей степени разнообразными), лингвист-теоретик строит исчисление всех мыслимых возможностей в определенных рамках. Эти рамки он конструирует произвольно: он открывает некоторые свойства, существующие во всех тех объектах, которые люди соглашаются называть языками, чтобы затем обобщить эти свойства и фиксировать их посредством определения. С этого момента лингвист-теоретик сам предписывает — произвольно, но также удовлетворяя принципу пригодности,— к каким объектам его теория может применяться, а к каким нет. Затем он строит для всех объектов, природа которых удовлетворяет определению, общее исчисление, учитывающее все мыслимые случаи. Исчисление, дедуцируемое из установленного определения независимо от какого-либо опыта, создает инструмент для описания и понимания данного текста и языка, на основе которого этот текст построен. Лингвистическая теория не может быть проверена (подтверждена или оценена) этими существующими текстами и языками. Она может только контролироваться испытаниями, проверяющими, является ли исчисление непротиворечивым и исчерпывающим.

Если благодаря такому общему исчислению лингвистическая теория заканчивается построением нескольких возможных процедур, каждая из которых может обеспечить непротиворечивое и исчерпывающее описание любого данного текста и поэтому любого языка, то тогда среди этих процедур должна быть выбрана процедура, дающая наипростейшее описание. Если несколько методов представляют в равной степени простые описания, должен быть выбран тот метод, который приводит к конечным результатам путем наипростейшей процедуры. Этот принцип, выводимый из нашего так называемого «эмпирического принципа», мы назовем **принципом простоты**.

Опираясь на этот принцип и соотносясь только с ним, мы сможем придать смысл утверждению о том, что одно непротиворечивое и исчерпывающее решение правильно, а другое неправильно. Решение считается правильным, если оно в наибольшей степени удовлетворяет принципу простоты.

В этом случае мы можем контролировать лингвистическую теорию и ее применение, проверяя, является ли решение, к которому она приводит, не только решением не-

противоречивым и исчерпывающим, но также и наиболее простым.

Становится ясным, что лингвистическая теория может быть проверена только с точки зрения своего «эмпирического принципа», и только с точки зрения его одного. Следовательно, можно вообразить несколько лингвистических теорий в смысле «приближений (апроксимаций) к идеалу, построенному и сформулированному в терминах „эмпирического принципа"». Одна из них непременно должна быть окончательной, и любая конкретно развитая лингвистическая теория имеет надежду быть таковой. Но отсюда следует, что лингвистическая теория как дисциплина не определяется своей конкретной формой и для нее является как возможным, так и желательным дальнейшее совершенствование путем внесения в нее новых конкретных изменений, дающих все более полное приближение к основному принципу.

В данном введении к теории языка мы занимаемся главным образом экспериментальной работой, которая по отношению к теории представляет собой ее предварительное условие. Мы будем интересоваться именно реалистической стороной теории, идя навстречу требованию применимости. Это будет достигаться исследованием элементов, участвующих в построении любого языка, и исследованием логических следствий, вытекающих из фиксации этих элементов с помощью определений.

7. Перспективы лингвистической теории

Лингвистическая теория, избегающая преобладающей до сих пор трансцендентной точки зрения, стремящаяся к пониманию языка как имманентной, непротиворечивой и специфичной структуры (стр. 265) и, наконец, устанавливающая постоянное в пределах языка, а не вне его (стр. 269), начинается с ограничения области своего объекта. Это ограничение необходимо, но только как временная мера, и не предполагает сужения поля зрения или ограничения существенных факторов того глобального целого, каким является язык. Оно (ограничение) предполагает только разделение объекта исследования по степени трудности, устанавливая ход мысли от простого к сложному в согласии со 2-м и 3-м правилами Декарта. Это — всего лишь простое следствие потребности различать, чтобы сравнивать, следствие обязательного принципа анализа. Ограничение может считаться

оправданным, если в дальнейшем оно позволит исчерпывающе и непротиворечиво расширить перспективу посредством проекции обнаруженной структуры на окружающие ее явления так, чтобы они удовлетворительно объяснялись в свете структуры,— иначе говоря, если после анализа глобальное целое (язык в жизни и действительности) может снова рассматриваться синтетически как целое, на этот раз не как случайное образование или же всего лишь конгломерат de acto, но как явление, построенное в соответствии с ведущіим принципом. В той мере, в какой удается осуществить такой анализ целого, лингвистическая теория может быть названа удачной. Испытание заключается в исследовании того, до какой степени лингвистическая теория удовлетворяет эмпирическому принципу в его требовании исчерпывающего описания. Это испытание может быть осуществлено путем извлечения всех возможных общих следствий из избранного структурного принципа.

Лингвистическая теория, таким образом, предоставляет возможность расширить перспективу. Конкретный подход будет зависеть от того, какой ряд объектов мы выберем для наших начальных рассуждений.

Мы предпочитаем начать с предпосылок, установленных предшествующими лингвистическими исследованиями и рассматривать лишь так называемый **«естественный» язык** как исходный пункт лингвистической теории. Отсюда перспективные круги будут расходиться до тех пор, пока не будут достигнуты самые конечные следствия. Затем нам придется иметь дело с дальнейшим расширением перспективы, посредством чего те стороны человеческой речи как целого, которые вначале были исключены из рассмотрения, включатся вновь и займут свое место в новом целом.

8. Система определений

Лингвистическая теория, главная задача которой проследить возможно глубже специфические предпосылки лингвистики, строит для этой цели систему определений. От лингвистической теории требуется, чтобы она была наименее метафизична, иными словами, она должна содержать как можно меньше скрытых предпосылок. Ее понятия поэтому должны быть определены, и, насколько это возможно, сами определения должны строиться на уже определенных понятиях. Таким образом, практически основная цель состоит в определении как можно большего числа по-

нятий и в строго последовательном введении определений, когда предшествующие определения служат предпосылкой для последующих определений.

Целесообразно придать строго **формальный** и в то же время эксплицитный характер определениям, которые предпосланы другим определениям и которые из них вытекают. Они отличаются от **реальных** определений, к которым до сих пор стремилась лингвистика, в той мере, в какой это возможно с точки зрения лингвистики. Формальные определения теории не стремятся исчерпать внутреннюю природу объектов или же определить их внешне, со всех сторон, но всего лишь связать их относительным образом с другими объектами, аналогично определенными или предпосланными в качестве основы.

В некоторых случаях необходимо в ходе лингвистического описания ввести в добавление к формальным определениям **операциональные** определения, играющие только временную роль. Под этим термином объединены как такие определения, которые на последующих ступенях процедуры могут быть превращены в формальные, так и чисто операциональные определения, определяемое (definienda) которых не входит в систему формальных определений.

Это большое число определений, по-видимому, является дополнительным поводом для освобождения лингвистической теории от специфических аксиом (стр. 40). Действительно, нам кажется, что соответствующий выбор определений в любой науке представляет эффективное средство сокращения числа аксиом или, в некоторых случаях, сведения их числа к нулю. Целенаправленная попытка ограничить имплицитные предпосылки ведет к замене постулатов частично определениями и частично условными предпосылками, так что постулаты как таковые устраняются из аппарата теории. Таким образом, в большинстве случаев кажется возможным заменить чистые постулаты о существовании теоремами в форме условий.

9. Принципы анализа

Поскольку лингвистическая теория начинает с текста как единственно данного и пытается прийти к непротиворечивому и исчерпывающему описанию этого текста путем анализа или последовательного разделения, т. е. с помощью дедуктивного перехода от класса к сегменту и сегменту сегмента (стр. 38, 41), постольку основные положения системы

определений этой теории должно относиться к самому принципу анализа. Эти определения должны установить природу анализа и понятия, которые входят в него.

Основные положения системы определений будут исходным моментом при решении вопроса о том, какой вид процедуры должна избрать лингвистическая теория, чтобы выполнить свою задачу.

Из соображений пригодности (т. е. в соответствии с тремя требованиями, предъявляемыми эмпирическим принципом) выбор основания для разделения текста может быть неодинаковым для различных текстов. Поэтому основание может быть установлено как универсальное только путем общего исчисления, которое принимает во внимание все мыслимые возможности. Подлинно универсальным является, впрочем, сам принцип анализа, и он один интересует нас в данный момент.

Принцип анализа также должен быть установлен с учетом эмпирического принципа, и, в частности, именно в связи с этим требование исчерпывающего описания имеет в данном случае практический интерес.

Мы должны установить, что является необходимым для обеспечения исчерпывающего результата анализа (в широком, предварительном смысле термина), и позаботиться, чтобы не вводился заранее метод, исключающий возможность регистрации факторов, которые другой анализ также признал бы принадлежащими объекту, изучаемому лингвистикой. Мы можем выразить это иначе, сказав, что анализ должен быть адекватным.

Наивный реализм, вероятно, предположил бы, что анализ заключается в разделении данного объекта на части, т. е. на новые объекты, и последних снова на части, например еще на другие объекты и т. д. Но даже наивный реализм столкнулся бы с выбором между несколькими возможными способами разделения. Совершенно очевидно, что важно не разделение объекта на части, но подготовка анализа таким образом, чтобы он соответствовал взаимозависимостям между этими частями и позволял нам адекватно рассматривать их. Только благодаря этому деление становится адекватным и с точки зрения метафизической теории познания, можно сказать, отражает «природу объекта» и его частей.

Когда мы извлечем из этого все следствия, мы придем к заключению, наиболее важному для понимания прин-

ципа анализа: и рассматриваемый объект, и его части существуют только в силу этих зависимостей; рассматриваемый объект как целое может быть определен только через их общую сумму; каждая из его частей может быть определена только через зависимости, связывающие ее с другими соотносимыми частями, с целым и с частями следующего уровня, и через сумму зависимостей, которые связывают части этого следующего уровня друг с другом. При таком рассмотрении «объекты» наивного реализма, с нашей точки зрения, являются не чем иным, как пересечением пучков подобных зависимостей. Иными словами, объекты могут быть описаны только с их помощью и могут быть определены и научно рассмотрены только таким путем. Зависимости, которые наивный реализм рассматривает как вторичные, предполагающие существование объектов, становятся с этой точки зрения первичными, предопределяемыми взаимными пересечениями.

Признание того факта, что целое состоит не из вещей, но из отношений и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, конечно, не является новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике. Постулирование объектов как чего-то отличного от терминов отношений является излишней аксиомой и, следовательно, метафизической гипотезой, от которой лингвистике предстоит освободиться.

Безусловно, в современной лингвистической науке мы до некоторой степени подходим к идеям, которые, если продумать их до конца, необходимо ведут к подобному пониманию. Со времен Фердинанда де Соссюра часто утверждалось, что между некоторыми элементами языка существует взаимозависимость такого рода, что язык не может обладать одним из элементов, не обладая другим. Идея, без сомнения, верная, хотя она часто преувеличивалась и применялась неправильно. Все указывает на то, что Соссюр, который повсюду искал «зависимости» (rapport) и утверждал, что язык есть форма, а не субстанция, признавал первичность зависимостей в языке.

На этой стадии нашего исследования мы должны остерегаться движения по кругу. Пусть мы утверждаем, например, что существительные и прилагательные или гласные и согласные взаимно обусловливают существование друг друга, так что язык не может иметь существительных, не имея прилагательных, и наоборот, или что он не может

иметь гласных, не имея согласных, и наоборот. Эти суждения (их, как нам кажется, можно представить в виде теорем) будут истинными или ложными в зависимости от определений, выбранных для понятий «существительное», «прилагательное», «гласный», «согласный».

Таким образом, уже на данной ступени мы оказались в полосе трудностей. Трудности все больше возрастают вследствие того, что наши примеры (которые мы до этого искали главным образом во взаимных зависимостях) взяты из системы языка, а не из процесса (стр. 270), а также и потому, что мы искали именно такой вид зависимостей, а не иной.

Кроме взаимозависимостей, мы должны предусмотреть односторонние зависимости. В них один из членов предполагает существование другого, но не наоборот. Затем надо помнить о более свободных зависимостях, существующих между двумя членами, не вступающими ни в какие отношения зависимости и, однако, являющимися совместимыми (в процессе или системе). Этим последним опи отличаются, таким образом, от другого набора членов, которые являются несовместимыми.

Поскольку мы обнаружили существование различных возможностей, возникает насущная потребность в специальной терминологии. Предварительно введем термины для возможностей, рассмотренных выше. Взаимные зависимости, при которых один член предполагает существование другого и наоборот, мы условно назовем **взаимозависимостями (интердепенденциями)**. Односторонние зависимости, при которых один член предполагает существование другого, но не наоборот, мы назовем **детерминациями**. А более свободные зависимости, в которых оба члена являются совместимыми, но ни один не предполагает существования другого, мы назовем **констелляциями**.

К этим общим обозначениям для трех видов зависимостей мы прибавим специальные обозначения для зависимостей в процессе и в системе отдельно. Взаимозависимость между членами в процессе мы назовем **солидарностью**, взаимозависимость между членами в системе — **комплементарностью**[1]. Детерминацию между членами в про-

---

[1] Примерами комплементарности могут служить отношения между существительными и прилагательными и отношения между гласными и согласными.

цессе мы назовем **селекцией**, а детерминацию между членами в системе — **спецификацией**. Констелляции в процессе мы назовем **комбинациями**, а констелляции в системе — **автономиями**.

Удобно иметь в своем распоряжении три ряда терминов: один ряд для процесса, второй ряд для системы и, наконец, третий ряд, употребляемый в одинаковой мере как для процесса, так и для системы. Дело в том, что найдено несколько случаев с одним и тем же набором членов как для процесса, так и для системы. И поэтому в таких случаях различие между процессом и системой заключается лишь в различии точек зрения. Данная теория сама дает пример этого: иерархия определений может рассматриваться как процесс, поскольку сначала утверждается, пишется или читается одно определение, затем другое и т. д., или же как система, т. е. как потенциальная основа, делающая возможным процесс. Функции между определениями являются детерминациями, так как наличие определений, помещаемых ранее в процессе (или системе) определений, предполагается последующими определениями, но не наоборот. Если иерархия определений рассматривается как процесс, между определениями существует селекция; если она рассматривается как система, между определениями наличествует спецификация.

Для настоящего исследования, посвященного анализу текста, первоочередной интерес представляет процесс, а не система. Если мы захотим найти примеры солидарности в текстах индивидуального языка, то мы их легко найдем. Например, в языке знакомой структуры часто существует солидарность между морфемами[1] различных категорий в пределах «грамматической формы», так что морфема одной категории в пределах подобной грамматической формы необходимо сопровождается морфемой другой категории и наоборот. Так, морфема падежа и морфема числа всегда сочетаются в латинском имени; ни одна из них не существует отдельно, без другой. Более наглядными, однако, являются селекции. Некоторые из них давно были известны под названием управления, хотя это понятие оставалось неопределенным. Между предлогом и падежом возможна селекция, как, например, между латинскими sine и аблативом,

---

[1] В настоящей книге термин «морфема» употребляется в значении флективного элемента, рассматриваемого как элемент содержания.

поскольку sine предполагает существование аблатива в тексте, но не наоборот. В других случаях будет иметь место комбинация, например, между латинскими ab и аблативом, где оба элемента могут сочетаться друг с другом, но не обязательно. Своей способностью сосуществования они отличаются, например, от ad и аблатива, которые не способны сочетаться. Необязательность совместного употребления ab и аблатива выводится из того факта, что ab может функционировать и как глагольная приставка.

С другой точки зрения, которая не связана с текстом индивидуального языка и является универсальной, между предлогом и управляемым им падежом иногда существует солидарность в том смысле, что ни предложное управление не может существовать без предлога, ни предлог (типа sine) — без падежа, которым он управляет.

Традиционная лингвистика более или менее систематически интересовалась такими зависимостями в тексте, постольку поскольку они существуют между двумя или несколькими различными словами, но не между частями одного и того же слова. Это связано с делением грамматики на морфологию и синтаксис, необходимость чего подчеркивалась со времен античности традиционной лингвистикой и что нам скоро придется оставить как недостаточное (inadequate) — на этот раз случайно в согласии с некоторыми из современных школ. Логически установление этого различия приводило к тому — и некоторые ученые готовы были принять это следствие,— что морфология ведала только описанием систем, а синтаксис — только описанием процессов. На это следствие выгодно указать потому, что оно делает парадокс очевидным. Логически было бы возможно описывать зависимости в процессе только в области синтаксиса, но не в пределах слова (not within logology), иначе говоря, между словами предложения, но не в пределах индивидуального слова или его частей. Отсюда излишнее внимание к управлению.

Однако легко обнаружить, даже в терминах знакомых концепций, что в пределах слова существуют зависимости, совершенно аналогичные зависимостям в пределах предложения и подверженные mutatis mutandis анализу и описанию того же рода. Структура языка иногда такова, что основа слова может выступать и с деривационными элементами и без них. При этих условиях между основой и деривационным элементом существует селекция. С более уни-

версальной или общей точки зрения в таких случаях всегда существует селекция, поскольку деривационный элемент необходимо предполагает существование основы, но не наоборот. Таким образом, термины традиционной лингвистики (морфологии) в конечном счете неизбежно основываются на селекции, подобно терминам «главное предложение» и «придаточное предложение» («primary clause» и «secondary clause»). Мы уже привели пример, показывающий, что в пределах окончания слова и между его компонентами также имеются зависимости тех видов, о которых мы писали выше. Так, совершенно очевидно, что при некоторых условиях структурного порядка солидарность между именными морфемами может быть заменена селекцией или комбинацией. Имя, например, может обладать и не обладать степенями сравнения, и, таким образом, морфемы степеней сравнения не солидарны, например, с морфемами падежа, как это имеет место у морфем числа, но односторонне предполагают их существование; в данном случае имеет место селекция. Комбинация выявляется, например, как только мы начинаем рассматривать каждый падеж и каждое число отдельно, вместо того чтобы изучать, как делали выше, отношение между всей падежной парадигмой и всей парадигмой числа. Между индивидуальным падежом, например винительным, и индивидуальным числом, например множественным, существует комбинация; только между парадигмами, рассматриваемыми во всей своей совокупности, существует солидарность. Слог может быть разделен по тому же самому принципу: при некоторых чрезвычайно общих условиях структурного порядка можно проводить различие между центральной частью слога (гласный или сонант) и маргинальной частью (согласный или несонант) благодаря тому, что маргинальная часть предполагает существование в тексте центральной части, но не наоборот; таким образом, здесь снова имеется селекция. Действительно, этот принцип, давно забытый учеными мужами, но еще, я думаю, сохранившийся в элементарных школах и несомненно унаследованный от античности, является основой определения гласного и согласного.

Итак, можно считать установленным, что текст и любая из его частей могут быть разделены на части на основе зависимостей тех типов, которые обсуждались выше. Следовательно, принципом анализа должно быть выявление (a recognition) этих зависимостей. Части, полученные при

анализе, можно рассматривать лишь как точки пересечения пучков линий, обозначающих зависимости. Таким образом, нельзя приступить к анализу, прежде чем линии зависимостей не будут описаны в своих основных типах: ведь основа для анализа в каждом отдельном случае должна быть выбрана в соответствии с тем, какие линии зависимости должны быть описаны, для того чтобы описание было исчерпывающим.

10. Форма анализа

Таким образом, анализ заключается в регистрации некоторых зависимостей между элементами, которые являются частями текста и которые существуют благодаря этим зависимостям и только благодаря им. Тот факт, что мы можем считать эти элементы частями текста, а всю процедуру — делением, или анализом, основывается на том, что между этими элементами и целым (текстом) обнаруживаются зависимости определенного вида, в которые, как мы говорим, эти элементы вступают. Задача анализа и состоит в том, чтобы установить эти зависимости. Особый фактор, характеризующий зависимость между целым и его частями, который отличает такую зависимость от зависимости между одним целым и другими целыми и позволяет рассматривать полученные объекты (части) в качестве лежащих внутри, а не вне целого (текста), этот особый фактор заключается, по-видимому, в **единообразии** зависимостей: соотносимые части, вытекающие из индивидуального анализа целого, взаимно-единообразно зависят от этого целого. Эту черту единообразия мы вновь найдем в зависимости между так называемыми частями. Если, например, наше деление текста приводит на каком-то этапе к выделению предложений и если мы находим два вида предложений — главные и придаточные, мы всегда найдем (поскольку не будет производиться дальнейший анализ) ту же самую зависимость между главным предложением и зависящим от него придаточным предложением, в каких бы условиях они ни выступали; подобное же явление можно обнаружить между центральной и маргинальной частями слога и соответственно во всех других случаях.

Мы используем данный критерий в определении, целью которого является установление и ведение анализа однозначным (в методологическом отношении) образом.

Деление, или **анализ**, мы можем формально определить

как описание объекта через единообразные зависимости от других объектов и через единообразные зависимости последних друг от друга. Объект, подвергающийся делению, мы назовем **классом**, а другие объекты, которые устанавливаются частным делением как единообразно зависимые от класса и друг от друга, мы назовем **сегментами** класса.

В этом первом маленьком примере системы определений лингвистической теории определение сегмента предполагает определение класса, а определение класса предполагает определение анализа. Определение анализа предполагает только такие термины или понятия, которые не определены в частной системе определений лингвистической теории, но которые мы принимаем как неопределяемые: **описание, объект, зависимость, единообразие**.

Класс классов мы назовем **иерархией**. Необходимо различать два вида иерархии: **процессы** и **системы**. Мы сможем ближе подойти к обычному и установившемуся употреблению терминов, если введем отдельные обозначения для класса и сегмента в процессе и в системе. Классы в языковом процессе[1] мы назовем **цепями**, а сегменты цепи — ее **частями**. Классы в лингвистической системе мы будем называть **парадигмами**, а сегменты парадигмы — ее **членами**. Соответственно различению между частями и членами мы сможем, когда возникнет необходимость, деление в процессе назвать **разделением** (partition), а деление в системе — **вычленением** (articulation).

Итак, первая задача анализа — произвести разделение процесса текста. Текст — это цепь, и все ее части (например, предложения, слова, слоги и т. д.) — равным образом цепи, за исключением таких конечных частей, которые уже не могут быть подвергнуты анализу.

Требование исчерпывающего описания не позволяет прервать конкретное деление текста; части, возникшие в таком делении, в свою очередь должны быть разделены и так до тех пор, пока деление не будет исчерпывающим. Мы определили анализ таким образом, чтобы не поднимать вопроса о том, каким является анализ—простым или продолженным; анализ (а также разделение), определенный таким путем, может содержать один, два или более анализов.

---

[1] В конечной и более общей форме этих двух определений слово **лингвистический** будет заменено словом **семиотический**. О различии между языком и семиотической системой см. стр. 126—130.

Анализ, или деление, — «растяжимое понятие». Более того, отныне можно считать установленным, что описание данного объекта (текста) не исчерпывается таким продолженным (continued) (и самим себя исчерпывающим) разделением с одной основой для анализа, но что описание может быть продолжено (т. е. могут быть установлены новые зависимости) посредством других делений с иными основами анализа. В таких случаях мы будем говорить о **комплексе анализов (комплексе разделений)**, т. е. о **классе анализов (разделений)** одного и того же класса (цепи).

Анализ текста в целом примет, таким образом, форму процедуры, состоящей из продолженного деления или комплекса делений, в котором единичная операция представляет собой единичное минимальное деление. В данной процедуре каждая операция служит предпосылкой для последующих операций и сама обусловлена предшествующей операцией.

Точно так же если процедура является комплексом делений, то каждое исчерпывающее деление, входящее в комплекс, будет служить предпосылкой для других исчерпывающих делений или само будет следствием предпосылки других исчерпывающих делений, входящих в комплекс. Между сегментами процедуры существует детерминация, поэтому последующие сегменты всегда вытекают из предыдущих, но не наоборот: как детерминацию между определениями (стр. 49—50), так и детерминацию между операциями можно рассматривать либо как селекцию, либо как спецификацию. Подобную процедуру в целом мы назовем **дедукцией**, а формально определим дедукцию как продолженный анализ или как комплекс анализов с детерминацией между анализами, входящими в него.

Таким образом, дедукция является специальным видом процедуры; другим специальным видом процедуры является индукция. Определим **операцию** как описание, что согласуется с эмпирическим принципом, а **процедуру** — как класс операций с взаимной детерминацией. По отношению к этим определениям и **операция**, и **процедура** представляют собой «растяжимые понятия» (как и **анализ**; см. выше). Таким образом, процедура может состоять либо из анализов и выступать как дедукция, либо из **синтезов** и являться **индукцией**. Под **синтезом** мы понимаем описание объекта как сегмента класса (и тогда **синтез** является тоже «растяжимым понятием», как и его противоположность — **ана-**

лиз), а под **индукцией** — продолженный синтез с детерминацией между синтезами, входящими в него. Если процедура состоит и из анализа и из синтеза, то анализ и синтез всегда будут связаны детерминацией, в которой синтез предполагает анализ, но не наоборот. Это — простое следствие того факта, что непосредственным данным является непроанализированное целое (например, текст; см. стр. 273). Отсюда следует, что чисто индуктивная процедура (всегда имплицитно содержащая дедукцию) не может удовлетворять эмпирическому принципу в его требовании исчерпывающего описания. Таким способом дается формальная мотивировка преимуществ дедуктивного метода, упоминавшегося в разделе 4. Фактически дедуктивный метод не препятствует тому, чтобы впоследствии иерархия была пройдена в обратном направлении. При этом будут получены не новые результаты, но только установлена новая точка зрения, которую иногда удобно принять для объяснения тех же явлений.

Мы не нашли сколько-нибудь действительного основания для изменения терминологии, укоренившейся в лингвистике. Формальные обоснования терминов и понятий, приведенные здесь, перекинут мост к установившемуся употреблению терминов в эпистемологии. В данное определение не вводится ничего, что противоречило бы употреблению слова **дедукция** в смысле «логического заключения» или делало бы такое употребление невозможным. Мы с полным основанием можем сказать, что положения, вытекающие из других положений, следуют за последними в ходе анализа [1]: заключения являются на каждом этапе объектами, единообразно зависящими друг от друга и от предпосылок. Верно, что это противоречит обычной идее анализа, но, именно используя определения формально, мы надеемся защитить себя от постулатов о сущности объекта, и поэтому относительно сущности или природы определения или анализа мы не постулируем ничего, что лежало бы за пределами определения. Если **индукция** используется для обозначения специального рода логического заключения от одних суждений к другим, представляя, таким образом, в логической терминологии вид дедукции, то в данном случае двусмысленное слово **индукция** употребляется в ином значении, чем устанавливаем мы; процесс определений, вы-

---

[1] Мы вернемся к этому вопросу в разд. 18.

полненный здесь, должен устранить эту двусмысленность в глазах читателя.

До сих пор мы пользовались терминами **сегмент**, **часть** и **член** как соотнесенными с терминами **класс**, **цепь** и **парадигма**. Далее мы будем употреблять **сегмент**, **часть** и **член** только для обозначения результатов определенного анализа (см. определение **сегмента**, данное выше); в случае продолженного анализа мы будем говорить о **дериватах**. Тогда иерархия станет классом своих дериватов. Вообразим себе анализ текста, дающий на определенной ступени группы слогов, которые затем делятся на слоги, а те в свою очередь — на части слогов. В таком случае слоги будут дериватами групп слогов, а части слогов — дериватами и групп слогов и слогов. С другой стороны, части слогов будут сегментами (частями) слогов, но не групп слогов, а слоги — сегментами (частями) групп слогов, но не других продуктов анализа. Сформулируем это в виде определения; под **дериватом** класса мы будем понимать его сегменты и сегменты сегментов в пределах одной и той же дедукции; добавим к этому, что о классе следует говорить, что он **включает** свои дериваты и что дериваты **входят** в свой класс. **Степенью** дериватов мы будем называть число классов, через посредство которых прослеживается их зависимость от своего первичного общего класса. Если, например, число классов ноль, то дериваты называются дериватами первой степени; если число классов 1, то говорят о дериватах второй степени и т. д. В примере, приведенном выше, где группа слогов представляется деленной на слоги, а последние — на части слогов, части слогов будут дериватами 1-й степени от слогов и дериватами 2-й степени от групп слогов. Следовательно, **дериваты первой степени** и **сегменты** — равнозначные термины.

11. Функции

Зависимость, отвечающую условиям анализа, мы назовем **функцией**. Так, мы скажем, что существует функция между классом и его сегментами (цепью и ее частями, или парадигмой и ее членами) и между сегментами (частями или членами). Члены функции мы назовем **функтивами**, понимая под функтивом объект, имеющий функцию к другим объектам. Говорят, что функтив **включается** в функцию. Из данного определения следует, что функции могут быть функтивами, так как возможно существование функции меж-

ду функциями. Так, существует функция между функцией, в которую взаимно включаются части цепи, и функцией, в которую включаются цепь и ее части. Функтив, не являющийся функцией, мы назовем **сущностью** (entity).

В примере, приведенном нами выше, группы слогов, слоги и части слогов будут сущностями.

Мы взяли термин **функция** в значении, лежащем между логико-математическим и этимологическим (из которых последнее также сыграло значительную роль в науке, в том числе и в лингвистике); в формальном отношении оно ближе к первому, но не тождественно ему. Именно такое промежуточное, комбинированное понятие и необходимо лингвистике. Мы можем сказать, что сущность в тексте (или в системе) имеет определенные функции в силу того, что, во-первых (в значении, близком к логико-математическому), сущность зависит от других сущностей, так что некоторые сущности предполагают существование других, и, во-вторых (в значении, близком к этимологическому), сущность функционирует определенным образом, выполняет определенную роль, занимает определенное «место» в цепи. В известном смысле мы можем сказать, что этимологическое значение слова **функция** есть его «реальное» определение, которое мы не хотим выявлять и вводить в систему определений, потому что оно основывается на большем числе предпосылок, чем данное формальное определение, и оказывается сводимым к последнему.

Путем введения технического термина **функция** мы стараемся избежать двусмысленности, с которой связано традиционное употребление этого термина в науке, где функция означает и зависимость между двумя частями и одну или обе части; последнее в том случае, когда говорят, что одна часть является функцией другой. Введение технического термина **функтив** позволяет избежать этой двусмысленности; соответственно следует также избегать выражения «один функтив является функцией другого», заменяя его выражением «один функтив **имеет функцию** к другому». Двусмысленность, которую мы обнаруживаем в традиционном употреблении слова **функция**, часто наблюдается в терминах, обозначающих специальные виды функций, например когда **предопределение** (presupposition) означает одновременно и **постулат** и **постулируемое**, т. е. и функцию и функтив. Это двусмысленное понятие лежит в основе «реальных» определений различных видов функций, но именно

вследствие его двусмысленности оно не годится для употребления в качестве формальных определений последних. Еще один пример двусмысленности представляет слово **значение**, которое означает и процесс обозначения (designation) и обозначаемое (designatum) (кстати, оно не ясно также и в других отношениях).

Теперь мы сможем дать систематический обзор различных видов функций (употребление которых в лингвистической теории можно предвидеть), а также формальные определения функции, которые были введены нами выше операционально.

Под **постоянной** мы понимаем функтив, присутствие которого является необходимым условием для присутствия функтива, к которому он имеет функцию; под **переменной** понимается функтив, присутствие которого не является необходимым условием для присутствия функтива, к которому он имеет функцию. Этим определениям предпосланы некоторые неспецифичные неопределяемые понятия (**присутствие, необходимость, условие**) и определения функции и функтива. На основании этого мы можем определить **взаимозависимость** как функцию между двумя постоянными, **детерминацию** как функцию между постоянной и переменной и **констелляцию** как функцию между двумя переменными. В некоторых случаях будет полезным иметь термин, общий для взаимозависимости и детерминации (две функции, функтивы которых имеют одну и более постоянных); мы назовем эти две функции **когезиями**. Точно так же иногда мы можем использовать общее обозначение для взаимозависимости и констелляции (две функции, общей чертой которых служит то, что они имеют функтивы только одного рода: взаимозависимости имеют только постоянные, констелляции — только переменные); мы назовем эти обе функции вместе **реципроциями** — термин, напрашивающийся сам собой, поскольку в обеих функциях в противоположность детерминации не выражено четко направление зависимости относительно функтивов. Вследствие четко выраженного направления зависимости два функтива детерминации должны получить различные названия. Постоянный в детерминации (селекции или спецификации) мы назовем **детерминированным (селектируемым, специфицируемым)** функтивом и переменный в детерминации — **детерминирующим (селектирующим, специфицирующим)** функтивом. О функтиве, присутствие которого является необходимым условием для

присутствия другого функтива в детерминации, говорят, что он **детерминируется** (**селектируется, специфицируется**) последним, а о функтиве, присутствие которого не является необходимым условием присутствия другого функтива в детерминации, говорят, что он **детерминирует** (**селектирует, специфицирует**) другой функтив. Функтивы, которые вступают в реципроцию, могут, с другой стороны, именоваться сходным образом: функтивы, вступающие во взаимозависимость (солидарность, комплементарность), естественно, называются **взаимозависимыми** (**солидарными, комплементарными**), и функтивы, вступающие в констелляцию (комбинацию, автономию), — **констеллятивными** (**комбинированными, автономными**). Функтивы, вступающие в реципроцию, называются **реципроционными**, а функтивы, вступающие в когезию, — **когезивными**.

Мы сформулировали определение трех видов функций, принимая в расчет случай, где имеются два, и только два, функтива, входящих в функцию. Можно предвидеть для всех трех видов функций случаи с более чем двумя функтивами, но такие **многосторонние** (multilateral) функции можно рассматривать как функции между **двусторонними** (bilateral) функциями.

Другое различие, важное для лингвистической теории, — различие между функцией «*и-и*» или «конъюнкцией» и функцией «*или-или*», т. е. «дизъюнкцией». Именно это различие лежит в основе процесса и системы: при процессе в тексте существует конъюнкция или сосуществование функтивов, входящих в нее, в системе же наличествует дизъюнкция или альтернация — взаимозамена функтивов, входящих в нее. Рассмотрим следующие примеры графем:

p e t
m a n

Взаимозаменяя p и m, e и a, t и n, мы получаем различные слова, именно pet, pen, pat, pan, met, men, mat, man. Эти сущности являются цепями, входящими в лингвистический процесс (текст); с другой стороны, p и m вместе, e и a вместе, t и n вместе образуют парадигмы, входящие в лингвистическую систему. В pet представлена конъюнкция, или сосуществование, между p, e и t: «фактически» перед глазами мы имеем p, e и t; точно так же существует конъюнкция, или сосуществование, между m, a и n в man. Но между p и m существует дизъюнкция, или выбор: «фак-

тически» перед глазами мы имеем либо p, либо m; равным образом существует дизъюнкция, или выбор, между t и n.

В некотором смысле можно сказать, что одна и та же сущность входит в лингвистический процесс (текст) и в лингвистическую систему: рассмотренный как компонент (дериват) слова pet, p вступает в процесс и таким образом в конъюнкцию и рассматривается как компонент (дериват) парадигмы

p
m

p вступает в систему и таким образом в дизъюнкцию. С точки зрения процесса p является частью; с точки зрения системы p является членом. Два подхода (со стороны текста и системы) ведут к признанию двух различных объектов, ибо меняется функциональное определение. Однако, объединяя определение, мы можем принять точку зрения, позволяющую говорить в обоих случаях об «одном и том же» p. Попутно надо отметить, что все функтивы языка входят и в процесс и в систему, вступают и в конъюнкцию, или сосуществование, и в дизъюнкцию, или выбор (альтернацию), и что их определение в частном случае как **конъюнктов или дизъюнктов** — элементов сосуществования или выбора — зависит от точки зрения, с которой они рассматриваются.

В нашей лингвистической теории — в противоположность прежней лингвистической науке и в качестве сознательной реакции на нее — мы стремимся к установлению однозначной терминологии. Но редко встречает лингвист-теоретик такие трудности, как здесь. Мы попытались назвать функцию *«и-и»* **конъюнкцией** (соответственно логической терминологии), или сосуществованием, а функцию *«или-или»* — **дизъюнкцией** (также соответственно логической терминологии), или альтернацией (взаимозаменой). Но, конечно, будет нецелесообразно оставлять эти обозначения. Лингвисты привыкли понимать под conjunction нечто совсем другое [1], и мы вынуждены в согласии с традицией употреблять conjunction (конъюнкция) соответствующим образом (в качестве одной из так называемых «частей речи», даже если мы не находим возможным определить ее как часть речи). Термин **дизъюнкция** исполь-

---

[1] Этим термином в традиционной грамматике обычно обозначаются союзы.— *Прим. ред.*

зовался довольно широко в современной лингвистической науке для обозначения специального вида функций *«или-или»*, и поэтому введение данного термина в качестве общего обозначения для всех функций *«или-или»* вызовет путаницу и недоразумения. Наконец, **альтернация** (alternation) — глубоко укоренившееся (и, более того, удобное) и неизменное понятие, применяющееся для некоторых очень специфических видов функций (особенно для так называемого аблаута и умлаута); оно ассоциируется с функцией *«или-или»* и в действительности является специальной усложненной функцией *«или-или»*; в силу этого оно не пригодно для общего обозначения функций *«или-или»*. Термин **сосуществование**, правда, не был еще использован, но мы не рекомендуем его потому, что среди прочих причин, в широком лингвистическом употреблении, он будет смешиваться с сосуществованием членов парадигмы.

Мы должны поэтому искать другое решение и здесь, как и в других случаях, насколько это возможно попытаться установить связь с уже существующей лингвистической терминологией. В настоящее время в современной лингвистической науке широко распространена практика называть функцию между членами парадигмы **корреляцией**. Этот термин кажется особенно пригодным для обозначения функций *«или-или»*, а как на наиболее подходящем обозначении для функций *«и-и»* мы остановимся на термине **реляция**. Таким образом, мы будем употреблять последнее в более узком значении, чем в логике, где отношение (relation) используется в основном в том же самом смысле, в каком мы используем слово **функция**. Первоначальная трудность, вызванная таким употреблением терминов, окажется легко преодолимой.

Мы будем понимать, таким образом, под **корреляцией**[1] функцию *«или-или»* и под **реляцией**[2] — функцию *«и-и»*. Функтивы, которые включаются в эти функции, мы назовем соответственно **коррелятами** и **релятами**. На этой основе мы можем определить **систему** как коррелятивную иерархию и **процесс** как релятивную иерархию.

Итак, как мы видели (стр. 270—271), процесс и система являются чрезвычайно широкими понятиями, которые не

---

[1] Или **эквивалентностью** (ср. H. J. Uldall, On equivalent relation, «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague», V, p. 71—76).

[2] Или **конексией** (connexion).

могут быть сведены исключительно к семиотическим объектам. Мы находим, что удобными и соответствующими традиции обозначениями для семиотического процесса и семиотической системы будут соответственно **синтагматика** и **парадигматика**. Когда речь идет о языке (в обычном смысле слова) — т. е. им мы интересуемся сейчас, — можно также использовать более простые обозначения: процесс может быть здесь назван **текстом**, а система — **языком**.

Процесс и система, лежащая в его основе, включаются в функцию, которая в зависимости от подхода может рассматриваться либо как реляция, либо как корреляция. Ближайшее рассмотрение функции показывает нам, что мы имеем дело с детерминацией, в которой система является постоянной: **процесс детерминирует систему**. Решающим является не внешняя связь, состоящая в том факте, что процесс более доступен для непосредственного наблюдения, тогда как система должна быть «задана» процессу — «открыта» в нем посредством процедуры и, таким образом, только опосредствованно познаваема нами в той мере, в какой она не представлена для нас на основе процедуры, совершенной ранее. Эта внешняя связь создает впечатление, что процесс может существовать без системы, но не наоборот. В действительности решающим моментом является то, что существование системы есть необходимая предпосылка для существования процесса: процесс существует благодаря системе, стоящей за ним, системе, управляющей им и определяющей его в его возможном развитии. Нельзя вообразить процесс — он был бы в полном смысле необъясним — без системы, стоящей за ним. С другой стороны, систему можно вообразить без процесса; существование системы не предопределяется существованием процесса. Становление системы не обусловливается обнаруживаемым процессом.

Таким образом, невозможно иметь текст, не имея языка, лежащего в его основе. С другой стороны, можно иметь язык, не имея текста, построенного на этом языке. Это значит, что данный язык предвидится лингвистической теорией как возможная система, но что ни один процесс, относящийся к нему, не **реализован**. Процесс текста **виртуален**. Это обязывает нас определить **реализацию**.

Операцию с данным результатом мы назовем **универсальной**, если утверждается, что операция может быть совершена на любом объекте; ее результаты мы назовем **уни-**

версальными результатами (universals). С другой стороны, операцию с данным результатом мы назовем **индивидуальной**, а ее результаты — **индивидуальными результатами** (particulars), если утверждается, что операция может быть совершена на данном объекте, но ни на каком другом. На основе этого мы назовем класс **реализованным**, если он может быть объектом **индивидуального анализа**, и **виртуальным**, если это не имеет места. Мы думаем, что получили таким образом чисто формальное определение, которое защитит нас от метафизических требований, достаточно ясно объясняя, что́ мы понимаем под словом **реализация**.

Если существует только язык (система), но не существует текста (процесса), принадлежащего ему, т. е. имеется язык, предусматриваемый в качестве возможного лингвистом-теоретиком, но нет текста, естественного или построенного им из системы, то лингвист-теоретик может действительно считать существование таких текстов вероятным, но не может использовать их в качестве объектов индивидуального анализа. Поэтому в таком случае мы говорим, что текст является виртуальным. Но даже чисто виртуальный текст предполагает существование реализованной лингвистической системы в смысле, данном определением. С «реальной» точки зрения это связано с тем, что процесс имеет более «конкретный» характер, чем система, и что система имеет более «замкнутый» характер, чем процесс.

Мы закончим данный раздел схемой (сославшись на детальный анализ функций, предпринятый нами в разделе 9), представляющей виды функций, предусмотренные нами [1]:

Функция			Реляция (коннексия)	Корреляция (эквивалентность)
Когезия		Детерминация	Селекция	Спецификация
Когезия	Реципроция	Взаимозависимость	Солидарность	Комплементарность
	Реципроция	Констелляция	Комбинация	Автономия

[1] Употребление глоссематических символов для различных функций иллюстрируется следующими примерами, в которых a и b пред-

12. Знаки и фигуры

У сущностей, получаемых в ходе дедукции, можно заметить одну особенность, которая проявляется, например, в том, что сложное предложение может быть представлено одной его частью, а последняя — только одним словом. Это явление постоянно встречается в самых различных текстах. В латинском императиве ī «иди!» или в английском междометии ah! представлена сущность, о которой можно сказать, что она является сложным предложением, его частью и словом. В каждом из этих случаев мы находим также слог, включающий только одну из частей слога (центральную часть; ср. стр. 37—39). Мы должны быть осторожны и принять во внимание эту возможность при подготовке анализа. Для этой цели мы должны ввести специальное «правило переноса» (правило трансференции), которое не позволяет делить данную сущность на слишком ранней ступени процедуры и в определенных условиях предусматривает последовательное перенесение определенных сущностей неразделенными из одной ступени в другую, на которой подвергаются делению сущности той же степени.

При каждом делении можно составить инвентарь сущностей, обладающих одними и теми же отношениями, т. е. способными занимать одно и то же «место» в цепи. Мы можем, например, составить инвентарь предложений, которые будут встречаться в различных местах; в известных условиях это может привести к инвентарю всех главных и всех придаточных предложений. Аналогичным образом можно составить инвентарь всех слов, всех слогов и всех частей слогов с определенной функцией; при определенных условиях это приведет к инвентарю всех центральных частей слогов. Такие инвентари необходимо составлять для того, чтобы удовлетворить требованию исчерпывающего описания. Подобная процедура даст возможность выявить особый вид функции, существующей между сущностями, которые могут занимать одно и то же место в цепи.

Сравнив инвентари, полученные на различных этапах дедукции, мы увидим, что их объем будет возрастать с ходом

ставляют любые части, v — переменные части и c — постоянные части; **функция:** a φ b; **реляция:** a R b; **корреляция:** a ⁞ b; **детерминация:** v ⇛→ c или c ←⇚ v; **селекция:** v → c или c ← v; **спецификация:** v ⊢ c или c ⊣ v; **взаимозависимость:** c ←→ c; **солидарность:** c ~ c; **комплементарность:** c ∤ c; **констелляция** v | v; **комбинация:** v — v; **автономность:** v † v. Число частей, конечно, не ограничивается двумя.

процедуры. Если текст неограничен, т. е. может быть продолжен постоянным добавлением новых частей, что имеет место в случае живого языка, взятого в качестве текста, можно будет выявить неограниченное число сложных предложений, неограниченное число их частей, неограниченное число слов. Однако раньше или позже в процессе дедукции наступит момент, когда число сущностей, вошедших в инвентарь, станет ограниченным и далее они будут постоянно уменьшаться. Несомненно, язык обладает ограниченным числом слогов, хотя это число может быть относительно большим. Что касается слогов, допускающих разделение на центральные и маргинальные части, то число членов этих классов будет меньше, чем число слогов в языке. Когда части слогов подвергаются дальнейшему делению, мы получаем сущности, традиционно называемые фонемами; их число в любом языке обычно настолько мало, что может быть определено двузначной цифрой, во многих языках очень низкой (около 20).

Эти факты, установленные индуктивным опытом во всех языках, исследованных до сих пор, лежат в основе изобретения алфавита. По сути дела, если бы не существовало ограниченных инвентарей, лингвистическая теория не смогла бы надеяться достичь своей цели — сделать возможным простое и исчерпывающее описание системы, на которую опирается текст. Если бы в результате анализа, как бы долго он ни продолжался, не было получено ограниченного инвентаря, исчерпывающее описание было бы невозможным. И чем меньше будет инвентарь, которым заканчивается анализ, тем лучше мы сможем удовлетворить эмпирическому принципу в его требовании простого описания. Поэтому для лингвистической теории имеет большое значение возможность уточнения идеи, лежащей в основе изобретения письма, а именно идеи анализа, ведущего к наименьшему числу сущностей и по возможности к наименьшей их протяженности.

Два наблюдения, сделанные нами здесь (1. Сущность может иногда быть той же самой протяженности, что и сущность другой степени (пример с ī); 2. Объем инвентаря уменьшается в ходе процедуры от неограниченного к более ограниченному и, наконец, к сильно ограниченному), особенно важны при рассмотрении языка как системы знаков.

Что язык является системой знаков, кажется a priori очевидным и основным суждением, которое лингвистическая теория должна принять на очень раннем этапе. Лингвистическая теория вместе с тем должна быть способной определить, какое значение нужно придать этому суждению и особенно слову **знак**. В настоящий момент нам придется удовлетворится нечетким понятием, установленным традицией. Согласно этому понятию, «знак» (или, как мы скажем, забегая вперед [см. стр. 71] **знаковое выражение**) характеризуется прежде всего тем, что он является знаком **для** чего-то. Эта особенность также должна вызвать у нас интерес, так как она указывает, по-видимому, на то, что «знак» определяется по функции. «Знак» функционирует, обозначает, указывает; «знак» в противоположность незнаку есть носитель значения.

Мы удовлетворимся этим вре́менным пониманием и на его основе попытаемся решить, до какой степени может быть правильным суждение о том, что язык есть система «знаков».

На первых шагах некоторый пробный анализ текста, по-видимому, подтверждает это предположение. Сущности, которые обычно называют сложными предложениями, их частями и словами, очевидно, отвечают поставленному условию: они являются носителями значения, т. е. «знаками», и инвентари, установленные анализом, приведут нас к выделению знаковой системы, лежащей в основе знакового процесса. Здесь, как и везде, будет интересно попытаться провести анализ как можно дальше, чтобы получить исчерпывающее и максимально простое описание. Слова не являются конечными, неразложимыми знаками, как можно было бы подумать, учитывая интерес традиционной лингвистики к слову. Слова могут быть разделены на части, которые так же, как и слова, являются носителями значения: корни, словообразовательные аффиксы, словоизменительные аффиксы. Некоторые языки идут в этом отношении дальше, чем другие. Латинское окончание -ibus не может быть разложено на знаки меньшей протяженности, но само является простым знаком, несущим значение падежа и значение числа; венгерское окончание для дательного падежа множественного числа в таком слове, как magyar-ok-nak (от magyar «венгр»), есть сложный знак, состоящий из знака -ok, несущего значение множественного числа, и из знака -nak, несущего значение дательного падежа.

Суть анализа не изменится от факта существования языков, не имеющих словообразовательных и словоизменительных аффиксов, или того факта, что даже в языках, имеющих аффиксы, могут встретиться слова, состоящие из одного корня. Выше мы сделали общее замечание о том, что сущность может иногда иметь ту же самую протяженность, что и сущность более высокой степени, и в этом случае она должна переноситься в неразделенном виде от операции к операции; этот факт не вызывает больше никаких трудностей. Именно по этой причине анализ имеет ту же самую общую форму как в этом, так и во всех других случаях, и его можно будет продолжать до тех пор, пока текст не будет считаться исчерпанным. Когда, например, анализ такого английского слова, как in-act-iv-ate-s, будет выполнен, можно показать, что в результате его получены пять различных сущностей, каждая из которых несет значение, и, следовательно, в данном случае мы будем иметь пять знаков.

Предпринимая такой детальный анализ на традиционной основе, мы, возможно, обратим внимание на тот факт, что «значение», которое несет каждая из минимальных сущностей, должно пониматься как чисто контекстуальное. Ни одна из минимальных сущностей, включая корни, не обладает таким «независимым» существованием, чтобы ей можно было приписать лексическое значение. Но с точки зрения, принятой нами — с точки зрения продолженного анализа на основе функций в тексте,— не существует иных доступных восприятий значений, чем значения контекстуальные; любая сущность, а, следовательно, также и любой знак определяется относительно, а не абсолютно, и только по своему месту в контексте. С этой точки зрения бессмысленно проводить различие между значениями, которые появляются только в контексте, и значениями, о которых можно сказать, что они имеют независимое существование, или, следуя древним китайским грамматикам,— между «пустыми» и «полными» словами. Так называемые лексические значения в некоторых знаках есть не что иное, как искусственно изолированные контекстуальные значения или их искусственный пересказ. В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте, под которым мы понимаем ситуационный или эксплицитный контекст, неважно какой, поскольку в неограниченном или продуктивном тексте (жи-

вом языке) мы всегда можем превратить ситуационный контекст в эксплицитный контекст. Таким образом, мы не должны считать, например, что существительное более значимо, чем предлог, или что слово более значимо, чем словообразовательный или словоизменительный аффикс. Сравнивая одну сущность с другой, мы можем говорить не только о различии в значении, но и о различии видов значения; что же касается всех этих сущностей, то здесь мы можем говорить о значении с точно таким же относительным правом. Этого не изменит и тот факт, что значение в традиционном смысле — понятие расплывчатое (в дальнейшем оно будет подвергнуто нами более пристальному рассмотрению).

При попытках анализировать знаковые выражения таким же образом индуктивный опыт показывает, что во всех до сих пор рассмотренных языках существует этап в анализе выражения, на котором получаемые сущности не могут больше быть носителями значения и поэтому не являются больше знаковыми выражениями. Слоги и фонемы не есть знаковые выражения, но только части знаковых выражений или производные от них. Если знаковое выражение, например слово или аффикс, может состоять из одного слога и из одной фонемы, это еще не означает, что слог есть знаковое выражение или что фонема есть знаковое выражение; это означает лишь, что некоторые сущности могут переноситься, не подвергаясь анализу, от одной операции к другой. С одной точки зрения (в аналитической операции) s в in-act-iv-ate-s есть знаковое выражение, с другой точки зрения (в другой аналитической операции) — это фонема. Две точки зрения ведут к признанию двух различных объектов. Мы прекрасно можем сохранить формулировку, согласно которой знаковое выражение s включает одну и только одну фонему, но это не то же самое, что идентифицировать знаковое выражение с фонемой; фонема входит в другие комбинации, где она не является знаковым выражением (например, в слове sell).

Такое соображение принуждает нас оставить попытку анализа по «знакам», и нам приходится признать, что описание в согласии с нашими принципами должно анализировать содержание и выражение отдельно, причем каждый из двух анализов будет фактически выделять ограниченное число сущностей, которые не обязательно могут быть взаимно однозначно соотнесены с сущностями противоположного плана.

Относительная экономия между инвентарем знаков и незнаков полностью соответствует тому, что, видимо, является целью языка. Язык по своей цели — прежде всего знаковая система; чтобы полностью удовлетворять этой цели, он всегда должен быть готов к образованию новых знаков, новых слов или новых корней. Но при всей своей безграничной избыточности, для того чтобы быть полностью адекватным, язык должен быть удобным в обращении, практичным в усвоении и употреблении. При условии неограниченного числа знаков это достигается тем, что все знаки строятся из незнаков, число которых ограниченно, и предпочтительно строго ограниченно. Такие незнаки, входящие в знаковую систему как часть знаков, мы назовем **фигурами**; это чисто операциональный термин, вводимый просто для удобства. Таким образом, язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи. Следовательно, имеются все основания предполагать, что в указанной черте — построение знака из ограниченного числа фигур — обнаруживается наиболее существенная черта в структуре любого языка.

Это означает, что языки не могут описываться как чисто знаковые системы. По цели, обычно приписываемой им, они прежде всего знаковые системы; но по своей внутренней структуре они прежде всего нечто иное, а именно — системы фигур, которые могут быть использованы для построения знаков. Определение языка как знаковой системы при ближайшем рассмотрении показало себя неудовлетворительным. Оно затрагивает только внешнюю функцию языка, его отношение к внелингвистическим факторам, окружающим его, но не его собственные, внутренние функции.

13. Выражение и содержание

До настоящего момента мы сознательно придерживались традиционной точки зрения, согласно которой знак прежде всего есть знак для чего-то. Такой взгляд, конечно, совпадает с общераспространенным мнением и, более того, с пониманием, широко распространенным среди эпистемологов и логиков. Но нам остается доказать, что это понимание лингвистически несостоятельно, и в этом мы согласны с современной лингвистической мыслью.

В то время как, согласно первой точке зрения, знак есть **выражение**, указывающее на **содержание**, которое находится вне самого знака, согласно второй точке зрения (которая выдвинута, в частности, Ф. де Соссюром и которой следует Л. Вайсгербер [1]), знак есть явление, порожденное связью между выражением и содержанием.

Предпочтительный выбор одной из этих точек зрения — вопрос их практической пригодности. Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны некоторое время избегать упоминания о знаках, так как именно это понятие нам предстоит определить. Вместо этого мы будем говорить о чем-то, существование чего мы предполагаем установленным, именно о **знаковой функции**, имеющей место между двумя сущностями — **выражением** и **содержанием**. На этой основе мы сможем решить, как удобнее рассматривать знаковую функцию — как внешнюю или как внутреннюю функцию той сущности, которую мы назовем **знаком**.

Мы ввели здесь термины **выражение** и **содержание** как обозначения функтивов, включающихся в знаковую функцию. Это чисто операциональное и формальное определения, и в данном контексте не следует придавать терминам **выражение** и **содержание** другого значения.

Между функцией и классом ее функтивов всегда существует солидарность: функция невозможна без своих функтивов, а функтивы — всего лишь конечные точки функции и, таким образом, невозможны без нее. Если одна и та же сущность включается поочередно в различные функциональные отношения и, таким образом, селектируется ими, то все дело в том, что в каждом случае мы имеем дело не с одним и тем же функтивом, а с различными функтивами, различными объектами, зависящими от избранной точки зрения, т. е. зависящими от функции, с точки зрения которой эти явления рассматриваются. Это не мешает нам судить о «той же самой» сущности с других точек зрения, например, рассматривая функции, входящие в эту сущность (функции, связанные с ее сегментами) и устанавливающие ее. Если несколько групп функтивов включаются в одно и то

---

[1] Leo Weisgerber, «Germaisch-romanische Monatsschrift», XV, 1927, pp. 161 ff.; см. также «Indogermanische Forschungen», XLVI, 1928, pp. 310 ff.; его же: «Muttersprache und Geistesbildung», Göttingen, 1929. [Рус. пер: Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М.: УРСС, 2002.]

же функциональное отношение (функцию), это означает, что существует солидарность между функцией и целым классом этих функтивов и что, следовательно, каждый отдельный функтив избирает функцию.

Таким образом, существует солидарность между знаковой функцией и двумя ее функтивами — выражением и содержанием. Существование знаковой функции без одновременного присутствия обоих этих функтивов невозможно; выражение же и его содержание, или содержание и его выражение, никогда не встречаются вместе без знаковой функции, существующей между ними.

Знаковая функция сама по себе есть солидарность. Выражение и содержание солидарны — они необходимо предполагают друг друга. Определенное выражение есть выражение постольку, поскольку это выражение содержания, а содержание является содержанием постольку, поскольку это содержание выражения. Поэтому, за исключением случаев искусственной изоляции, не может быть содержания без выражения и выражения без содержания. Если мы думаем не говоря, такая мысль не является языковым содержанием и функтивом знаковой функции. Если мы говорим не думая и произносим последовательности звуков, с которыми слушающий не может связать никакого содержания, такая речь будет абракадаброй, но не языковым выражением и не функтивом знаковой функции. Конечно, отсутствие содержания не следует путать с отсутствием значения: выражение может иметь содержание, которое с какой-либо точки зрения (например, с точки зрения нормативной логики или физикализма) можно охарактеризовать как не имеющее значения, однако оно является содержанием.

Если, анализируя текст, мы не примем во внимание знаковую функцию, то не сможем провести границу между знаками и разделить индивидуальные знаки на составляющие их фигуры. В таком случае мы просто не сможем дать исчерпывающее (и поэтому, в нашем смысле слова, эмпирическое) описание текста, объясняющее функции, которые этот текст устанавливает. Мы будем лишены объективного критерия, способного дать основу для анализа.

Соссюр, желая разъяснить понятие знаковой функции, пытался рассматривать выражение и содержание, взятые отдельно, безотносительно к знаковой функции, и достиг следующего результата:

> «Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто не разграничено. Нет предустановленных идей, и нет никаких различений до появления языка... Звуковая субстанция не является чем-либо более устойчивым и застывшим, чем мышление; она — не готовая форма, в которую послушно отливается мысль, но мягкое вещество, пластическая материя, которая в свою очередь делится на отдельные частицы, могущие служить необходимыми для мысли «означающими». Итак, мы можем изобразить . . . язык в виде ряда смежных подразделений, начерченных как в бесконечном плане смутных идей, так и в столь же неопределенном плане звуков . . . язык вырабатывает свои единицы, оформляясь между двумя бесформенными массами . . . это сочетание создает форму, а не субстанцию»[1].

Но этот педагогический прием, как бы блестяще он ни был выполнен, не имеет смысла, и сам Соссюр должен был прийти к этому выводу. В науке, избегающей лишних постулатов, нет основания для предположения, что субстанция содержания (мысль) и субстанция выражения (поток звуков) предшествует языку во времени или в иерархическом ряду, или наоборот. Если мы сохраним терминологию Соссюра — и будем исходить именно из его предположений, — станет ясным, что субстанция зависит от формы в такой степени, что существует исключительно благодаря ей и никоим образом не имеет независимого существования.

С другой стороны, по-видимому, было бы оправданным сравнить различные языки и затем извлечь фактор, общий для всех них и общий для всех языков вообще, сколько бы их ни привлекалось для сравнения. Этот фактор — если мы исключим структуральный принцип, который включает знаковую функцию и все выводимые из нее функции (принцип, являющийся, безусловно, общим принципом для всех языков, но выражение которого специфично для каждого отдельного языка), — будет сущностью, определимой только по своей функции к структуральному принципу языка и по всем факторам, отличающим один язык

---

[1] Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М.: УРСС, 2003, стр. 112—113.

от другого. Этот общий фактор мы назовем **материалом** (purport). Таким образом, мы обнаруживаем, что цепи

jeg véd det ikke	(датск.)	«не знаю»
I do not know	(англ.)	
je ne sais pas	(франц.)	
en tiedä	(финск.)	
naluvara	(эским.)	

несмотря на все различия, имеют общий фактор, а именно материал, саму мысль. Этот материал, рассмотренный таким образом, существует предварительно как аморфная масса, как нерасчлененная сущность, которая определяется только своими внешними функциями, а именно своей функцией к каждому из языковых предложений, приведенных нами. Мы можем предположить, что этот материал должен подвергнуться анализу с многих точек зрения, являясь предметом многих различных анализов, в результате которых он выступит в виде многих различных объектов. Он может, например, быть анализирован с той или другой логической или с той или иной психологической точек зрения. В каждом из рассматриваемых языков анализ должен производиться различным образом. Этот факт можно истолковать только как указание на то, что материал расположен, расчленен, сформирован различно в различных языках:

в датском: сначала jeg «я», затем véd «знаю» (настоящее время, изъявительное наклонение), затем объект det «это», затем отрицание ikke;

в английском: сначала I «я», затем глагольное понятие, которое не выражено определенно в датском предложении, затем отрицание и только тогда понятие «знать» (но ни в коем случае не понятие, соответствующее датской форме настоящего времени изъявительного наклонения véd; и без дополнения);

во французском: сначала je «я», затем ne — вид отрицания (которое, однако, совершенно отлично от датского и английского, так как оно не имеет значения отрицания во всех комбинациях), затем «знать» (наст. вр. изъявит. накл.) и, наконец, особый специальный знак, называемый некоторыми отрицанием, но могущий означать также «шаг»; как и в английском, дополнение отсутствует;

в финском сначала идет глагол, означающий «я — не» (или, точнее, «не я», так как знак для «я» стоит последним;

отрицание в финском языке является глаголом, изменяющимся по лицам и числам: en «я — не», et «ты — не», ei «он — не», emme «мы — не» и т. д.), а затем понятие «знать» в форме, имеющей значение императива в других сочетаниях; дополнение отсутствует;

в эскимосском «не-знающий-есмь-я-это» — глагол, образованный от nalo «невежество» с суффиксами для первого лица субъекта и третьего лица объекта [1].

Итак, мы видим, что неоформленный материал, извлеченный из всех этих лингвистических цепей, различно формируется в каждом из языков. Каждый язык проводит свои границы в аморфной «массе мысли», по-разному располагает их и выделяет различные факторы; помещает центры тяжести в различных местах и дает им различную эмфазу. Это похоже на одну и ту же горсть песка, которая принимает совершенно различные формы, или на облако в небе, с каждой минутой меняющее свои очертания на глазах Гамлета. Подобно тому как песок может принимать различные формы, а облако вновь и вновь менять свои очертания, принимает различную форму или различную структуру в разных языках и исследуемый нами материал. Форма этого материала детерминируется только функциями языка, отсюда выводится знаковая функция и иные функции. Материал каждый раз остается субстанцией для новой формы и не может существовать иначе, как в виде субстанции для той или иной формы.

Таким образом, в лингвистическом **содержании**, в его процессе, мы устанавливаем специфичную **форму, форму содержания**, которая независима и произвольна в отношении к **материалу**, и формирует его в **субстанцию содержания**.

Не нужно долгих размышлений, чтобы видеть, что сказанное истинно и для **системы** содержания. Можно сказать, что парадигма в одном языке и соответствующая парадигма в другом языке покрывают одну и ту же зону материала, который, будучи абстрагирован от этих языков, представляет собой нерасчлененный аморфный континуум, на котором проложило границы формирующее действие языков.

---

[1] Мы отвлеклись от того факта, что один и тот же материал в разных языках может быть сформирован в совершенно различных цепях: франц. je l'ignore и эским. asuk или asukiaK (производное от aso, которое само по себе означает «достаточно!»).

За пределами парадигм, установленных в разных языках для обозначений цвета, мы можем, вычитая различия, найти такой аморфный континуум — цветовой спектр, в котором каждый язык произвольно устанавливает свои границы. Хотя формации в этой зоне материала большей частью приблизительно те же самые в наиболее распространенных европейских языках, нам не нужно ходить далеко, чтобы найти в них несовпадения. В уэльском английскому green «зеленый» будет соответствовать gwyrdd или glas; blue «синий» — glas; gray «серый» — glas или llwyd; brown «коричневый» — llwyd. Так сказать, часть спектра, занимаемая английским green, рассекается в уэльском линией, относящей часть ее к той области, в какой окажется английское слово blue, тогда как английская граница между green и blue не свойственна уэльскому. Более того, в уэльском нет границы, как в английском, между blue и gray и точно так же нет границы между gray и brown. С другой стороны, область, занимаемая английским gray, пересекается в уэльском таким образом, что половина ее относится к области английского blue, а половина к области английского brown. Схематическое изображение показывает несовпадение границ:

		gwyrdd
«зеленый»	green	glas
«синий»	blue	glas
«серый»	gray	glas / llwyd
«коричневый»	brown	llwyd

Латинский и греческий точно так же показывают расхождение с основными европейскими языками в этой области. Переход от «светлого» к «темному», который состоит из трех областей в английском и еще во многих языках (белое, серое, черное), в других языках делится на различное число областей посредством устранения или дифференциации средней области.

Парадигмы морфем показывают то же положение вещей. Зона числа делится по-разному в языках, различающих только единственное и множественное число, в языках,

в которых еще добавляется двойственное число (например, древнегреческий и литовский), и в языках, имеющих также паукальное или просто тройственное число (как большинство меланезийских языков, западноиндонезийский язык сангир на островах между Минданао и Целебесом и юго-восточный австралийский язык кулин в некоторых своих диалектах), а также четвертичное число (например, микронезийский язык на островах Гилберта). Зона времени членится по-разному (описательные формы не учитываются)как в языках, имеющих только прошедшее и настоящее время (например, английский, где поэтому настоящее время занимает также ту область, которая в других языках занята будущим), так и в языках, проводящих границу между настоящим и будущим. С другой стороны, границы различны в языках, которые (как латинский, древнегреческий, французский) различают несколько видов прошедшего времени.

Это несовпадение в пределах одной и той же области материала проявляется везде. Сравним, например, такие соответствия между датским, немецким и французским:

Датский	Немецкий	Французский
«дерево» træ	Baum	arbre
	Holz	bois
«лес» skov	Wald	
		forêt

Исходя из этого факта, мы сможем сделать вывод, что в одной из двух сущностей, являющихся функтивами знаковой функции, именно в содержании, знаковая функция образует форму, форму содержания, которая с точки зрения материала произвольна, может быть объяснена только знаковой функцией и, очевидно, солидарна с ней. В этом смысле Соссюр, различающий форму и субстанцию, безусловно, прав.

То же самое наблюдается и в другой из двух сущностей, являющихся функтивами знаковой функции, а именно в выражении. Точно так, например, как мы можем образовать зону цвета или зоны морфем, которые делятся по-разному в разных языках (т. е. каждый язык имеет свое собственное количество слов для обозначения цвета, свое собственное количество грамматических чисел, свое собствен-

ное количество времен и т. д.), мы сможем путем вычитания индивидуальных свойств при сравнении языков образовать области фонетического характера, которые делятся по-разному в разных языках. Мы можем, например, думать о фонетико-физиологической области движений, которая, конечно, может быть представлена в пространстве с несколькими измерениями как нерасчлененный, но поддающийся анализу континуум — например, на основе есперсеновской системы «антальфабетических» формул. В такую аморфную область произвольно входит в различных языках различное число фигур, поскольку границы проходят в различных точках в пределах континуума. Примером может служить континуум, образованный контуром нёба от гортани до губ. В известных языках эта зона обычно делится на три области: задняя k-область, средняя t-область и передняя p-область. Рассматривая только взрывные согласные, мы обнаруживаем, что эскимосский и латинский различают две k-области, линии разделения которых не совпадают в этих языках. Эскимосский помещает границу между увулярной и велярной областями, латинский — между велярной и велярно-палатальной. Многие языки Индии различают две t-области: ретрофлексную и дентальную. Другим столь же очевидным континуумом является зона гласных: число гласных меняется при переходе от языка к языку благодаря несовпадениям границ. Эскимосский проводит различие между i-областью, u-областью и a-областью. В большинстве известных языков первая из них расщепляется на более узкую i-область и e-область, вторая — на более узкую u-область и o-область. В некоторых языках каждая из этих областей, или одна из них, может пересекаться линией, различающей округленные гласные (y, ø; u, o) и неокругленные гласные (i, e; *ɯ*, ɤ; эти последние — любопытные «глухие» гласные, редкие в Европе; они обнаружены, например, в тамильском, во многих восточноалтайских языках и в румынском); по степени открытости из i и u могут быть образованы, кроме того, гласные, например среднего ряда ʉ, как в норвежском и шведском, или неокругленное (ɨ), как в русском и т. д. В частности, вследствие необычайной подвижности языка как артикуляционного органа возможности, которыми может воспользоваться язык, бесконечно велики; но характерно то, что каждый язык устанавливает свои границы среди бесконечности возможностей.

Поскольку в отношении выражения дела обстоят, очевидно, так же, как и в отношении содержания, для нас будет удобным подчеркнуть этот параллелизм, используя ту же самую терминологию, которая была применена к содержанию, и для выражения. Мы сможем тогда говорить, о **материале выражения**, и, даже если это непривычно, по-видимому, никакие факты не противоречат этому. В приведенных нами примерах континуум гласных и контур нёба являются фонетическими зонами материала, который оформлен по-разному в различных языках (в зависимости от специфики функций каждого языка) и который поэтому подчинен их **форме** выражения в качестве **субстанции** выражения.

Наши наблюдения относились к **системе** выражения; но то же самое, как в случае с содержанием, мы можем продемонстрировать и для **процесса**. Только благодаря когезии между системой и процессом специфичность образования системы в данном языке неизбежно отражается на процессе. Частично вследствие проводимых в системе границ, не совпадающих в различных языках, а частично вследствие возможностей реляции между фонемами в цепи (некоторые языки, например различные австралийские и африканские, совершенно не допускают групп согласных, другие имеют лишь определенные группы согласных, различные в разных языках; постановка ударения в слове также управляется различными законами в различных языках) **один и тот же материал выражения может быть формирован различно** в разных языках. Английское [bə:'lin], немецкое [b̥ɛr'li:n], датское [b̥æʁ'liˀn], японское [bɛrulinu] представляют собой различие формы одного и того же материала выражения (названия города Берлин). Конечно, не имеет значения, что материал содержания в этом примере оказался тем же. Подобным же образом можно сказать, что, например, произношение английского got «получил», немецкого Gott «бог» и датского godt «хорошо» представляет собой различные формы одного и того же материала выражения; в этом примере материал выражения один и тот же, но материал содержания различен, точно так же как в датск. jeg véd det ikke и англ. I do not know «Я не знаю» представлен один и тот же материал содержания и различный материал выражения.

Когда лицо, знакомое с функциональной системой данного языка (т. е. своего родного языка), воспринимает ма-

териал содержания или материал выражения, оно формирует его на данном языке. Существенная часть того, что в быту называется «говорить с акцентом», состоит в формировании материала выражения, согласно предрасположениям, вызванным фактами родного языка.

Из этого рассуждения, таким образом, явствует, что две сущности, включающиеся в знаковую функцию, т. е. выражение и содержание, ведут себя одинаковым образом по отношению к ней. Благодаря знаковой функции, и только благодаря ей, существуют два ее функтива, которые можно теперь точно обозначить как форму содержания и форму выражения. Подобным же образом благодаря форме содержания и форме выражения, и только благодаря им, существуют соответственно субстанция содержания и субстанция выражения, которые возникают посредством проекции формы на материал, точно так же как развернутая сеть отбрасывает тень на неразделенную поверхность.

Если вернуться к вопросу, с которого мы начали, относительно наиболее подходящего значения для слова **знак**, можно теперь гораздо ясней увидеть основу противоречия между взглядами традиционной и современной лингвистики. Вероятно, верно, что знак есть знак чего-то и это что-то в некотором смысле лежит за пределами самого знака. Так, слово *кольцо* (ring) представляет собой знак для обозначения определенного предмета на моем пальце, и этот предмет в некотором (традиционном) смысле не входит сам по себе в состав знака. Но предмет на моем пальце является сущностью субстанции содержания, а субстанция содержания благодаря знаку организуется в форму содержания и входит в состав знака наряду с другими различными сущностями субстанции содержания (например, со звонком моего телефона)[1]. Выражение «знак является знаком чего-то» означает, что содержание может подчинять себе это «что-то», выступающее в качестве субстанции содержания. Ранее мы почувствовали необходимость использовать слово **материал** не только в связи с содержанием, но и в связи с выражением. Подобно этому и теперь в интересах ясности, вопреки ныне признаваемым понятиям, недостаточность которых становится совершенно очевидной, мы хотим говорить о знаке также и с противоположной

---

[1] Англ. ring «кольцо» и to ring «звонить по телефону» совпадают по своему звуковому облику.— *Прим. ред.*

точки зрения. И действительно, мы с таким же правом можем сказать, что знак является знаком субстанции выражения. Звуковая последовательность [riŋ] сама по себе, как единичное явление, произнесенное hic et nunc, является сущностью субстанции выражения только благодаря знаку, поскольку она подчинена форме выражения и рассматривается благодаря ей как сущность, тождественная другим различным сущностям субстанции выражения (имеются в виду другие всевозможные произношения, иные люди или другие ситуации — для того же самого знака).

В таком случае знак, как бы это ни казалось парадоксальным, является знаком субстанции содержания и знаком субстанции выражения. Именно в этом смысле можно сказать, что знак является знаком чего-то. С другой стороны, мы не видим особого основания для того, чтобы называть знаком знак только субстанции содержания или (о чем, конечно, не может быть и речи) только субстанции выражения. Знак — это двусторонняя сущность, которая, подобно богу Янусу, глядит в двух направлениях и действует двояко: «вовне» — по отношению к субстанции выражения и «во-внутрь» — по отношению к субстанции содержания.

Вся терминология произвольна, и, следовательно, ничто не препятствует нам использовать слово **знак** в качестве особого обозначения формы выражения (или, если бы мы захотели, в качестве обозначения субстанции выражения, хотя это нерационально, так как ни к чему не ведет). Но представляется более удобным использовать слово **знак** для обозначения единицы, состоящей из формы содержания и формы выражения и установленной на основе солидарности между этими двумя формами, которую (солидарность) мы назвали **знаковой функцией**. В том случае, когда слово **знак** используется для обозначения только выражения, или части его, соответствующая терминология, хотя и объединенная в формальную систему, может привести к широко распространенному ложному представлению, согласно которому язык есть не что иное, как номенклатура или запас этикеток для существующих предметов. Слово **знак** всегда по своей природе связывается с идеей обозначаемого; поэтому слово **знак** должно использоваться таким образом, чтобы отношение между знаком и обозначаемым выступало как можно яснее и не подвергалось опасному упрощению.

Различие между выражением и содержанием и их взаимодействием в виде знаковой функции является основой структуры любого языка. Любой знак, любая система знаков, любая система фигур подчинены конечной цели существования знаков, т. е. языку, содержащему в себе форму выражения и форму содержания. Поэтому первой ступенью анализа текста должно быть разделение текста на две указанные сущности. Чтобы анализ был исчерпывающим, его нужно организовать следующим образом: на каждой ступени деления мы должны получать части наибольшей протяженности, т. е. число частей должно быть наименьшим как во всей цепи, так и в любой произвольной ее части. Например, если текст содержит и сложные и простые предложения, можно показать, что число простых предложений больше числа сложных предложений; поэтому мы не должны делить текст непосредственно на простые предложения, а обязаны разделить его сначала на сложные предложения, а затем уже сложные на простые. При проведении в жизнь этого принципа выяснится, что любой текст на первом этапе делится всегда на две, и только на две, части, минимальное число которых гарантирует их максимальную протяженность, а именно — на линию выражения и линию содержания, связанные друг с другом солидарностью посредством знаковой функции. Затем **линия выражения** и **линия содержания** каждая в свою очередь делятся дальше, естественно, с учетом их взаимодействия в знаках. Подобным же образом первое членение лингвистической системы приведет нас к установлению двух ее парадигм: **стороны выражения** и **стороны содержания**. В качестве общих названий для **линии выражения** и **стороны выражения**, с одной стороны, и для **линии содержания** и **стороны содержания**— с другой, мы используем наименования **план выражения** и **план содержания** (обозначения, выбранные в соответствии с формулировкой де Соссюра, приведенной выше: «в ...плане... идей... и плане... звуков»).

На протяжении всего анализа данный метод приводит к наиболее ясным и простым результатам, а также проливает свет на весь механизм языка, что не имело места в прежних теориях. С этой точки зрения легко будет организовать подчиненные лингвистические дисциплины, согласно хорошо обоснованному плану, и избежать наконец старого несовершенного деления лингвистики на фонетику, морфологию, синтаксис, лексикографию и семантику — деления,

неудовлетворительного во многих отношениях, и в частности перекрывающего одни понятия другими. Но, кроме того, если анализ проведен до конца, он показывает, что план выражения и план содержания могут быть исчерпывающе и непротиворечиво описаны как совершенно аналогичные по своей структуре, так что можно предвидеть идентично определяемые категории в обоих планах. Это является еще одним существенным подтверждением того взгляда, что содержание и выражение следует рассматривать как взаимосвязанные и равные во всех отношениях сущности.

Термины **план выражения** и **план содержания**, а также **выражение** и **содержание** выбраны в соответствии с установившимися понятиями и совершенно произвольны; их функциональное определение не содержит требования, чтобы тот, а не иной план называли **выражением** или **содержанием**. Они определены только по своей взаимной солидарности, и ни один из них не может быть индентифицирован другим образом. Они определяются противопоставительно и соотносительно как взаимно противоположные функтивы одной и той же функции.

14. Инварианты и варианты.

Это проникновение в структуру знака является необходимым условием подготовки точного анализа, и в частности выявления фигур, из которых строится знак (стр. 70). На каждой ступени анализа должен быть составлен инвентарь сущностей с единообразными отношениями (стр. 65). Инвентарь должен удовлетворять нашему эмпирическому принципу (стр. 37): он должен быть исчерпывающим и предельно простым. Это требование касается любой ступени, потому что, помимо других доводов, мы не можем знать заранее, является ли данная ступень последней или нет. Оно (это требование) вдвойне важно для заключительной ступени анализа, поскольку здесь нам предстоит выявить первичные сущности, лежащие в основе системы, сущности, из которых, как мы должны показать, построены все другие сущности. И очень важно (не только ради достижения простоты решения последней ступени, но и ради достижения простоты решения в целом), чтобы на первой ступени число первичных сущностей было наименьшим. Мы формулируем это требование в виде двух принципов, **принципа экономии** и **принципа сокращения**, причем и тот и другой принцип выводятся из принципа простоты (стр. 278).

Принцип экономии. *Описание производится путем применения процедуры. Процедура должна быть организована так, чтобы результат ее был наиболее простым, и остановлена в том случае, если она не ведет к дальнейшему упрощению.*

Принцип сокращения. *Каждая операция, входящая в процедуру, должна продолжаться или повторяться до тех пор, пока описание не станет исчерпывающим; эта операция на каждой ступени должна вести к выявлению наименьшего числа объектов.*

Мы назовем **элементами** сущности, получаемые в виде инвентарей на каждой ступени деления. Применительно к анализу мы дадим следующую уточненную формулировку **принципа сокращения:**

Каждое деление (или каждый комплекс делений), в котором функтивы устанавливаются по данной функции, должно быть проведено так, чтобы оно вело к выявлению наименьшего числа элементов.

Для выполнения данного требования нам нужен метод, позволяющий в совершенно определенных условиях свести две сущности к одной, или, как часто говорят, **отождествить** две сущности [1]. Вообразим себе текст, разделенный на слож-

---

[1] В связи с последней формулировкой теория предполагает более детальный анализ понятия **лингвистического тождества.** В современной литературе эта проблема рассматривалась с различных точек зрения. (См., например, Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М.: УРСС, 2003, стр. 165; на основе иерархии типов Рассела: A. Penttilä в «Actes du IV congrès international de linguistes», København, 1938, p. 160 ff., следуя U. Saarnio, Untersuchungen zur symbolischen Logik, «Acta philosophica Fennica», I, Helsingfors, 1935; ср. A. Penttilä & U. Saarnio в «Erkenntnis», IV, 1934, p. 28 ff). Полученные таким образом предварительные результаты достаточны, чтобы показать, что поиски метода, использующего формальные определения,— трудный путь и что проще найти такой метод, используя понятие сокращения. В этой связи можно отказаться от рассмотрения проблемы тождества, так как это связано с ненужным усложнением.

ные предложения, которые в свою очередь делятся на простые предложения, а последние — на слова и т. д. На каждой ступени деления устанавливается свой инвентарь элементов.

При этом оказывается, что во многих местах текста встречается «одно и то же» сложное предложение, «одно и то же» простое предложение, «одно и то же» слово и т. д.— иными словами, можно сказать, что встречается много образцов каждого сложного предложения, каждого простого предложения, каждого слова и т. д. Эти образцы мы будем называть **вариантами**, а сущности, образцами которых они являются,— **инвариантами.** Причем мы тотчас же обнаружим, что не только сущности, но также и функции имеют варианты, так что различие между вариантами и инвариантами действительно в общем и для функтивов. Варианты выявляются непосредственно, путем механического деления цепи, но для перехода от вариантов к инвариантам на каждой ступени анализа нужно выработать специальный метод, устанавливающий необходимые критерии для подобного рода сокращения.

В современной лингвистике значительное внимание уделялось проблеме отождествления инвариантов высшей степени в плане выражения (для звукового языка речь идет о так называемых фонемах) и были сделаны первые попытки выработать такой метод сокращения. Однако часто исследователи останавливались на более или менее расплывчатом «реальном» определении фонем, не дающем объективных критериев в сомнительных случаях. Над созданием объективного метода отождествления фонем целеустремленно работали две школы, а именно лондонская школа, представителем которой является Д. Джоунз, и фонологическая школа, выросшая из Пражского лингвистического кружка, главой которого был покойный Н. С. Трубецкой. Методы отождествления, выработанные в указанных лингвистических центрах, обнаруживают характерное сходство и любопытное различие.

Сходство между ними состоит в том, что ни одна из этих школ не признает анализа текста на основе функций как предпосылку для инвентаризации. Метод, используемый ими, является индуктивным, берущим в качестве исходных данных массу индивидуальных звуков и группирующий их затем в классы звуков, так называемые фонемы. Группировка звуков в фонемы в принципе должна

производиться без учета парадигм, образуемых этими звуками. Тем не менее с удивительной непоследовательностью обе школы исходят из некоторого предварительного разделения совокупности всех звуков языка на категории, анализируя отдельно согласные и отдельно гласные звуки. Но гласные и согласные рассматриваются как категории, определенные не на основе лингвистических функций, а скорее на основе нелингвистических (физиологических или физических) предпосылок. Категория гласных и категория согласных не делятся представителями этих школ в начале операции на подкатегории на основе реляции (согласно их «месту» в слоге).

Сходные черты непоследовательности в методах двух школ не вызывают удивления, поскольку дедуктивный метод, описанный нами (стр. 38), не применялся до сего времени в лингвистической науке.

С другой стороны, различия в методе процедуры у этих двух школ представляют немалый интерес с точки зрения методики. Обе школы считают существенным то, что фонемы в противоположность вариантам фонем обладают **различительной** функцией: взаимозамена фонем может вызвать различие в содержании (например, pet—pat), что невозможно при взаимозамене двух вариантов одной фонемы (например, двух оттенков *e* в pet). Фонологи пражской школы ввели этот критерий в свое определение, называя фонологическое противопоставление различительным (дистинктивным) противопоставлением [1]. Лондонская школа пошла другим путем. Д. Джоунз, правда, признал, что фонемы различительны, но он не захотел ввести эту черту в определение фонемы. Основанием к тому послужило существование противопоставлений фонем, не способных вызывать различия в содержании, поскольку такие фонемы не могут быть взаимозаменены в одном и том же слове, т. е. не могут находиться на одном и том же «месте» в цепи; например, h и ŋ в английском языке [2]. Трудность возникает потому, что

---

[1] См. «Actes du I-er Congrès international de linguistes», Leiden, n. d. p. 33; «Travaux du Cercle linguistique de Prague», IV, 1931, p. 311; N. S. T r u b e t z k o y, Grundzüge der Phonologie, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», VII, 1939, p. 30. [Рус. пер.: Т р у б е ц к о й Н. С. Основы фонологии. М.: ИЛ, 1960.]

[2] D. J o n e s, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», IV, 1931, pp. 77 f.; D. J o n e s, An outline of English phonetics, Cambridge, 1936, p. 49 ff.

теория Джоунза не признает того факта, что фонемы могут различаться просто тем, что принадлежат к различным категориям (помимо различия между гласными и согласными). Таким образом, Джоунз не считает достаточно различительным критерием то, что h, которая может находиться в начале слога, и ŋ, которая может находиться только в конце слога, вступают в различительное противопоставление с другими фонемами, могущими находиться на том же «месте» (например, hat — cat, sing — sit). Поэтому лондонская школа пытается отрицать значение различительной функции, а взамен ее — по крайней мере в теории — пытается основываться на «месте» фонемы, не принимая во внимание ее различительной функции. С такой точки зрения два звука, встречающиеся на одном и том же месте, всегда принадлежат разным фонемам [1]. Совершенно очевидно, что данная концепция создает новые трудности, в частности, потому, что варианты также могут находиться на одном и том же «месте» (например, различные оттенки *e* в слове pet). Чтобы устранить эту трудность, сторонникам данной концепции пришлось ввести, кроме фонемы, еще одно понятие — **варифон** (variphone), — отношение которого к фонеме не вполне ясно. Поскольку каждый новый образец фонемы необходимо является новым вариантом, каждая фонема будет иметь варианты в одном и том же «месте». Отсюда следует, что каждая фонема должна быть **варифоном**. Но оказывается, хотя это и не подчеркивается, разные **варифоны** могут отличаться друг от друга только благодаря своему различительному противопоставлению [2].

Попытка лондонской школы избежать различительного противопоставления поучительна. Вероятно, представители этой школы думали встать на более твердую почву чистой фонетики, отказавшись от анализа содержания, для которого проблема различия и тождества могла оказаться менее надежной, поскольку в области содержания менее развит аналитический метод и труднее, по-видимому, получить объективные критерии. Очевидно, те же опасения были и у представителей Пражского кружка, так как они пыта-

---

[1] D. Jones, Le maître phonétique, 1929, pp. 43 f., «Travaux du Cercle linguistique de Prague», IV, p. 74.

[2] D. Jones, см. «Proceedings of the International congress of phonetic sciences» в «Archives néerlandaises de phonétique expérimentale», VIII—IX, 1933, p. 23.

лись использовать только то, что называется «дифференциациями интеллектуального значения». Но ученые Пражского кружка, несомненно, правы, настаивая на существенности различительного критерия как единственно релевантного. Попытка лондонской школы показывает непреодолимые трудности, возникающие в данном случае. Твердое отстаивание принципа различительности — главная заслуга Пражского кружка; во всех других случаях относительно его теории и практики в так называемой фонологии должны быть сделаны значительные оговорки.

Опыт прежних поисков метода сокращения, вероятно, говорит о том, что различительный фактор должен рассматриваться как существенный для выявления инвариантов и для различения инвариантов и вариантов. Инварианты плана выражения отличаются в том случае, если между ними имеется корреляция (например, корреляция между *e* и *a* в pet — pat), которой соответствует корреляции в плане содержания (корреляция между сущностями содержания pet и pat), так что мы можем установить **реляцию** между корреляцией выражения и корреляцией содержания. Эта реляция есть непосредственное следствие знаковой функции, солидарности между формой выражения и формой содержания.

Некоторые методические направления традиционной лингвистики в последнее время подошли, как мы видели, к признанию этого факта; однако соответствующий метод был серьезно разработан только для фигур плана выражения. Но, чтобы охватить структуру языка и подготовить аналитическую процедуру, чрезвычайно важно понять, что этот принцип должен быть распространен на все инварианты языка независимо от их степени или от их места в системе. Поэтому принцип действителен для всех сущностей выражения, вне зависимости от их протяженности, и не только для минимальных сущностей: он пригоден и для плана содержания в той же мере, как и для плана выражения. В действительности это всего лишь логическое следствие из признания применимости данного принципа к фигурам выражения.

Если вместо фигур мы рассмотрим знаки, и не один конкретный знак, но два или более знаков во взаимной корреляции, то всегда найдем реляцию между корреляцией выражения и корреляцией содержания. Если такая реляция отсутствует, значит мы имеем дело не с двумя различными

знаками, а только с двумя различными вариантами одного и того же знака. Если замена выражения одного предложения выражением другого предложения вызывает соответствующую замену двух различных содержаний, то выражения принадлежат двум разным предложениям. Если же указанная замена не приводит к такому следствию, то это значит, что наличествует два варианта предложения в выражении, два различных образца одного и того же выражения-предложения. Это верно и для словесных выражений и для иных знаковых выражений. То же самое применительно и к фигуре независимо от ее протяженности, например к слогам. Различие между знаками и фигурами в этом отношении заключается только в том, что в случае со знаками одно и то же различие в выражении вызывает всегда одно и то же изменение в содержании, тогда как в случае с фигурами одно и то же различие в выражении может вызвать в одном отдельном случае различные изменения в содержании (например: pet — pat, led — lad, ten — tan).

Более того, рассматриваемая реляция обратима в том смысле, что различие между инвариантами и вариантами в плане содержания может быть проведено в соответствии с тем же самым критерием (мы имеем дело с двумя инвариантами содержания только тогда, когда их корреляция имеет реляцию к корреляции в плане выражения). Таким образом, практически мы имеем дело с различными инвариантами содержания, если замена одного другим может вызвать соответствующую замену в плане выражения. В отношении знаков это совершенно очевидно. Если, например, замена выражения одного предложения другим вызывает соответствующую замену содержаний, то замена содержания одного предложения другим должна вызвать соответствующую замену выражений; это то же самое явление, рассмотренное с противоположной точки зрения.

Наконец, отсюда вытекает неизбежное логическое следствие: в плане содержания точно так же, как и в плане выражения, опыт замены дает нам возможность выделить фигуры благодаря разделению минимальных содержаний знаков на функтивы (сущности и их взаимные реляции), составляющие их. Совершенно так же, как и в плане выражения, существование фигур будет всего лишь логическим следствием существования знаков. Поэтому можно с уверенностью предсказать, что такой анализ выполним.

И можно сразу добавить, что очень важно, чтобы он был выполнен, потому что такая работа является необходимой предпосылкой для исчерпывающего описания содержания. Такое исчерпывающее описание опирается на возможность объяснения и описания неограниченного числа знаков с помощью ограниченного числа фигур, в том числе с точки зрения их содержания. Требование сокращения должно быть здесь таким же, как и для плана выражения: чем меньшее число фигур содержания будет в нашем распоряжении, тем лучше мы сможем удовлетворить эмпирический принцип в его требовании наипростейшего описания.

До сих пор в лингвистике не было сделано даже попытки предпринять такое разложение знакового содержания на фигуры содержания, хотя соответствующее разложение знакового выражения на фигуры выражения так же старо, как и изобретение фонетического письма (а возможно, первое даже древнее второго, так как изобретение фонетического письма предполагает существование попыток такого анализа выражения). Данное несоответствие имело чрезвычайно катастрофические последствия: встречаясь с неограниченным числом знаков, люди считали анализ содержания неразрешимой проблемой, сизифовым трудом, неприступной вершиной.

Но процедура здесь точно такая же, как и в случае с планом выражения. Так же как выражение минимального знака посредством дальнейшего анализа на основе функций может быть разделено на меньшие компоненты с взаимными реляциями (как это имело место в древности при изобретении фонетического письма и ныне в современных фонетических теориях), так и содержание минимального знака может быть расчленено путем анализа на меньшие компоненты с взаимными реляциями.

Представим, что в ходе анализа текста на той ступени анализа, где определенные большие цепи (можно думать, например, о словесных выражениях в языках знакомого строя) разделяются на слоги, были выделены следующие слоги: sla, sli, slai, sa, si, sai, la, li, lai. На следующей ступени, на которой слоги делятся на центральную (селектированную) и маргинальную (селектирующую) части (стр. 52), механический инвентарь категорий центральной и маргинальной частей будет соответственно a, i, ai и sl, s, l. Но поскольку ai может быть объяснено как единица,

возникшая на основе реляции a и i, a sl — как единица, возникшая на основе реляции s и l, то ai и sl исключаются из инвентаря элементов. Остаются лишь a и i, s и l, которые определены по их способности вступать в упомянутые «группы» (группа согласных sl и дифтонг ai). Следует заметить, что сокращение должно проводиться тогда, когда отмечаются центральная и маргинальная части слога, и не должно переноситься в следующую операцию, в которой эти части слога будут взяты в качестве объектов дальнейшего разделения. Поступать иным образом значило бы вступать в конфликт с требованием наипростейшего результата каждой частной операции. Однако если бы положение было другим, например, если бы при делении больших цепей на слоги мы нашли бы slai, но не sla, sli, sa, si, sai, la, li, lai, тогда сокращение не могло бы прсизводиться дальше путем разделения слогов на части, и дальнейшее сокращение должно было бы быть отложено до следующей операции, в которой бы части слога служили объектами дальнейшего деления. Если бы мы, взяв другой пример, имели slai, sla, sli, но не sai, sa, si, lai, la, li, мы могли бы на этой ступени разделить ai, но не sl. (Если бы мы имели slai и sla, но не sli, то разделение нельзя бы было предпринять, и тогда ai и a пришлось бы отметить как два различных инварианта. Нарушение этого правила привело бы нас к абсурду. Например, в языке, имеющем слоги a и sa, но не s, нам пришлось бы отметить в качестве инвариантов в инвентаре слогов не только a, но и s.)

В основе данного метода лежит понятие обобщения (генерализации). Сокращение может быть проведено, если можно осуществить обобщение от случая к случаю, не впадая в противоречие. Мы можем предположить в нашем примере, что sl сокращается лишь в некоторых случаях, а не во всех, потому что содержание, связанное со слогом sla с неразделенным sl, отличается от содержания, связанного со слогом sla с разделенным sl, откуда должно вытекать, что sl есть равноправный элемент наряду с s и l. В некоторых хорошо известных языках (например, в английском) сущность tʃ может быть разделена на t и ʃ, поскольку такое деление может быть обобщено на все случаи. Однако в польском ʧ существует как независимая сущность наряду с t и ʃ, причем последние могут вступать в группу tʃ (функционально отличную от ʧ): два слога trzy «три» и czy «ли» различаются в произношении

только благодаря тому, что первое имеет tʃ, а второе—ʧ[1]. Таким образом, практически важно ввести здесь специальный **принцип обобщения**. Более того, практическое значение этого принципа проявляется во многих других местах лингвистической теории, и поэтому он должен быть утвержден в качестве одного из общих принципов теории. Нам кажется возможным доказать, что этот принцип в скрытом виде всегда присутствовал в научном исследовании, хотя, насколько нам известно, до настоящего момента он не был сформулирован. Этот принцип имеет следующий вид:

Если один объект допускает только одно решение, а другой объект допускает двоякое решение, то в таком случае решение обобщается и считается применимым также и для объекта с двояким решением.

Правило, применимое к сокращениям, о которых говорилось здесь, может быть соответственно сформулировано следующим образом:

Сущности, которые при применении принципа обобщения могут быть однозначно определены как сложные единицы, включающие только элементы, отмеченные в одной и той же операции, не должны определяться как элементы.

Это правило, следовательно, может быть применено к плану содержания точно таким же образом, как и к плану выражения. Если, например, механическое составление инвентаря на данной ступени процедуры ведет к выявлению сущностей содержания ram «баран», ewe «овца», man «мужчина», woman «женщина», boy «мальчик», girl «девочка», stallion «жеребец», mare «кобыла», sheep «овца» (без различия пола), human being «человеческое существо», child «дитя», horse «лошадь» (без различия пола), he «он»,

[1] L. Bloomfield, Language, New York, 1933, p.119[Рус. пер.: Блумфилд Л. Язык. М. УРСС, 2003]; George L. Trager, «Acta Linguistica», I, 1939, p. 179. Полный анализ польской системы выражения, с нашей точки зрения, вскроет, вероятно, дальнейшее различие между двумя случаями; однако, это не ослабит принципа или его применения на некоторой ступени анализа. Нечто подобное можно сказать о примере Джоунза с английскими h и ŋ.

she «она», тогда ram, ewe, man, woman, boy, girl, stallion, mare должны быть исключены из инвентаря элементов, если они могут быть объяснены однозначно как относительные единицы, включающие только he и she, с одной стороны, и sheep, human being, child, horse — с другой. Здесь, как и в плане выражения, критерием является проверка на взаимозамену, которая позволяет находить реляцию между корреляциями в обоих планах. Как взаимозамены между sai, sa и si могут вызывать взаимозамены между тремя различными содержаниями, так и взаимозамены между сущностями содержания ram, he и sheep могут вызывать взаимозамены между ремя различными выражениями. Ram=he-sheep будет отличаться от ewe=she-sheep точно так же, как sl будет отличаться, например, от fl; ram=he-sheep будет отличаться от stallion=he-horse точно так же, как sl будет отличаться, например, от sn.

Замена одного, и только одного, элемента другим в обоих случаях достаточна, чтобы вызвать взаимозамену в другом плане языка

В небольших примерах, рассматривавшихся нами прежде (разделение сложных предложений на простые и простых предложений на слова; разделение группы слогов на слоги и слогов на меньшие фигуры), мы в согласии с традиционными понятиями временно представляли дело так, как будто бы текст состоял только из линии выражения. В предшествующем разделе (стр. 82—83) мы пришли к тому заключению, что после разделения текста на линию выражения и на линию содержания необходимо разделить каждую из них соответственно общему принципу. Следовательно, это деление должно проводиться одинаково далеко (т. е. до конца) в обеих линиях. При продолженном разделении линии выражения мы в конце концов подойдем к границе, на которой неограниченные инвентари сводятся к ограниченным, а последние постоянно уменьшаются в размере благодаря дальнейшим операциям (стр. 65). То же наблюдается и при анализе линии содержания. Анализ на фигуры в плане выражения, можно сказать, практически состоит в сведении сущностей, входящих в неограниченные инвентари (например, словесных выражений), к сущностям, входящим в ограниченные инвентари; сведение продолжается до тех пор, пока не получится самый ограниченный инвентарь. Таким же путем проходит и анализ на фигуры в пла-

не содержания. В то время как инвентарь содержаний слов неограничен, в языках знакомого строя даже минимальные знаки могут распределяться (на основе относительных различий) по некоторым (селектированным) инвентарям, являющимся неограниченными (например, инвентари содержаний корней), и по некоторым другим (селектирующим) инвентарям, которые являются ограниченными (например, инвентари, включающие содержания словообразовательных и словоизменительных аффиксов, т. е. деривативы и морфемы).Таким образом, на практике процедура заключается в попытке разделения сущностей, входящих в неограниченные инвентари, на сущности, входящие в ограниченные инвентари. В примере, данном выше, этот принцип отчасти выполнен: тогда как sheep, human being, child и horse остаются пока в неограниченных инвентарях, he, she как местоимения принадлежат к специальной категории, относительно определенной, с ограниченным ислом членов. Дальнейшая задача будет состоять в продолжении анализа до тех пор, пока все инвентари не станут ограниченными, и как можно более ограниченными.

В этом сведéнии сущностей содержания в «группы» знаковое содержание приравнивается к цепи знаковых содержаний, имеющих определенные взаимные реляции. Определения, при помощи которых переводятся слова в одноязычном словаре, представляют собой явления именно такого рода, хотя словари не стремятся к сокращению (числа сущностей содержания) и поэтому не дают определений, точно соответствующих определениям, полученным в результате последовательно выполненного анализа. Но то, что устанавливается в качестве эквивалента данной сущности, когда эта сущность оказывается сокращенной, есть не что иное, как **определение** этой сущности, сформулированное на том же самом языке и в том же самом плане, к которому относится сама сущность. Мы не видим ничего, что препятствовало бы применению этой терминологии в отношении обоих планов. Можно назвать, например, определением анализ выражения слова pan, которое состоит из согласного p, гласного a и согласного n. Таким образом, мы подошли к определению самого понятия «определение»: под **определением** понимается разделение знакового содержания или знакового выражения.

Это сведéние сущностей к группам элементов в некоторых случаях может быть сделано более эффективно путем

выявления коннективов. Под коннективом мы понимаем функтив, имеющий в определенных условиях солидарность с реляцией, устанавливающей сложные единицы определенной степени. В плане выражения коннективы практически часто (но далеко не всегда) совпадают с тем, что в традиционной лингвистике называется соединительными гласными, но отличаются от последних тем, что они определены. Гласный, возникающий в английском перед флексией в слове fishes, может быть отмечен как коннектив. В плане содержания, например, союзы часто являются коннективами. Этот факт может иметь решающее значение для разделения и составления инвентаря сложных и простых предложений в языках определенной структуры. Благодаря этому мы сможем просто, уже на ступени разделения сложных предложений, не только разделить сложные предложения на части, но и свести инвентарь данного главного и данного придаточного предложений к одному простому предложению с двумя функциональными возможностями. Главное (селектируемое) предложение и придаточное (селектирующее) предложение окажутся тогда не двумя видами простых предложений, но двумя видами «функций предложения» или двумя видами вариантов предложения. Добавим, ради полноты, что специфический порядок слов в некоторых видах придаточных предложений может выступать как сигнал для этих вариантов предложения и, таким образом, не может помешать выполнению сокращения. Более того, судьба, постигшая два основных устоя традиционного синтаксиса — главное и придаточное предложение, сведенных всего лишь к вариантам,— точно так же разрушает и ряд других основных его устоев. В языках близкого нам типа субъект и предикат будут вариантами одного и того же имени (одной и той же юнкции и т. д.). Объект в языках, не имеющих объектного падежа, будет вариантом наряду с субъектом и предикатом, а в языке, имеющем объектный падеж, где последний несет еще и другие функции, объект будет вариантом имени в этом падеже. Другими словами, разделение функтивов на два класса — инварианты и варианты,— предпринятое нами, уничтожает традиционное разграничение лингвистики на морфологию и синтаксис.

Мы должны, следовательно, выявить реляцию между корреляцией в плане выражения и корреляцией в плане содержания для всех сущностей текста в обоих планах.

Различительный фактор следует рассматривать как существенный при составлении всех инвентарей. Корреляцию в одном плане, которая имеет реляцию к корреляции в другом плане языка, мы назовем **коммутацией.** Это—практическое определение; в теории мы будем, конечно, искать более абстрактную и общую формулировку. Точно так же, как мы можем представить себе корреляцию и взаимозамену в парадигме, имеющей реляцию к соответствующей корреляции и к соответствующей взаимозамене парадигмы в другом плане языка, мы можем вообразить реляцию и сдвиг в цепи, который имеет реляция к соответствующей реляции и к соответствующему сдвигу в цепи в другом плане языка; в этом случае мы будем говорить о **пермутации.** Пермутация часто имеет место между знаками относительно большой протяженности; и можно даже определить **слова** как наименьшие знаки, выражение которых, а также содержание, доступны пермутации. В качестве общего термина для обозначения коммутации и пермутации мы избираем термин **мутация.** О производных одной и той же степени, относящихся к одному и тому же процессу или к одной и той же системе, говорят, что они образуют **ряд.** Мы определяем мутацию как функцию, существующую между производными первой степени одного и того же класса, функцию, имеющую реляцию к функции между другими производными первой степени одного и того же класса и принадлежащими к одному и тому же ряду. Тогда **коммутация** является мутацией между членами парадигмы, а **пермутация** — мутацией между частями цепи.

Под **субституцией** понимается отсутствие мутации между членами парадигмы; субституция, в нашем смысле, является поэтому противоположностью коммутации. Из данного определения следует, что некоторые сущности не имеют ни взаимной коммутации, ни взаимной субституции и именно такие сущности не входят в одну и ту же парадигму, например гласный и согласный, или h и ŋ в примере Джоунза, приведенном выше. Тогда **инварианты** являются коррелятами с взаимной коммутацией, а **варианты** — коррелятами с взаимной субституцией.

Специфическая структура конкретного языка — черты, характеризующие данный язык в противоположность другим, т. е. отличающие его от других или делающие его сходным с другими и определяющие типологическое место каждого языка,— устанавливается тогда, когда мы выявляем,

какие определенные категории имеет язык и каково число инвариантов, вступающих в каждую из них. Число инвариантов в пределах каждой категории устанавливается посредством коммутации. То, что мы, следуя де Соссюру, называем языковой формой, прокладывающей по-разному в разных языках свои произвольные границы в аморфном континууме субстанции, зависит исключительно от этой структуры. Все примеры, данные нами (стр. 76), показывают релевантность коммутационного текста: число обозначений цветов, чисел, времен, рывных согласных, гласных и т. д., и т. п. установлены этим способом. Элементы содержания «дерево» (как растение и как материал) являются вариантами в датском, но инвариантами во французском и немецком языках. Элементы содержания «лес» (в смысле материала и массы деревьев) являются инвариантами в датском, но вариантами во французском. Элементы содержания «большой лес» и «небольшой лес» или «лес безотносительно к его величине» являются инвариантами во французском, но вариантами в немецком и датском языках. Единственным критерием для установления этих фактов является проверка путем коммутации.

Если старая грамматика слепо переносила категории и элементы категорий латинского языка в современные европейские языки, например в датский[1], то это происходило из-за отсутствия ясного понимания значения коммутационной проверки для языкового содержания. Если языковое содержание рассматривается безотносительно к коммутации, это практически означает, что во внимание не принимается его отношение к языковому выражению через знаковую функцию. В результате в последующие годы в качестве реакции на это мы стали требовать такого грамматического метода, который исходил бы из выражения, а от него стремился найти путь к содержанию [2].

После открытия коммутации во всем ее объеме выяснилось, что это требование было сформулировано неточно. С тем же правом можно требовать, чтобы изучение выражения начиналось с содержания и шло от содержания к

---

[1] Об этом см. H. G. Wiwel, Synspunkter for dansk sproglære, København, 1901, p. 4.

[2] Этому следовал и автор настоящей работы (см. L. Hjelmslev, Principes de grammaire générale, Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-filol. Medd., XVI, 1, København, 1928, особенно стр. 89).

выражению. Важно отметить, что независимо от того, заинтересованы ли мы в настоящий момент в выражении или в содержании, мы ничего не поймем в структуре языка, если не будем постоянно принимать во внимание взаимодействие обоих планов. Как изучение выражения, так и изучение содержания являются изучением отношения между выражением и содержанием; каждое из этих двух направлений исследования предполагает существование другого, т. е. они взаимозависимы и поэтому не могут быть отделены друг от друга без значительного ущерба.

Как говорилось (разд. 9—11), анализ должен проводиться таким образом, чтобы в его основе лежали функции.

15. Языковая схема и языковой узус

Лингвист должен проявлять равный интерес и к сходству языков и к их различию — к двум дополняющим друг друга сторонам одного явления. Сходство языков — это сам их структурный принцип, различие между языками — проявление этого принципа in concreto. И сходство языков, и различие между ними заключены в самих языках, в их внутренней структуре; никакое сходство или различие между языками не бывает основано на факторах, внешних по отношению к языкам. И сходство языков, и различие между ними основывается на том, что мы, следуя де Соссюру, называли формой, а не на субстанции, подвергающейся формированию. A priori материал, подвергающийся формированию, можно было бы рассматривать как общий для всех языков элемент и считать его носителем сходства между языками, однако это иллюзия: материал формируется специфическим образом в разных языках, поэтому не существует универсальной формы, а существует лишь универсальный принцип образования формы. Сам по себе материал аморфен и не предполагает существования формы, но он способен к принятию формы, причем любой формы. Любые возможные внутренние разграничения присущи форме, а не материалу. Материал сам по себе недоступен для познания, так как условием познания является один из видов анализа. Материал может быть познан только благодаря наличию некоторой формы и взятый отдельно от формы не имеет научного бытия.

Поэтому невозможно считать материал (материал выражения или материал содержания) основой описания языка. Провести такое описание можно только на основе

указанного формирования материала, причем структура формы одного языка будет не совпадать со структурами форм большинства других языков. Именно поэтому обречено на неудачу как построение грамматики на основе спекулятивных онтологических систем, так и построение грамматики одного языка на основе грамматики другого языка. Именно поэтому невозможно исходить из описания субстанции в качестве основы для описания языка. Наоборот, описание субстанции зависит от описания языковой формы. Старая мечта об универсальной фонетической системе и об универсальной системе значений (системе понятий) не может быть осуществлена; во всяком случае, такие системы будут оторваны от языковой реальности. Ввиду появления даже в недавнее время некоторых пережитков средневековой философии не будет лишним указать на тот факт, что для языка нельзя построить эмпирически общезначимые фонетические типы или извечную схему связи идей. Различия между языками основываются не на различных реализациях данного типа субстанции, но на различных реализациях принципа образования формы. Иными словами, различия между языками основываются на различиях формы, налагаемой на тождественный, но аморфный материал.

Соображения, развитые нами выше в полном согласии с соссюровским делением на форму и субстанцию, заставляют нас признать язык формой, а то, что лежит вне этой формы и находится от нее в функциональной зависимости, представляет собой внеязыковой материал, так называемую субстанцию. В то время как на долю лингвистики приходится анализ языковой формы, на долю многих других наук выпадает анализ субстанции. Посредством проекции данных лингвистики на данные других наук мы придем к проекции лингвистической формы на субстанцию в конкретном языке. Поскольку наложение языковой формы на материал совершается произвольно, т. е. зависит не от субстанции, а от конкретного принципа образования формы и от возможностей последующей реализации, постольку два описания — лингвистическое и нелингвистическое — должны проводиться независимо друг от друга.

Чтобы уточнить эту мысль, сделать ее более ясной и гибкой, мы укажем, какие науки должны описывать субстанцию, или, вернее, материал, тем более что до сих пор лингвистика в этом пункте имела нечеткие представления,

передающиеся по традиции. Здесь мы обратим внимание на два факта:

а) Описание материала обоих зыковых планов (выражения и содержания) в основном относится к сфере двух наук: частично **физики** и частично **психологии** (мы утверждаем это без всякого отношения к некоторым концепциям современной философии). Субстанция обоих планов может рассматриваться частично как физическое явление (звуки в плане выражения, предметы в плаь содержания) и частично как отражение этих явлений в сознании говорящего. Следовательно, для обоих планов необхсдимы физическое и феноменологическое описания материала.

б) Исчерпывающее описание языкового материала содержания требует участия всех других наук; с нашей точки зрения, все они, без исключения, имеют дело с языковым содержанием.

Итак, мы пришли к тому, как нам кажется, обоснованному взгляду, что все науки группируются вокруг лингвистики. Мы свели научные сущности к двум основным видам — языкам и неязыкам и обнаружили отношения, или функцию, между ними.

Позднее у нас будет возможность обсудить природу этой функции между языком и неязыком и изучить характер предпосылки и следствия, наличествующих в данном частном случае. В то же самое время нам придется расширить и изменить предварительно нарисованную картину. Все сказанное здесь, в частности о соссюровской форме и субстанции, имеет только предварительный характер. Согласно принятой нами точке зрения, мы приходим к заключению, что как различные специальные неязыковые науки могут и должны анализировать языковой материал, отвлекаясь от языковой формы, так и лингвистика может и должна изучать языковую форму, отвлекаясь от материала, который может быть подчинен этой форме в обоих планах. Поскольку материал содержания и материал выражения достаточным образом и совершенно однозначно описываются неязыковыми науками, лингвистике следует отвести специальную задачу описания языковой формы, для того чтобы таким путем сделать возможной проекцию формы на неязыковые сущности, которые с точки зрения языка являются субстанцией. Лингвистика должна видеть свою главную задачу в построении науки о выражении и науки о содержании на внутренней и функциональной основе; она должна построить науку о выражении без обращения к фонетиче-

ским или феноменологическим предпосылкам и науку о содержании без обращения к онтологическим или феноменологическим предпосылкам (но, конечно, не избегающую эпистемологических предпосылок, лежащих в основе любой науки). В такую лингвистику в отличие от традиционной в качестве науки о выражении не будет входить фонетика, а в качестве науки о содержании — семантика. Такая наука была бы алгеброй языка, оперирующей безымянными сущностями, т. е. произвольно названными сущностями без естественного обозначения (иными словами, обозначения, мотивированного через отношение к субстанции).

Поскольку лингвистика стоит перед этой главной задачей, решению которой до сих пор не уделялось внимания в лингвистических исследованиях, нужно быть готовым к вдумчивой теоретической и исследовательской работе. Что касается языкового выражения, то начало этой работе было положено в некоторых ограниченных областях в недавнее время [1].

Со времени своего возникновения настоящая лингвистическая теория была вдохновлена этой идеей; она стремилась создать такую имманентную алгебру языка. Чтобы подчеркнуть отличие данной теории от предшествующей лингвистики и ее абсолютную независимость от неязыковой субстанции, мы дали ей специальное название, которое использовалось в подготовительных работах начиная с 1936 г.: мы называем ее **глоссематика** (от гр. γλῶσσα «язык»)

[1] Описание категорий выражения на чисто нефонетической основе проведено Л. Блумфилдом для английского языка и отчасти для других языков («Language», New York, 1933, pp. 130 ff.), [рус. пер.: Блумфилд Л. Язык. М.: УРСС,2002], Джорджем Л. Трейджером для польского языка («Acta linguistica», I, 1939, p. 179), Хансом Фогтом для норвежского языка («Norsk tidsskrift for sprogvidenskap», XII, 1942, p. 5), Х. Й. Ульдаллем для датского языка (Proceedings of the Second international congress of phonetic sciences, Cambridge, 1936, p. 54 ff.) и для готтентотского языка («Africa», XII, 1939, pp. 369 ff.), А. Бьерумом (Bjerrum) для датского диалекта в Fjolde («Fjoldemålets lydsystem», 1944), Е. Куриловичем для древнегреческого («Travaux du Cercle1 inguistique de Copenhague», V, 1949, p. 56), Кнудом Тогебю для французского («Structure immanente de la langue française», 1951) и Л. Ельмслевом для литовского языка («Studi baltici», VI, 1936—1937, pp. 1 ff.) и для датского («Selskab for nordisk filologi», Årsberetning, 1948—1949—1950, pp. 12—23).
Уже в «Mémoire sur le sistème primitif des voyelles», Leipzig, 1879, Ф. де Соссюра [рус. пер.: Соссюр Ф. де. Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках.— Труды по якзыкознанию. М.:Прогресс,1977]. Ясно и сознательно представлена данная точка зрения; метод был блестяще сформулирован его учеником А. Сеше («Programme et méthodes de la linguistique théorique», Paris, 1908, pp. 111, 133, 151 [рус. пер.: Сеше А. Программа и методы теоритической лингвистики. М.: УРСС,2003]).

и используем термин **глоссема** для обозначения минимальных единиц формы, которые теория устанавливает в качестве основы для описания, т. е., иными словами, для обозначения неразложимых инвариантов. Такое специальное обозначение не было бы необходимым, если бы термин **лингвистика** не использовался часто неправильно, означая безуспешное изучение языка с внеязыковых точек зрения.

Соссюровское различие между «формой» и «субстанцией» лишь относительно обосновано, так как употребление этих терминов рационально лишь в пределах языка: «форма» означает в таком случае **языковую форму**, а «субстанция», как мы видели,— языковую субстанцию, или **материал**. Сами по себе понятия «форма» и «субстанция» в абсолютном смысле имеют более широкое значение, но мы не можем их универсализировать, не вызывая опасности терминологической путаницы. Нужно, конечно, решительно подчеркнуть, что «субстанция» не противопоставляется понятию функции, но означает целое, которое само по себе функционально и которое определенным образом соотнесено с данной «формой», точно так же как материал соотнесен с языковой формой. Но и нелингвистический анализ материала, предпринимаемый неязыковыми науками, ведет по самой природе материи к выявлению «формы» по существу того же самого вида, что и языковая «форма», хотя и имеющей неязыковую природу. Мы считаем возможным предположить, что некоторые из общих принципов, установленных нами в начальных параграфах настоящей работы, ценны не только для лингвистики, но и для науки в целом, по крайней мере таковым представляется принцип исключительного значения функций при анализе (стр. 48). Таким образом, то, что с одной точки зрения является «субстанцией», с другой точки зрения является «формой». Это связано с тем, что функтивы обозначают лишь конечные точки, или точки пересечения функций, а также с тем, что только функциональная сеть зависимостей познаваема и имеет научное бытие, в то время как «субстанция» в онтологическом смысле остается метафизическим понятием.

Неязыковой анализ материала, проведенный в форме дедукции (в нашем смысле), должен привести к выявлению неязыковой иерархии, имеющей функцию к языковой иерархии, выявленной путем лингвистической дедукции.

Мы назовем языковую иерархию **языковой схемой**, а производные неязыковой иерархии, подчиненные языковой

схеме,—**языковым узусом.** Мы будем в дальнейшем говорить, что языковой узус **манифестирует** языковую схему; функция, существующая между языковой схемой и языковым узусом, будет названа **манифестацией.** Это предварительные, рабочие (операциональные) термины.

16. Варианты в языковой схеме

В языковой схеме, как и в языковом узусе, некоторые сущности могут быть сведены к образцам некоторых других сущностей (см. разд. 14). Любой функтив в пределах схемы и безотносительно к манифестации можно расчленить на варианты. Это следует из самого определения варианта (стр. 96). Более того, членение универсально, а не индивидуально (стр. 64), поскольку любой функтив всегда может быть расчленен неограниченное число раз на произвольное число вариантов. Варианты поэтому, как правило, виртуальны, подобно несводимым инвариантам (согласно данным определениям; см. стр. 64), в то время как только сводимые инварианты могут быть реализованы.

В современной науке о выражении, ориентирующейся на фонетику, обычно разграничивают два вида вариантов — так называемые «свободные» варианты, выступающие независимо от окружений, и «связанные», или «обусловленные» (иногда — но мы не рекомендуем этого выражения—их называют «комбинаторными»), варианты, которые появляются только в некоторых окружениях в цепи. Если анализ выполнен тщательно, любая сущность выражения может иметь столько связанных вариантов, сколько имеется возможных реляций в цепи. И далее, если анализ выполнен тщательно, любая сущность выражения может иметь столько свободных вариантов, сколько имеется возможных образцов, так как для достаточно чувствительного экспериментально-фонетического исследования два образца одного и того же звука речи никогда не дадут абсолютно полного совпадения. «Свободные» варианты мы будем называть здесь **вариациями,** а «связанные» варианты — **вариатами. Вариации** определяются как комбинационные варианты, поскольку они не предопределяют существование каких-либо сущностей в цепи и сами не предопределяются существованием последних; вариации включаются в комбинацию. **Вариаты** определяются как солидарные варианты, ибо данный вариат всегда предопределяет существование данного вариата другого инварианта (или другой разновидности

инварианта) в цепи и предопределяется существованием последнего: в слог ta входят два вариата двух различных инвариантов, а именно вариат t, который может выступать только с a, и вариат a, который может выступать только с t; между ними имеется солидарность.

Распределение вариантов по двум категориям, предлагаемое современной наукой о выражении, имеет, как можно видеть, функциональное значение и может быть проведено повсюду. В этой связи, учитывая настоящее положение в лингвистике, важно подчеркнуть, что расчленение на варианты в науке о содержании так же возможно и необходимо, как и в науке о выражении. Все так называемые контекстуальные значения манифестируют вариаты, и частные значения, кроме того, манифестируют вариации. Более того, для обоих языковых планов в соответствии с требованием простейшего описания важно, чтобы членение на вариации предшествовало членению на вариаты, поскольку инвариант должен быть сначала расчленен на вариаты и уже затем вариаты должны быть расчленены на вариации: вариации специфицируют вариаты. Но, по-видимому, новое расчленение на вариаты может быть связано с исчерпывающим членением на вариации и так далее; в той мере, в какой это возможно, необходима последовательная спецификация.

При проведении расчленения инварианта на вариаты для каждого индивидуального «места» достигается несводимый вариат, и расчленение на вариаты исчерпано. Вариат, который не может таким образом быть дальше расчленен на вариаты, мы назовем **локализованным** вариатом. Если выполнено расчленение локализованного вариата на вариации вплоть до индивидуальных разновидностей, то достигнута несводимая вариация, и расчленение на вариации исчерпано. Вариацию, которая не может быть дальше расчленена на вариации, мы назовем **индивидом**. Иногда можно расчленить индивид снова на вариаты в соответствии с различными «местами», в которых может появляться данный индивид; в таких случаях имеет место последовательная спецификация.

Тот факт, что расчленение на варианты может быть исчерпано на данной стадии, не противоречит виртуальности вариантов. При условии последовательной спецификации членение на варианты в принципе неограниченно. Но вместе с тем членение на варианты оказывается неограничен-

ным также на его индивидуальной ступени даже тогда, когда оно исчерпано. Это объясняется тем, что число вариантов в неограниченном тексте будет всегда неограниченно, а число возможных членений, посредством которого членение на варианты даже на конкретной ступени может быть исчерпано, будет, таким образом, тоже неограниченным.

Если последовательная спецификация не может быть продолжена, и иерархия оказывается исчерпанной при разделении вариатов на вариации, которые не могут снова быть расчленены на вариаты, то в некотором эпистемологическом смысле можно сказать, что рассматриваемый объект не подлежит дальнейшему научному описанию. Цель науки заключается всегда в регистрации когезий, и если объект предоставляет только возможность регистрации констелляций или характеризуется отсутствием функции, точное рассмотрение объекта уже невозможно. Сказать, что предметом науки является регистрация когезий,— это значит установить, что наука всегда стремится познать объекты как следствие определенного основания или причины. Но если объект может быть разделен только на такие объекты, о которых в равной мере можно сказать, что они являются следствиями или результатами всего или ничего, продолжение научного анализа становится бесполезным.

A priori можно представить себе, что любая наука, выполняющая условия, которые мы требуем для лингвистической теории, на заключительном этапе дедукции придет к ситуации, при которой нельзя будет обнаружить никаких следствий или воздействий причин. Тогда единственно возможным подходом к вариациям будет статистический подход, подобный тому, который Эбергард Цвирнер пытался систематически применить в отношении фонетического выражения языков [1]. Если, однако, этот эксперимент будет выполнен точно, объектом такого «фонометрического» подхода должен быть не индуктивно найденный класс звуков, но установленный дедуктивно лингвистически локализованный вариат высшей степени.

Выше (стр. 95) мы заметили, что сущности, обычно рассматриваемые традиционным синтаксисом,— главные предложения и придаточные предложения, члены предложения, такие, как субъект, именной предикат, объект и т. д.,— являются вариантами. Употребляя введенную нами тер-

[1] См. E. Zwirner в «Nordisk tidsskrift for tale og stemme», II, 1938, особенно стр. 179 и сл.

минологию, мы можем ради точности добавить, что они являются вариатами. Традиционный синтаксис (понимаемый как изучение связей между словами) занимается главным образом изучением вариатов в плане содержания, хотя это изучение никогда не является исчерпывающим. Поскольку каждое разделение вариантов предполагает существование выделенных инвариантов, синтаксис нельзя признать самостоятельной дисциплиной.

17. Функция и сумма

Класс, имеющий функцию к одному классу или многим другим в одном и том же ряду, мы назовем **суммой**. Синтагматическую сумму мы назовем **единицей**, а парадагматическую — **категорией**. Таким образом, **единица** есть цепь, имеющая реляцию к одной или многим другим цепям в одном и том же ряду, а **категория** есть парадигма, имеющая корреляцию к одной или многим другим парадигмам в том же ряду. Под **установлением** (establishment) мы понимаем реляцию, которая существует между суммой и функцией, входящей в нее, и которую функция выбирает в качестве постоянной; в этом случае говорят, что функция устанавливает сумму, а сумма устанавливается функцией. Так, например, в парадигматике (языковой системы) мы можем заметить существование различных категорий, имеющих взаимную корреляцию, каждая из которых, в частности, установлена корреляцией между ее членами. Эта корреляция в случае категорий инвариантов является коммутацией; в случае категорий вариантов это — субституция. Подобным же образом в синтагматике (языковом процессе, тексте) мы можем наблюдать существование различных единиц, имеющих взаимную реляцию, каждая из которых, в частности, устанавливается реляцией между ее частями.

Из этих определений следует, что функции всегда существуют либо между суммами, либо между функциями; другими словами, каждая сущность является суммой. При этом число вариантов неограниченно, и членение на варианты может быть продолжено бесконечно, так что каждая сущность может рассматриваться как сумма и в каждом случае именно как сумма вариантов. Эта точка зрения необходимо связана с требованием исчерпывающего описания.

В теории это означает, что сущность есть не что иное, как две или более сущностей с взаимной функцией —

факт, который еще раз подчеркивает, что только функции имеют научное бытие (стр. 48).

В практике в отношении анализа особенно важно понять, что реляция существует только между категориями.

Анализ должен быть построен таким образом, чтобы пригодная для анализа основа выбиралась в соответствии с эмпирическим принципом и принципами, вытекающими из него. Представим себе, что в качестве основы для анализа выбрана селекция. Тогда в первой операции данная цепь разделяется на селекционные единицы первой степени; категорию, полученную из всех единиц, мы назовем **функциональной категорией.** Под последней, следовательно, понимается категория функтивов, установленных в единичном анализе с данной функцией, взятой за основу анализа. В пределах такой функциональной категории можно выделить 4 вида функтивов:

1. Функтивы, которые могут выступать только как селектированные.

2. Функтивы, которые могут выступать только как селектирующие.

3. Функтивы, которые могут выступать и как селектированные и как селектирующие.

4. Функтивы, не выступающие ни как селектированные, ни как селектирующие (т.е. функтивы, включающиеся только в солидарности или в комбинации, или совсем не включающиеся в реляции).

Каждую из перечисленных категорий мы назовем **функтивной категорией**; таким образом, под функтивной категорией понимается категория, определяемая посредством членения функциональной категории согласно функтивным возможностям. Операция анализа состоит в выяснении того, какие из этих 4 a priori возможных функтивных категорий реализованы и какие виртуальны; это осуществляется посредством деления каждой из функтивных категорий на члены на основе коммутационного текста. Такие члены мы назовем **элементами**. Если анализ состоит в делении на селекционные единицы первой степени, то элементы, для выделения которых предпринимается деление, являются индивидуальными селекционными единицами первой степени.

Возьмем опять-таки конкретный пример деления цепи на главные и придаточные предложения. Главные предложения будут принадлежать к 1-й функтивной категории,

придаточные предложения — ко 2-й функтивной категории. Для простоты вообразим, что 3-я и 4-я категории оказались виртуальными. Теперь ясно, что такое выделение не может означать, что каждое индивидуальное придаточное селектирует каждое индивидуальное главное предложение: индивидуальное придаточное предложение не нуждается в присутствии какого-либо определенного главного предложения, но лишь в присутствии любого главного предложения. Таким образом, только категория главных предложений селектируется категорией придаточных предложений; селекция существует между функтивными категориями, тогда как реляция, существующая как следствие этой селекции между членом одной функтивной категории и членом другой, может быть иной, например комбинацией.

Одной из задач, стоящих перед лингвистикой, является установление общего исчисления реляций между элементами, которые соответствуют определенным реляциям между функтивными категориями.

Если основой анализа является солидарность или комбинация, т. е. синтагматическая реципроция, то функтивными категориями будут:

1. Функтивы, которые могут выступать только как солидарные.
2. Функтивы, которые могут выступать только как комбинированные.
3. Функтивы, которые могут выступать и как солидарные и как комбинированные.
4. Функтивы, не выступающие ни как солидарные, ни как комбинированные (т. е. функтивы, включающиеся только в селекции или не включающиеся ни в какую реляцию).

Здесь точно так же солидарность и комбинация будут иметь место между функтивными категориями, в то время как между элементами могут наблюдаться другие отношения. Выше (стр. 51) мы встречались с этим явлением при рассмотрении латинских именных морфем: категория числа и категория падежа имеют взаимную солидарность, но между конкретным числом и конкретным падежом существует комбинация.

18. Синкретизм

Мы сможем теперь остановиться на явлении, известном в традиционной грамматике под именем **синкретизма**, а в современной фонемике под названием **нейтрализации**. Оно

заключается в том, что коммутация между двумя инвариантами в некоторых условиях пропадает. Известными примерами, которые мы также можем использовать, являются синкретизм именительного и винительного падежа среднего рода (и в некоторых других случаях) в латинском языке, а также нейтрализация между датскими p и b в конце слога (таким образом, слово top может произноситься либо с p, либо с b).

Для подобных случаев мы будем употреблять термин **устранение** (suspension) и введем следующее общее определение: если дан функтив, существующий в определенных условиях и отсутствующий в других определенных условиях, то говорят, что там, где функтив присутствует, имеет место **приложение** (application) функтива (в этих условиях функтив **прилагается**), а там, где функтив отсутствует, имеет место **устранение** функтива или его **отсутствие** (функтив **устраняется** или **отсутствует** в этих условиях).

Устраненную мутацию между двумя функтивами мы назовем **совпадением** (overlapping), а категорию, установленную совпадением, назовем (в обоих планах языка) **синкретизмом**. Так, например, мы говорим, что именительный и винительный падежи в латинском языке или p и b в датском языке имеют взаимное совпадение или включаются в совпадение и что эти сущности вместе с совпадением образуют синкретизм, или, что каждая из сущностей вступает в синкретизм.

Из данных определений следует: когда две сущности в одних условиях выявлены на основе коммутационного испытания как инварианты, а в других условиях они включаются в совпадение, то в последних они будут вариантами и только их синкретизм будет инвариантом. В обоих примерах условия состоят в реляциях, в которые включаются данные сущности в цепи: коммутация между именительным и винительным падежами в латинском языке (которая прилагается, например, в первом склонении) устраняется, когда, например, именительный или винительный падежи включаются в реляцию со средним родом; коммутация же между p и b в датском языке (которая имеет место, например, в начальной позиции pære «груша» — bære «нести») устраняется, когда p или b включаются в реляцию с предшествующей центральной частью слога.

Необходимо понять, что реляция, существующая в данных случаях, есть реляция между **вариантами**. Сущность,

присутствие которой является необходимым условием для совпадения именительного и винительного падежей, есть вариат среднего рода, солидарный с группой именительный — винительный; а сущность, чье присутствие является необходимым условием для совпадения p и b, — вариат центральной части слога, солидарный с последующими p/b.

Такую солидарность между вариантом, с одной стороны, и совпадением — с другой, мы назовем **доминацией**; мы будем говорить, что данный вариант **доминирует** в совпадении[1], а совпадение **доминируется** данным вариантом.

Особое преимущество установления такого рода формального определения заключается в том, что мы сможем в дальнейшем различать обязательную и факультативную доминацию, не обращаясь к социологическим предпосылкам, что неизбежно вызвало бы «реальные» определения этих терминов. Такое обращение к социологическим явлениям в лучшем случае усложнило бы аппарат предпосылок нашей теории и привело бы к конфликту с принципом простоты, а в худшем случае внесло бы (в теорию) метафизические предпосылки и таким образом вступило бы в противоречие с эмпирическим принципом и особенно с требованием четких определений. Такие понятия, как обязательный и факультативный, согласно ныне принятым явным или скрытым «реальным» определениям, предполагают существование понятия социальной нормы, которое оказалось излишним в нашей лингвистической теории. Мы можем теперь просто определить **обязательную** доминацию как доминацию, доминант которой по отношению к синкретизму является **вариатом**, а **факультативную** доминацию как доминацию, доминант которой по отношению к синкретизму является **вариацией**. Когда в определенных условиях совпадение обязательно, между доминантом, с одной стороны, и синкретизмом — с другой, существует солидарность. Когда в определенных условиях совпадение факультативно, между доминантом и синкретизмом существует комбинация.

Синкретизмы манифестируются двумя способами: как **коалесценции** и как **импликации**. Под **коалесценцией** мы понимаем такую манифестацию синкретизма, которая с

[1] Вместо **доминации** во взятых здесь примерах мы можем использовать более специфичный термин и говорить о **синкретизации**, поскольку термин доминация может применяться в более широком смысле и распространен также на случаи недостаточности (defectiveness)

точки зрения субстанциональной иерархии идентична манифестации либо всех, либо ни одного из функтивов, вступающих в синкретизм. Синкретизмы, приведенные выше в качестве примеров, манифестируются как коалесценции, в которых манифестация идентична манифестации обоих функтивов, вступающих в синкретизм. Так, синкретизм именительного и винительного падежей имеет значение «именительно-винительный» (в различных контекстах это значение вызывает манифестацию вариатов, которые обычно имеют именительный и винительный падежи). Точно так же синкретизм p/b произносится таким же путем, как обычно произносится p и b (в различных связях с теми же самыми манифестациями вариата). Примером синкретизма, манифестация которого не идентична манифестации ни одного из функтивов, вступающих в синкретизм, может служить совпадение различных гласных в некоторых акцентуальных условиях в русском и английском языках, где синкретизм принимает качество |ə|. Под **импликацией** мы понимаем манифестацию синкретизма, которая с точки зрения субстанциональной иерархии идентична манифестации одного или более функтивов, вступающих в синкретизм, но не всех. Если в языке глухой и звонкий согласные взаимозаменимы (коммутабельны), но их коммутация устраняется перед другим согласным, так что глухой согласный произносится звонко перед звонким согласным, то тогда имеет место импликация. Из включающихся в импликацию функтивов тот, манифестация которого идентична с манифестацией синкретизма, определяется как **имплицируемый** другим функтивом, а последний — как **имплицирующий**. Таким образом, можно сказать, что в нашем примере глухой согласный в определенных условиях имплицирует звонкий согласный или что звонкий согласный в этих условиях имплицируется глухим. Если синкретизм между звонким и глухим согласным осуществляется таким образом (так обстоит дело, например, в славянских языках), что не только глухой согласный произносится звонко перед звонким, но также и звонкий произносится глухо перед глухим, то импликация является не **односторонней (унилатеральной)**, но **двусторонней** или **многосторонней (билатеральной** или **мультилатеральной)**: звонкий имплицирует глухой и глухой имплицирует звонкий во взаимоисключающих условиях.

Мы обращаем внимание на тот факт, что употребление

термина **импликация** согласуется с логистическим термином и является только частным случаем последнего. Импликация является функцией «если — то», ее следствием с той только разницей, что в наших примерах она имеет место не между суждениями, а между сущностями меньшей протяженности. Если мы имеем глоссематическую сущность выражения p, находящуюся в некоторой реляции к другой такой сущности, то мы получаем q. Логическая связь между предпосылками представляется нам всего лишь другим специальным случаем лингвистической импликации [1].

Синкретизм может быть **разрешимым** или **неразрешимым**. **Разрешить** синкретизм это значит ввести вариат синкретизма, который не включается в совпадение, устанавливающее синкретизм. Если, несмотря на синкретизм, мы можем рассматривать слово templum в одном контексте как именительный падеж, а в другом — как винительный падеж, то это потому, что синкретизм именительного и винительного падежей в латинском языке в этих примерах **разрешим**. Мы находим разрешение в пределах категории именительного — винительного падежей, т. е. в пределах синкретизма, выбирая вариат, не включающийся в совпадение (например, вариат именительного падежа от domus и вариат винительного падежа от domum), и искусственно вводя эти сущности содержания в templum вместо падежной сущности, входящей в него; это делается в силу аналогического заключения, которое основывается на принципе обобщения. Синкретизм разрешим только в том случае, если возможны такие аналогические заключения, основывающиеся на результатах, которые дает анализ лингвистической схемы. Такие обобщающие аналогические заключения невозможны в случае с top, и, следовательно, мы должны признать синкретизм p/b неразрешимым.

Цепь с неразрешенно-разрешимым синкретизмом можно назвать **актуализированной**, а цепь с разрешенно-разрешимым синкретизмом — **идеальной**. Данное различие эквивалентно различию между точным и грубым способами изображения, и оба эти вида изображения возможны, таким образом, на основе анализа лингвистической схемы.

Когда мы разрешаем синкретизм и создаем идеальную систему изображения, воспроизведенный ею (написание

[1] Сходство становится еще более близким, если рассматривать предпосылки как сложные имена. См. J. Jørgensen, «The Journal of Unified Science», VIII, 1939, pp. 233 ff. и IX, 1940, pp. 185 ff.

или произношение) синкретизм, представленный одним из его членов, будет сам по себе импликацией, в которой синкретизм имплицирует данный член. Нам кажется, что это должно соответствовать анализу логического заключения, которое, согласно концепции современных логиков, является чисто лингвистической операцией, а поэтому и разъяснения следует ждать от лингвистических предпосылок. Ранее (стр. 290) мы надеялись определить логическое заключение как анализ предпосланного суждения. Мы можем добавить теперь более точное утверждение, в соответствии с которым предпосланное суждение может, по-видимому, рассматриваться как разрешимый синкретизм своих следствий; логическое заключение является тогда расчленением предпосланного суждения, расчленением, состоящим в разрешении данного синкретизма, выступающего как импликация.

В общем нам кажется, что понятие синкретизма, полученное из чисто лингвистических предпосылок, могло бы быть с успехом использовано для освещения различных якобы неязыковых явлений. Таким образом, вероятно, удастся разрешить общую проблему отношения между классом и сегментом. Поскольку парадигма рассматривается не просто как сумма членов (**класс как множество** в терминологии Рассела), но как что-то отличное от своих членов (**класс как целое**), постольку она представляется разрешимым синкретизмом своих членов; путем разрешения синкретизма **класс как целое** превращается в **класс как множество**. Следовательно, должно быть ясно, что, если мы хотим попытаться придать точное значение слову **понятие**, мы должны рассматривать понятие как разрешимый синкретизм между предметами (именно между предметами, входящими в понятие).

В синкретизм может вступать, кроме эксплицитных сущностей, также нулевая сущность, имеющая особое значение для лингвистического анализа. Нередко наблюдается потребность в признании существования **скрытых** (**латентных**) или **факультативных** языковых сущностей, в частности «фонем» [1]. Так, на основе некоторых результатов анализа можно утверждать существование латентного d/t во

[1] См. Бодуэн де Куртене, Fakultative Sprachlaute (Donum natalicium Schrijnen, 1929, pp. 38 ff). А. Мартине, анализируя французский язык, оперирует латентным h («Bulletin de la Société de linguistique de Paris, XXXIV, 1933, pp. 201 ff.)

французских словах grand, sourd, потому что при изменении условий в этих словах появляются d или t: grande, sourde; grand homme. С таким же успехом можно говорить о факультативности датского γ после i и u (yndig, kugle). Достаточно минутного размышления, чтобы понять, что латентность и факультативность нельзя определить как неосуществленную манифестацию; рассматриваемые функции коренятся в самой языковой схеме, поскольку условия, в которых проявляется латентность и факультативность, устанавливаются отношениями в цепи и покоятся на доминации. Латентность и факультативность следует рассматривать как совпадение с нулем. **Латентность** есть совпадение с нулем при обязательной доминации нуля (так как доминантом в отношении синкретизма является вариат); функтив, характеризующийся латентностью, называется **латентом. Факультативность** есть совпадение с нулем при необязательной доминации нуля (поскольку доминантом в отношении синкретизма является вариация); функтив, характеризующийся факультативностью, называется **факультативом.**

19. Катализ

Как мы уже видели (разд. 9—11), анализ заключается в установлении функций. При принятии такой точки зрения необходимо будет предвидеть возможность того, что установление некоторых функций в силу солидарности между функцией и функтивом может заставить нас интерполировать некоторые функтивы, недоступные непосредственному восприятию. Подобная интерполяция называется **катализом.**

Практически катализ — необходимое условие для проведения анализа. Например, анализ латинского языка приводит нас к выводу, что предлог sine селектирует отложительный падеж (управляет отложительным падежом) (см. стр. 50), т. е., согласно определению, присутствие отложительного падежа в тексте является необходимым условием для присутствия sine (но не наоборот). Ясно, что этот результат не может быть достигнут чисто механическим наблюдением над сущностями, выступающими в конкретных текстах. Мы можем легко представить себе конкретный текст, в котором sine выступает без сопровождающего его отложительного падежа, текст, в силу тех или иных причин прерванный или незавершенный (поврежденная над-

пись, фрагмент, незаконченное письменное или устное высказывание). Как правило, определение любых связей должно исключить такие не поддающиеся учету случаи речевой практики (accidents de la parole). Но явления в конкретных текстах, не поддающиеся механической констатации связей, не ограничиваются только таким видом непреднамеренных нарушений. Хорошо известно, что и апозиопесис и аббревиатура являются постоянным и существенным элементом в экономии языкового узуса (ср. высказывания: Как мило! Если бы только имел! Потому! и т. д.). Если бы при анализе исследователь ограничился установлением отношений на этой основе, он кончил бы, по всей вероятности, простой регистрацией механических комбинаций (в противовес задаче науки, стр. 104).

Требование исчерпывающего описания, однако, приводит к тому, что, устанавливая апозиопезисы и подобные им явления, мы признаем их как таковые, поскольку анализ в одинаковой мере должен выявлять и внешние реляции, которыми обладают действительно наблюдаемые сущности, и когезии, выходящие за пределы данной сущности. Если мы имеем дело с латинским текстом, обрывающимся на sine, мы все же можем отметить когезию (селекцию) с отложительным падежом, т. е. необходимое условие для sine может интерполироваться; соответственно следует поступать во всех других случаях. Эта интерполяция основания, стоящего за следствием, производится в согласии с принципом обобщения.

С другой стороны, в катализе мы должны стараться не вводить в текст сущностей, для включения которых нет твердых оснований. В случае с sine мы твердо знаем, что здесь требуется отложительный падеж. Мы знаем также, что латинский отложительный падеж имеет свои предпосылки: он требует сосуществования некоторых других морфем в цепи; и мы знаем относительно цепи морфем, выступающих с отложительным падежом, что она предполагает наличие основы. Поскольку, однако, отложительный падеж не солидарен с какой-либо конкретной морфемой в каждой категории, а солидарен только с определенной категорией морфем (стр. 107) и поскольку цепь морфем, включающая падеж, число и род (в некоторых случаях вместе с морфемой сравнения), имеет когезии не с конкретной именной основой, а с категорией всех именных основ, мы не можем вводить в операцию катализа какое-либо конкрет-

ное имя в отложительном падеже с данным sine. Таким образом, то, что вводится здесь катализом, в большинстве случаев является не индивидуальной сущностью, а неразрешимым синкретизмом между всеми сущностями, которые могут находиться на данном «месте» в цепи. В случае с sine мы знаем, к счастью, что необходимой предпосылкой существования sine может быть только отложительный падеж; но в отношении сущностей, которых требует сам отложительный падеж, мы знаем только, что они имеют то или иное число, тот или иной род, те или иные морфемы сравнения (конечно, в границах возможностей латинского инвентаря) и ту или иную основу. Фактически морфема отложительного падежа предполагает существование одной из этих сущностей, безразлично какой, а катализ должен лишь отметить этот факт.

Катализ мы определяем как выделение когезий путем замены одной сущности другой сущностью, которая находится в отношении субституции к первой. В нашем примере sine — замененная сущность, а sine + отложительный падеж (+ когезивный синкретизм) — заменяющая сущность. Заменяющая сущность всегда эквивалентна замененной (**катализированной**) сущности + интерполированная или добавляемая (**энкатализированная**) сущность. Как мы видели, относительно энкатализированной сущности правильно утверждение, что она часто, но не обязательно представляет синкретизм, далее, часто, но не обязательно является латентом (латентные сущности могут устанавливаться только катализом при применении принципа обобщения) и, наконец, она всегда обязательно, если она является сущностью содержания, имеет нуль выражения, а если — сущностью выражения,—нуль содержания; последнее есть следствие содержащегося в определении требования субституции между замененной и заменяющей сущностью.

20. Сущности анализа

По существу на основе соображений и определений, данных в предшествующих разделах настоящей работы и уточненных и дополненных необходимым количеством правил технического порядка, лингвистическая теория предписывает **анализ текста**, который ведет нас к выявлению языковой формы, скрытой за непосредственно доступной чувственному восприятию «субстанцией», и к установлению скрытой за текстом системы языка, состоящей из **категорий**,

из определений которых могут быть выведены возможные единицы языка. Ядром этой процедуры является катализ, благодаря которому форма энкатализируется в субстанцию, а язык энкатализируется в текст. Процедура чисто формальна в том смысле, что она рассматривает единицы языка как состоящие из числа фигур, для которых существуют определенные правила трансформации. Эти правила устанавливаются без учета субстанции, в которую манифестируются фигуры и единицы; лингвистическая иерархия, а следовательно, и лингвистическая дедукция независимы от физических, физиологических и вообще от неязыковых иерархий и дедукций, ведущих к описанию «субстанции». Поэтому не следует ждать от этой дедуктивной процедуры каких-либо выводов семантического или фонетического порядка; как для языкового выражения, так и для языкового содержания процедура — это лишь «лингвистическая алгебра», представляющая собой формальную основу для упорядочения дедукций неязыковой «субстанции». «Алгебраические» сущности, которыми оперирует процедура, не имеют естественного обозначения, но, конечно, должны называться так или иначе; это наименование произвольно и обладает пригодностью в согласии со всем характером лингвистической теории. Произвольность наименований обусловливает тот факт, что они вовсе не требуют манифестации; их пригодность есть выражение того, что они выбираются так, чтобы упорядочить информацию о манифестации наипростейшим образом. На основе произвольной реляции между формой и субстанцией одна и та же сущность лингвистической формы может манифестироваться в совершенно различных субстанциональных формах при переходе от одного языка к другим; проекция иерархии форм на иерархию субстанции может существенно различаться от языка к языку.

Процедура руководствуется основными принципами (стр. 37, 42, 84, 92), из которых специально для анализа текста мы можем затем дедуцировать принцип, названный нами **принципом исчерпывающего описания**:

Любое деление (или комплекс делений), при котором выявляются функтивы с данной функцией в качестве основы деления, должно быть организовано таким образом, чтобы оно

могло непротиворечиво привести к установлению наибольшего числа реализованных функтивных категорий в пределах наибольшего числа функциональных категорий.

Практически это означает, что при делении текста мы не должны пропускать ни одной ступени, ибо это может вызвать возвращение анализа к предшествующим этапам (стр. 317); анализ должен идти в направлении от инвариантов, имеющих наибольшую возможную протяженность, к инвариантам, имеющим наименьшую возможную протяженность, так что между этими двумя крайними точками следует пройти наибольшее возможное число производных ступеней.

Уже в этом пункте наш анализ существенно отличается от традиционного. Последний не касался ни тех частей текста, которые имеют очень большую протяженность, ни тех частей текста, которые имеют маленькую протяженность. Открыто или безоговорочно традиционный анализ устанавливал, что работа лингвиста начинается с разделения сложных предложений на простые предложения, в то время как изучение больших частей текста, групп предложений и т. п. нужно отнести к области других наук — главным образом к логике и психологии. Согласно этому взгляду, лингвист или грамматик, столкнувшись с неанализированным текстом, например с текстом, состоящим из всего написанного или сказанного по-датски, должен быть способен совершить прыжок сразу на ту ступень, где происходит разделение на простые предложения. Теоретически он должен, по-видимому, считать, что логико-психологический анализ больших частей текста уже совершен. Практически, однако, ему вовсе не придется заботиться о том, сделан ли в действительности такой анализ или нет, а если сделан, то в какой мере он может считаться удовлетворительным с точки зрения лингвиста.

Вопрос, поднятый нами здесь, не есть вопрос о разделении труда, но вопрос о размещении объектов в соответствии с их определениями. С этой точки зрения анализ текста является неизбежным долгом лингвиста, включая анализ частей текста, имеющих большую протяженность. Надо попытаться разделить текст на основе селекции и реципроции, и на каждой ступени анализа следует искать части

наибольшей протяженности. Нетрудно обнаружить, что языковой текст очень большой или неограниченной протяженности дает возможности для разделения на части большой протяженности, определяемые по взаимной селекции, солидарности, или комбинации. Самым первым из этих разделений является разделение на линию содержания и линию выражения, которые солидарны. Когда последние будут подвергнуты дальнейшему членению, будет возможно и необходимо, inter alia, разделить линию содержания на литературные жанры и затем провести разграничение между науками, предопределяющими (селектирующими) и предопределенными (селектированными). Систематика изучения литературы и науки находит таким образом свое естественное место в рамках лингвистической теории. При разделении наук лингвистическая теория сможет найти в самой себе и свое собственное определение. На последующей ступени процедуры более обширные части текста должны быть разделены на произведения отдельных авторов, отдельные работы, главы, параграфы и т. п., а затем уже на сложные предложения и простые предложения. На этом этапе деления, inter alia, силлогизмы будут разделены на посылки и заключения; по-видимому, это та стадия лингвистического анализа, с которой связаны многие проблемы формальной логики. Во всем этом мы видим значительное расширение перспектив, рамок и возможностей лингвистической теории, а также основу для осознанного и организованного сотрудничества между лингвистами в более узком смысле и специалистами целого ряда дисциплин, которые до сих пор, и по-видимому неправильно, не допускались в сферу лингвистической науки.

В заключительных операциях анализа лингвистическая теория приведет к разделению, нисходящему к сущностям меньшей протяженности, чем те, которые рассматривались до сих пор как неразложимые инварианты. Это верно не только для плана содержания, где, как мы видели, традиционная лингвистика довела анализ далеко не до конца, но также и для плана выражения. В обоих планах разделение, основанное на реляции, закончится инвентаризацией **таксем**, т. е. виртуальных элементов; для плана выражения таксемами grosso modo будут лингвистические формы, которые манифестируются в фонемах. Но в этой связи следует сделать ту оговорку, что анализ, выполненный в соответствии с принципом простоты, часто ведет к

иным результатам, чем обычный фонемический анализ. Известно, что эти таксемы обычно делятся далее на основе универсального деления, которое имеет место, когда они в соответствии со специальными правилами распределяются по системам из двух, трех и большего числа измерений [1]. Мы не можем здесь рассмотреть эти специальные правила, основанные на том факте, что лингвистические элементы одной и той же категории различаются не только по количеству, но и качественно [2]. В принципе мы должны довольствоваться лишь указанием на тот до сих пор не замеченный лингвистами факт, что когда инвентарь таксем «упорядочивается в систему», то логическим следствием этого является дальнейшее разделение отдельной таксемы. Представим себе, например, что отмечена категория с инвентарем, включающим 9 таксем, и что, исходя из специальных правил качественного деления, последние могут быть размещены в систему из 2 измерений с тремя членами в каждом измерении, так что 9 может быть представлено как произведение 3×3. Тогда члены измерений сами будут частями таксем, поскольку каждая из 9 таксем теперь оказывается представленной как единица, включающая один член одного измерения и один член другого. 9 таксем, следовательно, могут быть описаны как производные 3+3=6 инвариантов, а именно членов измерений. Таким образом, мы приходим к более простому описанию и в большей степени удовлетворяем требованию уточненного принципа сокращения (стр. 84). Два измерения будут как категории солидарны, и каждый член одного измерения вступит в комбинацию с каждым членом другого измерения. Члены измерения будут представлены таким образом как части таксем и как неразложимые инварианты. Может ли быть так «упорядочен в систему» инвентарь таксем или нет, зависит в основном от размера инвентаря. Если такое

---

[1] См., например, системы, установленные автором в книге «La catégorie des cas», I—II, «Acta Jutlandica», VII, 1 и IX, 2, 1935—1937. Соответствующие системы могут быть установлены и для плана выражения.

[2] См. «La catégorie des cas», I, pp. 112; ср. Jens Holt, Etudes d'aspect, «Acta Jutlandica», XV, 2, 1943, pp. 26. Исчерпывающее изложение этой стороны лингвистической теории (представленное Лингвистическому кружку 27 апреля 1933 г.) будет опубликовано под названием «Structure générale des systèmes grammaticaux» в «Travaux du Cercle linguistique de Copenhague».

упорядочение может быть выполнено, члены измерений, а не таксемы будут конечными точками анализа; эти конечные точки мы называем **глоссемами**. И если считать, что одна таксема выражения манифестируется одной фонемой, то глоссема выражения будет манифестироваться частью фонемы.

После того как доведена до конца синтагматическая дедукция текста, следует приступить к парадигматической дедукции. Здесь язык членится на **категории**, распределяемые как категории текстуального анализа таксем высшей степени; из этих категорий путем синтеза могут быть дедуцированы все возможные **единицы** языка. Оказывается, что обе стороны (оба плана) языка имеют совершенно аналогичную категориальную структуру — открытие, которое, как нам кажется, имеет далеко идущее значение для понимания структурального принципа языка или вообще «сущности» семиотики. Представляется, что подобное последовательно выполненное описание языка на основе эмпирического принципа не допускает существования таких дисциплин, как синтаксис или наука о частях речи. Как мы видели, сущности синтаксиса чаще всего являются вариатами, а «части речи» старой грамматики — сущностями, которые на основе нового определения следует найти вновь в совершенно различных местах в пределах иерархии единиц.

Наука о категориях, однако, предполагает такой обширный и взаимосвязанный аппарат терминов и определений, что ее части не могут быть описаны без обращения к целому;поэтому в пролегоменах к теории она может быть изложена только как учение об определяющих ее единицах.

21. Язык и неязык

В отношении выбора и ограничения объектов в предшествующих разделах (см. стр. 45) мы следовали за общераспространенной лингвистической концепцией, рассматривая **«естественный» язык** как единственный объект лингвистической теории. Но в то же время (стр. 45) мы указали на перспективу расширения нашей точки зрения и теперь в последующих разделах (21—23) переходим к выполнению обещанного. При этом мы подчеркиваем, что расширение горизонтов не принимает форму произвольного и необязательного придатка, но что, напротив, именно тогда, когда мы ограничиваем

себя рассмотрением только «естественного» языка, эти новые горизонты вытекают из изучения «естественного» языка и утверждают себя с неизбежной логической последовательностью. Если лингвист хочет уяснить себе объект своей науки, он должен обратиться к областям, считавшимся по традиции чуждыми лингвистике. Этот факт, кстати, уже оставил значительный след на нашем изложении, поскольку, начиная со специальных предпосылок, сам характер постановки проблем вынуждал нас обратиться к более общим эпистемологическим принципам.

И, действительно, совершенно ясно, что не только общие соображения, высказанные нами, но и введенные нами более специальные термины применимы как к «естественному» языку, так и к языку в более широком смысле. Именно потому, что теория построена таким образом, что лингвистическая форма рассматривается без учета «субстанции» (материала), наш аппарат легко можно применить к любой структуре, форма которой аналогична форме «естественного» языка. Наши примеры взяты из «естественного» языка, и мы сами исходили из него. Однако то, что мы установили и проиллюстрировали примерами, по-видимому, не является специфичным для «естественного» языка, а принадлежит более широкому кругу явлений. Подобная универсальная применимость к знаковым системам (или к системам фигур, служащим для образования знака) как целому обнаруживается при изучении функций и их анализа (разд. 9—11, 17), при изучении знаков (разд. 12), выражения и содержания, формы, субстанции и материала (разд. 13, 15), коммутации и субституции, вариантов, инвариантов и классификации вариантов (разд. 14, 16), класса и сегмента (разделы 10, 18), а также катализа (разд. 19). Иными словами, «естественный» язык может быть описан на основе теории, обладающей минимальной спецификой и предполагающей дальнейшие следствия.

Нам уже приходилось указывать на это при случае. Мы сочли возможным сделать утверждение об универсальном характере понятий «процесс» и «система» и их взаимосвязи (стр. 35), и наш взгляд на «естественный» язык заставил нас включить в теорию языка важные аспекты литературоведения, общей философии науки и формальной логики (стр. 119); мы не смогли обойти и некоторых почти неизбежных замечаний о природе логического суждения (стр. 56, 112).

В то же время мы были вынуждены обозреть большое число специальных наук, не связанных непосредственно с лингвистикой, но выступающих в качестве материала содержания для лингвистики; нам пришлось также провести границу между языком и неязыком (стр. 100), временный характер которой мы, впрочем, подчеркивали.

Построенная нами лингвистическая теория сохраняется или рушится вместе с принципом, на котором она построена и который мы назвали эмпирическим принципом (стр. 37). Это заставляет нас признать (с необходимыми ограничениями, касающимися самой терминологии; ср. стр. 73, 100) соссюровское разделение на форму и «субстанцию» в качестве логической необходимости, из чего следует, что сама по себе «с у б с т а н ц и я» н е м о ж е т б ы т ь о п р е д е л е н а в п р е д е л а х я з ы к а. Мы должны были представить себе совершенно различные субстанции (с точки зрения иерархии субстанции), подчиненные одной и той же языковой форме; это логически вытекает из произвольного отношения между языковой формой и материалом.

Долгое господство традиционной фонетики ограничивало понятия лингвистов даже в области «естественного» языка, причем изучение языка было явно неэмпирическим, т. е. непригодным вследствие своего неисчерпывающего характера. Считалось, что субстанция выражения в разговорном языке должна состоять исключительно из «звуков». Таким образом, как указывалось, в частности Цвирнерами, был упущен тот факт, что речь сопровождается мимикой и жестами и некоторые речевые элементы могут быть заменены последними и что в действительности, как говорят Цвирнеры, в механизме «естественного» языка участвуют не только так называемые органы речи (гортань, рот и нос), но и все связки мускулов [1].

Далее, можно заменить обычную субстанцию звука, мимики и жеста какой-либо другой, оказавшейся пригодной в измененных внешних условиях. Таким образом, та же самая языковая форма может манифестироваться (проявляться) также и в письме, как это имеет место в фонетической и фонемической записях и в так называемых фонетических системах письма, как, например, в финском

---

[1] Eberhard Z w i r n e r и Kurt Z w i r n e r, «Archives néerlandaises de phonétique expérimentale», XIII, 1937, p. 112.

языке. Здесь мы имеем дело с графической «субстанцией», предназначенной исключительно для глаза, которую вовсе не нужно переводить в фонетическую «субстанцию», чтобы понять смысл. И эта графическая «субстанция» может быть с точки зрения субстанции как таковой совершенно различных видов. Могут быть также и иные «субстанции»; стоит лишь вспомнить о морских кодах флажками, которые прекрасно могут использоваться для манифестации «естественного» языка, например английского, или о языке жестов у глухонемых.

Против изложенной точки зрения часто выдвигались два довода. Первый из них подчеркивает, что все эти субстанции являются «производными» по отношению к субстанции звуков, мимики и жестов и «искусственными» в противоположность «естественности» последних; говорят, что возможно даже несколько ступеней этой «производности», когда, например, код флажками или язык жестов у глухонемых исходит от письменности, которая в свою очередь исходит от «естественного» звукового языка. Другой довод заключается в том, что различие в субстанции сопровождается во многих случаях изменением языковой формы; так, не все системы письма «фонетичны», но при анализе они приведут нас к установлению инвентаря таксем, а, возможно, частично и категорий, отличных от инвентаря разговорного языка.

Первый из доводов не имеет силы, поскольку тот факт, что одна манифестация является «производной» по отношению к другой, не меняет того, что она все же является манифестацией данной языковой формы. Более того, не всегда ясно, что является «производным», а что нет; мы не должны забывать, что открытие алфавитного письма теряется в доистории [1], так что утверждение, будто алфавит основывается на фонетическом анализе — одна из возможных исторических гипотез; он может основываться также и на формальном анализе языковой структуры [2]. Но во всяком случае, как признано современной лингвисти-

---

[1] Бертран Рассел совершенно правильно замечает, что мы не располагаем фактами для решения вопроса о том, речь или письмо является более древней формой человеческого выражения («An outline of philosophy». London, 1927, p. 47).

[2] По этому вопросу см. работу автора в «Archiv für vergleichende Phonetik», II, 1938, pp. 211 f.

кой, диахронические соображения не имеют ничего общего с синхроническим описанием.

Другой довод несостоятелен потому, что он не опровергает общего факта манифестации языковой формы в данной субстанции. Однако наблюдение, лежащее в основе этого довода, интересно, так как оно показывает, что различные системы выражения могут соответствовать одной и той же системе содержания. Следовательно, задача лингвиста-теоретика состоит не только в описании действительно существующей системы выражения, но и в исчислении того, какие системы выражения вообще возможны для данной системы содержания и наоборот. Однако то, что любая система языкового выражения может манифестироваться в чрезвычайно различных субстанциях выражения[1], является наглядным фактом.

Таким образом, различные фонетические и различные письменные узусы можно подвести под систему выражения одной и той же языковой схемы. Язык может испытать изменение фонетической природы, не затрагивающее системы выражения языковой схемы, и точно так же он может испытать изменение чисто семантической природы, не затрагивающее системы содержания. Только таким образом можно провести различие между **фонетическими изменениями и семантическими изменениями**, с одной стороны, и **формальными изменениями** — с другой.

С нашей точки зрения во всем этом нет ничего удивительного. Сущности языковой формы имеют «алгебраическую» природу и не имеют естественного обозначения; поэтому они могут быть обозначены произвольно самыми различными способами.

Эти различные возможные обозначения по субстанции не затрагивают теорию языковой схемы. Ее положение не зависит от них. Главная задача теоретика — выявить

---

[1] Об отношении между письменностью и речью см. A. Penttilä и U. Saarnio в «Erkenntnis», IV, 1934, pp. 28 ff. и H. J. Uldall в «Congrès international des sciences anthropologiques et ethnologiques», Compte rendu de la deuxième session, København, 1939, p. 374. Из более старых исследований письма со структуральной точки зрения см. особенно И. Бодуэн де Куртене, Об отношении русского письма к русскому языку, СПб., 1912, и Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, особенно стр. 196. Ср. также статью с несколько неясным решением проблемы: Joseph Vachek, Zum Problem der geschriebenen Sprache, TCLP, VIII, 1939, p. 94 ff. Анализ письма безотносительно к звуку еще не производился.

путем определений структуральный принцип языка, из которого может быть дедуцировано общее исчисление в форме типологии, категориями которой являются индивидуальные языки, или вернее, индивидуальные языковые типы. Здесь нужно предвидеть все возможности, включая и те, которые являются виртуальными в мире опыта или остаются вне «естественной» или «действительной» манифестации.

В этом общем исчислении не стоит вопрос о том, манифестируются ли индивидуальные структурные типы, но лишь о том, способны ли они манифестироваться и, nota bene, способны ли они манифестироваться в любой субстанции. Субстанция, таким образом, не является необходимой предпосылкой для существования языковой формы, но языковая форма является необходимой предпосылкой для существования субстанции. **Манифестация**, иными словами, есть **селекция**, постоянной в которой является языковая форма, а переменной — субстанция; мы формально определяем манифестацию как селекцию между иерархиями и между дериватами различных иерархий. Постоянная в манифестации (**манифестированное**) может, в согласии с Соссюром, быть названа **формой**, и если форма является языком, мы называем ее **языковой схемой** [1]. Переменная в манифестации (**манифестирующее**) может быть (также в согласии с Соссюром) названа **субстанцией**; субстанцию, манифестирующую языковую схему, мы назовем **языковым узусом**.

Исходя из этих предпосылок мы приходим к формальному определению **семиотики** как иерархии, любой из сегментов которой допускает дальнейшее деление на классы, определяемые на основе взаимной реляции, так что любой из этих классов допускает деление на дериваты, определяемые на основе взаимной мутации.

Это определение, представляющее не что иное, как формальное следствие всего сказанного выше, обязывает лингвиста считать предметом своего исследования не только «естественный» каждодневный язык, но и любую семи-

---

[1] Термин **схема** употребляется здесь вместо термина **модель** (pattern), предложенного в моей статье «Langue et parole» (Cahiers F. de Saussure, II, 1942, p. 43).

отику — любую структуру, аналогичную языку и удовлетворяющую данному определению. Язык (в обычном смысле) может рассматриваться как специальный случай этого более общего объекта, и его специфические характеристики, касающиеся только языкового узуса, не влияют на данное определение.

Здесь мы снова хотим указать, что речь идет не столько о практическом разделении труда, сколько о выявлении объекта путем определения. Лингвист может и должен в своей исследовательской работе сосредоточивать свое внимание на «естественных» языках, а другим, имеющим лучшую подготовку, главным образом логикам, предоставить исследование других семиотических структур. Но лингвист не может безнаказанно изучать язык, не имея более широкого кругозора с ориентацией на аналогичные структуры. Он даже может извлечь из этого практическую выгоду, потому что некоторые из таких структур проще по своей конструкции, чем языки, и поэтому удобны в качестве моделей в предварительной работе. Кроме того, на основе чисто лингвистических предпосылок стало ясно, что между логиками и лингвистами должно быть особенно тесное сотрудничество.

Со времен Соссюра лингвистам было известно, что язык не может изучаться изолированно. Соссюр требовал в качестве основы для лингвистики в узком смысле создания дисциплины, названной им семиологией (от σημεῖον «знак»). Поэтому незадолго до второй мировой войны отдельными лингвистами и лингвистическими кружками, заинтересованными в изучении основ этой науки (в частности, в Чехословакии), были сделаны серьезные попытки начать изучение других знаковых (но не языковых) систем, а именно народных обычаев, искусства и литературы, на более широкой семиологической основе [1].

---

[1] Ср., inter alia, P. Bogatyrev, Příspěvek k strukturální etnografii, «Slovenská Miscellanea», Bratislava, 1931; его же, Funkčno-štrukturálna metoda a iné metody etnografie i folkloristiky, «Slovenské pohl'ady», LI, 10, 1935; его же, Funkcie kroja na moravskom Slovensku, «Spisy národopisného odboru Matice slovenskej», I, Matica slovenská, 1937 (французское резюме, стр. 68); Jan Mukařovský, Estetická funkce, norma a hodnota jako sociálni fakty (Fonction, norme et valeur esthétiques comme faits sociaux), Praha, 1936; его же, L'art comme fait sémiologique (оттиск без выходных данных). Более полная работа по общей семиологии была сделана E. Buyssens, Les langages et le discours (Collection Lebègue), Bruxelles, 1943.

Верно, что в «Курсе» Соссюра эта общая дисциплина представляется построенной в основном на социологической и психологической основе. В то же время Соссюр намечает нечто, что может быть понято лишь как наука о чистой форме, где концепция языка принимает вид абстрактной трансформационной структуры, которую он объясняет через сравнение с аналогичными структурами. Так, он отмечает, что, может быть, самая существенная черта семиологической структуры повторяется в структурах, называемых **играми**, например в шахматах, которым он уделяет большое внимание. Именно эти соображения нужно выдвинуть на первый план, если мы хотим создать лингвистику в широком смысле, «семиологию» на **имманентной** основе. И именно эти соображения делают возможным и необходимым тесное сотрудничество лингвистов и логиков. Как раз знаковые системы и системы игр были взяты современными логиками в качестве центрального объекта и рассматривались ими как абстрактные трансформационные системы; тем самым они подошли к изучению языка именно с этих позиций [1]. Таким образом, в указанном смысле представляется плодотворным и необходимым установить общую точку зрения для большого числа дисциплин, от изучения литературы, искусства, музыки, истории вплоть до логики и математики с тем, чтобы с этой общей точки зрения данные науки концентрировались бы вокруг ряда лингвистически определенных проблем. Каждая наука смогла бы внести свой вклад в семиотику, исследуя, до какой степени и каким образом их объекты подчиняются анализу, согласованному с требованиями лингвистической теории. Таким образом, эти дисциплины предстанут, по-видимому, в новом свете, и исследователи, возможно, придут к их критическсму пересмотру. Таким путем на основе взаимного сотрудничества окажется возможным создать общую энциклопедию знаковых структур.

В этой чрезвычайно обширной сфере проблем нас в настоящий момент особенно интересуют два вопроса: *первый*: какое место в этом множестве семиотических структур будет уделено языку? *Второй*: где лежат границы между семиотикой и несемиотикой?

---

[1] Основной работой является книга Р. Карнапа «Logische Syntax der Sprache», Wien, 1934; расширенное издание — «The logical syntax of language», 1937.

Язык может быть определен как парадигматика, чьи парадигмы манифестируются любым материалом, а **текст** — соответственно, как синтагматика, цепи которой, если они распространены бесконечно, манифестируются любым материалом. Под **материалом** мы понимаем класс переменных, которые манифестируют более чем одну цепь при более чем одной синтагматике и более чем одну парадигму при более чем одной парадигматике.

Практически язык является семиотикой, в которую могут быть переведены все другие семиотики — как все другие языки, так и все другие мыслимые семиотические структуры. Эта переводимость основывается на том факте, что языки и только они одни способны давать форму любому материалу [1]; в языке и только в нем мы можем «претворить невыразимое в выразимое» [2]. Именно это свойство делает язык таким, каков он есть, т. е. способным удовлетворить требованиям общения в любой ситуации. Мы не можем здесь исследовать основу этого замечательного свойства; нет сомнения, что оно покоится на структуральной особенности, на которую мы могли бы пролить более яркий свет, если бы знали больше о специфической структуре неязыковых семиотик. Можно сделать заключение, что данное свойство языка обусловлено неограниченной возможностью образования знаков и очень свободными правилами образования единиц большой протяженности (предложения и т. д.). Это свойственно любому языку и, с другой стороны, позволяет языку порождать ложные, противоречивые, неточные, грубые и неэстетические формулировки наряду с формулировками истинными, непротиворечивыми, точными, красивыми и эстетичными. Грамматические правила языка независимы от какой-либо шкалы значимостей (scale of values) — логических, эстетических или этических; и вообще язык не зависит ни от какой специфической целеустановки.

Если мы хотим исследовать границу между семиотикой и несемиотикой, ясно a priori, что игры лежат поблизости от этой границы или, может быть, на самой границе. Исследуя структуру игр, сопоставляя ее с семиотическими струк-

---

[1] Мы сделали это наблюдение независимо от польского логика Альфреда Тарского («Studia philosophica», I, Lwów, 1935); см. J ø r g e n s e n, Træk af deduktionsteoriens udvikling i den nyere tid (Festsskrift udg. af Københavns Universitet, nov. 1937), p. 15.

[2] Kierkegaard.

турами, не являющимися играми, интересно сравнить способы рассмотрения структур игр, существовавшие до сих пор, как со стороны лингвистики, так и со стороны логики, независимо друг от друга. С точки зрения логики большое внимание уделялось тому факту, что игра, например шахматы, есть трансформационная система по существу той же самой структуры, что и семиотика (например, математическая семиотика), и существовала тенденция рассматривать игру как случай простой модели, как нормативный образец семиотики. С лингвистической точки зрения аналогию видели здесь в том факте, что игра является системой значимостей, аналогичных экономическим стоимостям. Язык же и другие системы значимостей рассматривались как нормативные для понятия игры. Оба пути рассуждения имеют исторические основания. Логическая теория знаков берет начало в математике Гильберта, рассматривавшего систему математических символов как систему фигур выражения без всякого учета их содержания; причем правила трансформации этих фигур данная теория, не учитывая возможных интерпретаций, описывала таким же образом, как описываются правила игр. Этот метод был усовершенствован польскими логиками в их «металогике» и доведен до конца Р. Карнапом в его теории знака, где в принципе любая семиотика рассматривается как система выражения без учета содержания. С этой точки зрения в любой семиотике, т. е. в любом описании семиотики, можно заменить inhaltliche Redeweise через formale Redeweise [1]. Знаковая теория лингвистики, с другой стороны, имеет глубокие корни в традиции, согласно которой знак определяется своим значением. Именно в рамках этой традиции решал данную проблему Соссюр. Он уточняет ее и находит для нее обоснование, вводя понятие стоимости. Результатом этого явилось признание формы содержания и двусторонней природы знака, что ведет к теории знака, построенной на взаимодействии формы содержания и формы выражения в принципе коммутации.

Со стороны логики, где продолжаются дебаты о природе знака, проблема сводится в основном к вопросу о но-

---

[1] Вводный исторический обзор см. J. J ø r g e n s e n (op. cit) и L. B l o o m f i e l d, Language or ideas?, «Language», XII, 1936, pp. 89 ff.; и Otto N e u r a t h and Eino K a i l a в журнале «Theoria», II, 1936, pp. 72 ff, 83 ff. См. также G. H. von W r i g h t, Den logiska empirismen, Stockholm, 1943.

минализме или реализме[1]. Для лингвистической теории языка, введение в которую представляет настоящий очерк, вопрос заключается не в этом; он заключается скорее в том, должен ли быть **материал содержания** вовлечен в саму знаковую теорию. Поскольку материал содержания оказывается излишним для определения и описания семиотической схемы, нужны и достаточны формальное изложение и номиналистический подход; с другой стороны, формальное и номиналистическое описание в лингвистической теории не ограничены формой выражения, но находят свой объект во взаимодействии формы выражения и **формы содержания**. Соссюровское различие между формой и субстанцией чрезвычайно существенно для современного состояния проблемы в логистике.

На этой основе логистика сможет также увидеть как различие, так и сходство между играми и семиотиками, не являющимися играми. Решающим для вопроса о том, имеем ли мы дело со знаком или нет, является вовсе не факт его интерпретации, т. е. подчинение ему материала содержания. Ввиду селекции между семиотической схемой и семиотическим узусом в исчислении лингвистической теории существуют системы, не интерпретированные, но лишь доступные интерпретации. С этой точки зрения тогда не существует разницы между, например, шахматами и чистой алгеброй, с одной стороны, и языком — с другой. Но если мы хотим решить, до какой степени игра или другая квазизнаковая система вроде чистой алгебры являются или не являются семиотиками, мы должны выяснить, необходимо ли для их исчерпывающего описания иметь дело с двумя планами, или принцип простоты может быть применен таким образом, что будет достаточно операции с одним планом.

Предпосылкой необходимости оперировать двумя планами должен быть тот факт, что два плана, будучи экспериментально установлены, не могут иметь абсолютно тождественной структуры, т. е. взаимно однозначного соответствия между функтивами одного плана и функтивами другого плана. Мы выразим это, сказав, что в данном случае два плана не должны быть **конформальны**. Два функтива называются конформальными, если любой конкретный де-

[1] Так, например, у U. Saarnio в работе, приведенной на стр. 39, прим.

риват одного функтива без исключения вступает в те же самые функции, что и любой конкретный дериват другого функтива, и наоборот. Мы можем, следовательно, сформулировать правило: два опытным путем установленных сегмента одного и того же класса будут сведены к одному сегменту, если они конформальны и не коммутабельны. Испытание, устанавливающее это правило, называемое нами **деривационным испытанием**, предписывается лингвистической теорией для каждого конкретного этапа анализа текста соотносительно с коммутационным испытанием; оба испытания вместе необходимы для того, чтобы решить вопрос, является ли данный объект семиотикой или нет. Не будем затрагивать здесь применения деривационного испытания к семиотическим дериватам высших степеней (в процессе), но рассмотрим лишь дериваты первой степени — планы семиотики. Они (т. е. планы семиотики) не коммутабельны, и основным фактором в решении вопроса о том, рассматривать ли их как различные или идентичные сущности (в последнем случае приложение лингвистической теории к данному объекту исключается), является лишь их конформальность или неконформальность. Индуктивный опыт показывает, что для всех до сих пор исследованных языков деривационное испытание дает отрицательный ответ. Без сомнения, отрицательный ответ будет получен и для некоторых других структур, считавшихся до сих пор семиотиками, или для тех, которые должны считаться семиотиками на основе деривационного испытания. Но вместе с тем деривационное испытание дает положительный ответ для многих таких структур, которые современная теория любит называть семиотиками. Это видно на примере чистых игр; в их интерпретации имеется одна сущность содержания, соответствующая одной сущности выражения (шахматной фигуре и т. п.), так что если экспериментально построить оба плана, функциональная сеть будет одинакова в обоих из них. Такая структура не является семиотикой в том смысле, какой вкладывает в этот термин лингвистическая теория. Мы должны предоставить специалистам различных областей решать, могут ли быть определены с этой точки зрения как семиотики, например, так называемые символические системы математики и логики или некоторых видов искусства, например музыки. По-видимому, не исключена возможность, что логическая концепция семиотики как одноплановой есть

результат того, что исходным пунктом были взяты структуры, которые, согласно нашему определению, не являются семиотиками (отсюда их преждевременное обобщение) и которые поэтому фундаментально отличаются от истинно семиотических структур. Термин **символические системы** предполагается использовать для таких структур, которые могут быть интерпретированы (т. е. которым может быть подчинен материал содержания), но которые не являются двуплановыми (т. е. при наличии которых принцип простоты не позволяет нам энкатализировать форму в содержание). Лингвисты высказывали некоторые опасения относительно применения термина **символ** к сущностям, стоящим в чисто произвольном отношении к их интерпетации [1]. С этой точки зрения **символ** должен использоваться только для сущностей, изоморфных со своей интерпретацией, т. е. сущностей, являющихся изображениями или эмблемами: например, фигура Христа скульптора Торвальдсена — символ сострадания; молот и серп как символ коммунизма; весы как символ правосудия; сюда же относятся и ономатопоэтические слова в сфере языка. Но в логистике есть обыкновение использовать **символ** в более широком смысле, и кажется удобным применять это слово к интерпретируемым несемиотическим сущностям. Видимо, существует близость между интерпретируемыми единицами игры и изоморфичными символами; и те и другие не допускают дальнейшего анализа на фигуры, что характерно для знаков. Дискуссия о природе знака, проходившая недавно у лингвистов, справедливо привлекла внимание к грамматическому характеру изоморфичных символов [2]. Это та же мысль, что излагалась нами выше, но в традиционной формулировке.

22. Коннотативная семиотика и метасемиотика

В предшествующих разделах, сознательно прибегая к упрощению, мы рассматривали «естественный» язык в качестве единственного объекта лингвистической теории. В последнем разделе, несмотря на значительное расширение кругозора, мы все еще действовали так, как если бы единственным объектом теории была **денотативная семиотика.** Под денотативной семиотикой мы понимаем такую семио-

---

[1] Так, Соссюр (см. «Курс общей лингвистики», М., УРСС, 2003, стр. 127 и сл.) определяет символ как непроизвольный (мотивированный).

[2] E. B u y s s e n s, «Acta linguistica», II, 1940—1941, p. 85.

тику, ни один из планов которой не является семиотикой. Предельно расширяя кругозор, мы можем указать, что существуют также семиотики, план выражения которых является семиотикой, и существуют семиотики, план содержания которых является семиотикой. Первую мы будем называть **коннотативной семиотикой**, вторую — **метасемиотикой**. Поскольку план выражения и план содержания определены только в противопоставлении друг к другу, определения, данные нами здесь коннотативной семиотике и метасемиотике, являются предварительными, «реальными» определениями, которые мы не можем считать даже операциональными.

Когда в разделе 21 мы дали определение **семиотике**, это определение относилось не к индивидуальной семиотике, противопоставленной другим семиотикам, но к семиотикам, противопоставленным несемиотикам, т. е. оно относилось к **семиотике** как высшему типу иерархии, к языку (la langue) как понятию или к **классу как целому**. Относительно индивидуальной семиотики противопоставленной другим семиотикам, мы можем сказать, что лингвист-теоретик предвидит ее в своем исчислении как возможный тип структуры. С другой стороны, мы еще не касались вопроса о том, как удается лингвисту-теоретику узнать и выделить отдельную семиотику как таковую при анализе текста. Подготавливая анализ, мы исходим из молчаливого предположения, что данный текст представляет собой единую семиотику, а не смешение двух или нескольких семиотик.

Другими словами, чтобы построить простую модель ситуации, мы допускали, что данный текст обладает структурной однородностью, т. е. что мы можем энкатализировать в текст только одну семиотическую систему. Однако эта предпосылка оказывается недейственной на практике. Наоборот, любой текст, достаточно большой, чтобы из него можно было вывести систему, приложимую к другим текстам, обычно содержит производные элементы, принадлежащие разным системам. Различные части текста и части его частей могут состоять, таким образом, из:

1. Различных **стилистических форм** (характеризуемых разного рода ограничениями: стихи, проза, различные виды их смешения).

2. Различных **стилей** (творческий стиль и чисто подражательный, так называемый нормальный стиль; творческий

и в то же самое время подражательный стиль, называемый архаическим).

3. Различных **оценочных стилей** (value-styles) (высокий оценочный стиль и низкий, так называемый вульгарный; существует также нейтральный оценочный стиль — не высокий и не низкий).

4. Различных **средств** (media) (речь, письмо, жесты, сигнальные коды флажками и т. д.).

5. Различных эмоциональных **тонов** (сердитый, радостный и т. д.).

6. Различных **идиом**, среди которых следует различать:

а) разные **говоры** (vernaculars) (язык того или иного коллектива, жаргоны различных групп и профессий);

б) различные **национальные языки**;

в) различные **региональные языки** (общенародный язык, локальный диалект и т. д.);

г) различные **индивидуальные особенности** (присущие выражению акустические и артикуляционные различия).

Стилистическая форма, стиль, оценочный стиль, средство, тон, говор, национальный язык, региональный язык и индивидуальные особенности произношения являются солидарными категориями, так что любой функтив денотативного языка может быть определен в отношении всех их в одно и то же время. Посредством комбинации члена одной категории с членом другой возникают гибриды, которые часто имеют специальное обозначение или легко могут получить последнее: беллетристический стиль есть одновременно творческий стиль и высокий оценочный стиль [1]. Слэнг — творческий стиль, являющийся одновременно высоким и низким оценочным стилем; **жаргон** и **код** — творческие стили, не являющиеся ни высокими, ни низкими оценочными стилями; **разговорный язык** — нормальный стиль, не являющийся ни высоким ни низким оценочным стилем; **лекторский стиль** — высокий оценочный стиль, пред-

---

[1] **Жаргон** в более общем смысле может быть определен как нейтральный оценочный стиль со специфичными знаками (обычно знаковыми выражениями); **код** — как нейтральный оценочный стиль со специфичными манифестациями выражения. Используя обозначение **жанровый стиль** для языка, свойственного определенным литературным жанрам (типичными примерами служат некоторые древнегреческие диалекты), мы можем определить **терминологию** как жаргон и жанровый стиль одновременно, а **научный знаковый язык** (если это не символическая система) — как код и жанровый стиль одновременно.

ставляющий собой речь и общий язык; **церковный стиль** — высокий оценочный стиль, являющийся речью и жаргоном; **канцелярский стиль** — высокий оценочный стиль, являющийся архаическим стилем, видом письма и жаргоном, и т. д.

Целью данных перечислений не является исчерпывающее описание этих явлений или их формальное определение; наша цель — указать на самый факт их существования и на их многообразие.

Индивидуальные члены каждого из этих классов и единицы, возникающие при комбинации индивидуальных членов, мы назовем **коннотаторами**. Некоторые из этих коннотаторов могут быть солидарны с некоторыми системами семиотических схем, другие—с некоторыми системами семиотического узуса, а третьи — с теми и другими. Это нельзя знать a priori, поскольку ситуация меняется. Если назвать только крайние случаи, то надо отметить, что невозможно знать заранее, представляют ли собой индивидуальные особенности произношения (произношение одного индивидуума, противопоставленное произношению другого) только специфический узус, а не специфическую схему (может быть, слегка отличную от другой,но все же отличную), или представляет ли собой национальный язык специфическую лингвистическую схему, либо—в сравнении с другим национальным языком — только специфический узус, в то время как схемы обоих национальных языков являются идентичными.

Чтобы обеспечить непротиворечивое и исчерпывающее описание, лингвистическая теория должна выработать такую процедуру анализа текста, которая позволила бы различать эти случаи. Очень странно, что в прежних лингвистических теориях этому требованию уделялось лишь незначительное внимание. Объяснение нужно искать отчасти в том, что вопрос рассматривался с трансцендентной точки зрения. Например, с расплывчатой социологической точки зрения (по всей видимости, ложной) считалось возможным утверждать, что из существования социальной нормы следует, что национальный язык также единообразен и специфичен по своей внутренней структуре; что, с другой стороны, индивидуальными особенностями произношения в языке (linguistic physiognomy) можно пренебречь;что речь любого индивида без всяких рассуждений можно принять за образец националь-

ного языка. Только представители лондонской школы проявляли обоснованную осторожность в данном вопросе; определение фонемы, данное Даниэлем Джоунзом, относится к «произношению индивидуума, говорящего в определенном стиле» [1].

При неограниченности (продуктивности) текста всегда будет существовать «переводимость» (translatability), означающая здесь субституцию выражения между двумя знаками, каждый из которых принадлежит своему знаковому классу, а эти последние солидарны со своим соответствующим коннотатором. Этот критерий особенно очевиден и легко применим к знакам большой протяженности, с которыми анализ текста имеет дело в своих первичных операциях: любой дериват текста (например, глава) может быть переведен из одного оценочного стиля, средства, тона, говора, национального или регионального языка, индивидуального произношения в другие. Как мы видели, эта переводимость не всегда взаимна, если речь идет об иной (чем язык) семиотике, но если в круг семиотик включить язык, то односторонняя переводимость всегда возможна. Следовательно, в анализе текста **коннотаторы** будут выглядеть как части, входящие в функтивы таким образом, что функтивы будут иметь взаимную субституцию при условии вычета этих частей; в некоторых условиях коннотаторы присутствуют во всех функтивах данной степени. Но этого еще недостаточно, чтобы определить коннотатор. Мы назовем сущность, имеющую указанное выше свойство, **индикатором**; мы должны различать два рода индикаторов: **сигналы** (см. стр. 330) и **коннотаторы**. Разница между ними с практической точки зрения заключается в том, что сигнал может быть недвусмысленно отнесен всегда к одному определенному плану семиотики, что не имеет места в случае с коннотатором. Таким образом, **коннотатор** является индикатором, существующим в определенных условиях в обоих планах семиотики.

При анализе текста коннотаторы должны выделяться в итоге вычитания. Таким образом, знаки, различающиеся только солидарностью с своим собственным коннотатором, выступают как вариаты. Эти вариаты в противоположность

---

[1] См. стр. 87, прим. 2, а также, в частности, D. J o n e s, TCLP, IV, 1931, p. 74.

обычным вариантам (стр. 338) являются индивидуальными и при дальнейшем анализе их следует рассматривать отдельно. Этим мы ограждаем себя от смешения различных семиотических схем (и узусов). Если позднее здесь создастся идентичность, ее легко можно будет обнаружить.

Но совершенно ясно, что сами коннотаторы представляют собой объект, изучение которого относится к области семиотики. Исследование коннотаторов не входит в задачи дисциплины, анализирующей денотативные семиотики; единственной задачей этой дисциплины является выделение коннотаторов и сохранение их для позднейшего изучения. Это изучение относится к области специальной дисциплины, определяющей исследование денотативных семиотик.

Теперь становится очевидным, что солидарность, существующая между некоторыми классами знаков и некоторыми коннотаторами, является **знаковой функцией**, поскольку классы знаков служат **выражением**, когда в качестве **содержания** выступают коннотаторы. Так, семиотические схемы и узусы, которые мы обозначаем как датский язык, суть **выражения** для коннотатора «датский». Подобным же образом семиотические схемы и узусы, которые мы обозначаем как индивидуальные особенности NN, суть **выражение** реальной индивидуальной особенности NN (данного лица), и т. д. Недаром национальный язык считается «символом» нации, а локальный диалект — «символом» данной области и т. д.

Итак, представляется правильным рассматривать коннотаторы как содержание, для которого денотативная семиотика служит выражением, и обозначать это содержание и это выражение как **семиотику**, именно **коннотативную семиотику**. Другими словами, по окончании анализа денотативной семиотики, коннотативная семиотика должна быть подвергнута аналогичному анализу. Здесь также нужно различать семиотическую схему и узус. Коннотаторы следует анализировать на основе их взаимных функций, а не на основе материала содержания, который подчинен или может быть подчинен им. Таким образом, изучение схемы коннотативной семиотики захватывает не только понятия социального или сакрального характера, которые общераспространенное мнение связывает с такими понятиями, как национальный язык, местный диалект, жаргон, стилистическая форма и т. д. и т. д. Но этому изучению схемы коннотативной семиотики необходимо под-

чинить изучение ее узуса, точно так же как это имело место в денотативной семиотике.

Следовательно, коннотативная семиотика есть семиотика, не являющаяся языком; ее план выражения представлен планом содержания и планом выражения денотативной семиотики. Иными словами, это семиотика, один из планов которой (а именно план выражения) является семиотикой. Нас поражает здесь, что мы открыли семиотику, **план выражения** которой является семиотикой. Ведь в результате развития логистики в работах польских логиков можно было ожидать выявления существования семиотики, **план содержания** которой является семиотикой. Таковым является так называемый **метаязык** [1] (или, как мы будем говорить, **метасемиотика**), под которым понимается семиотика, трактующая семиотику; в нашей терминологии это должно означать семиотику, содержание которой есть семиотика. Такой метасемиотикой должна быть сама лингвистика.

Как уже было замечено, понятия «выражение» и «содержание» не вполне подходят в качестве основы для формальных определений, потому что «выражение» и «содержание» — произвольно данные обозначения для элементов, определяемых только соотносительно и негативно. Поэтому мы дадим определения на иной основе, первоначально разделив класс семиотик на класс научных семиотик и класс ненаучных семиотик. Для этого нам понадобится понятие **операции**, которое мы определили раньше. Под **научной семиотикой** [2] мы понимаем семиотику, представляющую собой операцию; под **ненаучной семиотикой** — семиотику, которая не есть операция. Мы соответствено определяем **коннотативную семиотику** как ненаучную семиотику, один или оба плана которой являются семиотиками, а **метасемиотику** — как научную семиотику, один или оба плана которой являются семиотиками. Случай, как мы видели, обычно встречающийся на практике, сводится к тому, что о д и н из планов является семиотикой.

Поскольку теперь, как указывают логики, мы в состоянии представить себе научную семиотику, которая рассматривается метасемиотикой, мы можем в соответствии с их

---

[1] См. работу Йоргенсена, упоминавшуюся в ссылке на стр. 129 .

[2] Мы не говорим просто **наука**, потому что следует считаться с возможностью существования наук, являющихся не семиотиками в нашем смысле, а символическими системами.

терминологией определить **мета-(научную) семиотику** как метасемиотику, семиотический объект которой является научной семиотикой (семиотика, выступающая как план другой семиотики, называется ее **семиотическим объектом**). В соответствии с терминологией де Соссюра мы можем определить **семиологию** как метасемиотику, семиотический объект которой есть ненаучная семиотика. И наконец, мы можем использовать обозначение **метасемиология** для мета-(научной) семиотики, семиотические объекты которой суть семиологии.

Чтобы объяснить не только основу лингвистики, но и ее тончайшие детали, лингвистическая теория обязана прибавить к изучению денотативных семиотик изучение коннотативных семиотик и метасемиологий. Это обязанность нашей специальной науки, потому что задача может быть выполнена удовлетворительно только в том случае, если исходить из предпосылок данной науки.

Наша последняя задача должна заключаться в рассмотрении вопроса, как, собственно, организована **метасемиология** с лингвистической точки зрения.

Обычно метасемиотика бывает (или может быть) полностью или частично идентична со своим семиотическим объектом. Так, лингвист, описывающий язык, может использовать тот же язык и для своего описания; подобным же образом семиолог, описывающий семиотики, не являющиеся языками, сможет сделать это описание при помощи языка; и в любых других случаях используемая семиотика всегда может быть переведена в язык (ср. определение языка). Отсюда следует, что метасемиология, если появляется необходимость дать полное описание семиологической семиотики, должна в значительной мере повторять результаты семиологии. Однако принцип простоты предписывает нам следовать методу, который поможет избежать этого; из соображений пригодности мы должны так организовать метасемиологию, чтобы практически ее объект был отличен от объекта семиологии; мы должны соответственно действовать перед лицом возможных метасемиологий высшего порядка и воздерживаться от добавлений метасемиологий еще более высшего порядка, если их объекты не будут отличаться от объектов уже рассмотренных метасемиологией.

В силу сказанного метасемиология должна интересоваться не языком, уже описанным семиологией, используе-

мым семиологией, но возможными изменениями его и добавлениями к нему, которые ввела семиология, чтобы создать свой специальный жаргон. Точно так же ясно, что метасемиология не должна давать описание положений, входящих в теорию семиологии, если она может доказать, что эти положения суть возможные единицы, которые можно предвидеть из системы языка. Ее сферой является, напротив, специальная терминология семиологии, и здесь оказывается, что используются три различных рода терминов.

1. Термины, которые выступают как определяемые в семиологической системе определений и содержание которых поэтому уже определено, т. е. анализировано (стр. 329) самой семиологией. Эти термины не относятся к специальной сфере метасемиологии.

2. Термины, взятые из языка и выступающие как неопределяемые в семиологической системе определений. Такие неопределяемые термины занимают особое место в семиологии в противоположность тому, что имеет место в других науках. Поскольку эти неопределяемые термины взяты из объекта языка — семиологии, семиология в своем анализе плана содержания дает им определения. Указанные термины также не относятся к специальной сфере метасемиологии.

3. Термины, не взятые из языка (но которые требуют согласования структуры выражения с системой языка) и выступающие как неопределяемые в положениях семиологии. Здесь мы должны различать 2 вида терминов:

а) Термины для вариантов высшей степени от инвариантов высшей степени, т. е. для вариантов-глоссем (и вариантов-сигналов) высшей степени—самых конечных, «мельчайших» вариантов (вариантов-индивидов или локализованных вариантов), рассматриваемых семиологией в ходе анализа. Эти варианты необходимо остаются неопределяемыми в семиологии, поскольку определение означает анализ, а анализ в семиологии невозможен именно на данном этапе. С другой стороны, анализ этих вариантов возможен в метасемиологии, так как там они должны описываться как минимальные знаки, выступающие в семиологии, и анализироваться таким же образом, как анализируются минимальные знаки языка семиологии, т. е. посредством сведения в фигуры на основе коммутационного испытания, установленного для семиологической семиотики, и путем членения на варианты. Мы увидим, что сущности, выступающие

как варианты плана содержания и плана выражения в языке (или вообще в семиологическом объекте I-го порядка), будут инвариантами в плане содержания в семиологии.

б) Термины для категорий вариантов и инвариантов любой степени. Их содержания, рассматриваемые в качестве класса как целого, будут синкретизмами сущностей, рассмотренных в пункте «а», или синкретизмами самих содержаний.

Задачей метасемиологии является, следовательно, рассмотрение минимальных знаков семиологии, содержание которых идентично с конечными вариантами содержания и выражения семиотического объекта (языка); анализ должен производиться согласно той же самой процедуре, которая предписывается вообще для анализа текста. Как и в ординарном анализе текста, так и здесь должна быть предпринята попытка установить с возможной полнотой реализованные сущности, т. е. сущности, доступные частному (индивидуальному) делению.

Чтобы понять, что здесь может иметь место, следует помнить, что мы не смогли сохранить неизменным соссюровское разделение на форму и субстанцию и что в действительности речь идет о различии двух форм разных иерархий. Функтив, например, в языке может рассматриваться как языковая форма или как форма материала; в зависимости от этих двух точек зрения возникают различные объекты; их, однако, можно назвать в некотором смысле идентичными, поскольку все различие их заключается в различных точках зрения на них. Разделение, произведенное Соссюром, и формулировка, данная им, не должны внушить нам неправильную мысль о том, будто бы функтивы, открываемые нами при анализе языковой схемы, не могут с равным правом считаться имеющими физическую природу. Можно сказать, что они являются физическими сущностями (или синкретизмами последних), определенными по взаимной функции. Поэтому с тем же правом можно заявить, что метасемиологический анализ содержания минимальных знаков семиологии является анализом физических сущностей, определенных по взаимной функции. В какой мере можно считать в конечном счете все сущности в любой семиотике, в ее содержании и выражении, физическими или сводимыми к физическим, является чисто эпистемологическим вопросом физикализма, направленным против

феноменализма. Этот вопрос является предметом развернувшихся в настоящее время споров [1], в которых мы участвовать не будем и на которых теория языковой схемы не должна задерживаться. С другой стороны, в современных лингвистических дискуссиях часто можно заметить некоторую тенденцию (как среди сторонников, так и среди противников глоссематической точки зрения) толковать вопрос таким образом, будто объект, анализируемый лингвистом путем энкатализа языковой формы, не может обладать физической природой точно так же, как и объект, который «исследователь субстанции» должен анализировать путем энкатализа той или другой «неязыковой» формы материала. Но необходимо преодолеть это непонимание, чтобы четко определить задачи метасемиологии. Метасемиология, перемещая свою точку зрения, что означает переход от семиотического объекта к его метасемиотике, в помощь обычным семиологическим методам дает в руки ученого новые средства для дальнейшего выполнения анализа, который с точки зрения семиологии был исчерпан. Это может только означать, что конечные варианты языка подвергаются дальнейшему, индивидуальному анализу на чисто физической основе. *Другими словами, метасемиология на практике идентична так называемому описанию субстанции.* Задача метасемиологии — проводить непротиворечивый, исчерпывающий и наипростейший анализ **вещей**, которые являются для семиологии неразложимыми индивидами (или локализованными сущностями) содержания, и **звуков** (или письменных знаков и т. д.), которые являются для семиологии неразложимыми индивидами (или локализованными сущностями) выражения. Метасемиологический анализ должен выполняться на основе функций, согласно уже указанной процедуре, до тех пор, пока он не будет исчерпан и пока здесь мы также не достигнем конечных вариантов, по отношению к которым подход со стороны когезии будет безуспешным, и поиски причин и условий должны будут уступить место чисто статистическому описанию как единственно возможному (стр. 340) — положение, в котором находится современная физика и дедуктивная фонетика.

---

[1] По этому вопросу, кроме работ Блумфилда и Нейрата, см. Alf Ross, On the illusion of consciousness, «Theoria», VII, 1941, pp. 171 ff.

Совершенно очевидно, что можно и необходимо к коннотативной семиотике добавить метасемиотику, продолжающую анализ конечных объектов коннотативной семиотики. Подобно тому как метасемиология денотативных семиотик будет на практике рассматривать объекты фонетики и семантики в форме, интерпретированной заново, так и в метасемиотике коннотативных семиотик найдет свое место в заново интерпретированной форме большая часть специфической социологической лингвистики и внешней лингвистики Соссюра. Этой метасемиотике принадлежит задача анализа различных — географических и исторических, политических и социальных, сакральных, психологических — материалов содержания, связанных с нацией (носителем национального языка), областями (носителями местных языков), оценочными формами стиля, личностью (носителем индивидуальных особенностей, хотя это по существу задача индивидуальной психологии), настроением и т. д. Многие специальные науки, прежде всего, очевидно, социология, этнология и психология, должны прийти здесь на помощь.

С другой стороны, в соответствии с принципом простоты, метасемиологии высших порядков не должны привлекаться до тех пор, пока они, будучи последовательно выполнены, не принесут иных результатов, чем те, которые уже достигнуты в метасемиологии первого порядка или ранее.

23. Конечные перспективы

Ограниченный практический и технический подход, естественный для специалиста в процессе работы и приведший в области лингвистики к требованию лингвистической теории как надежного метода для описания данного ограниченного текста, составленного на предварительно определенном «естественном» языке, в ходе нашего изложения с логической необходимостью направлял нас к более широкой научной и гуманитарной точке зрения, пока в заключение не сформулировалась идея о понятии целого, абсолютного по своему характеру.

Индивидуальный акт речи обязывает исследователя энкатализировать систему, связанную с этим актом. Индивидуальная характеристика есть целостность, которую дано познать лингвисту через анализ и синтез, но не замкнутая в себе целостность. Это целостность с внеш-

ними когезиями, которые обязывают нас энкатализировать другие лингвистические схемы и узусы; они одни могут пролить свет на индивидуальные особенности; это целостность с внутренними когезиями, с коннотативным материалом, объясняющим целостность в своем единстве и многообразии. Для местного диалекта и стиля, речи и письма, языков и других семиотик процедура повторяется во все более широких циклах. Самая маленькая система—это непротиворечивая целостность, но никакая целостность не является изолированной. Катализ за катализом заставляют нас расширять кругозор до тех пор, пока не будут учтены все когезии. Не только отдельный язык является объектом лингвиста, но целый класс языков, члены которых связаны друг с другом, объясняют и освещают друг друга. Невозможно провести границу между изучением индивидуального языкового типа и общей типологии языков; индивидуальный языковой тип—частный случай общей типологии и, как все функтивы, существует только благодаря функции, связывающей его с другими. В исчислительной типологии лингвистической теории предвидятся все языковые схемы; они образуют систему с корреляциями между индивидуальными членами. Реляции также могут иметь место; они выступают как контакты между языками, которые манифестируются частично в виде заимствований, а частично в генетической близости языков; независимо от языковых типов они образуют языковые семьи; эти реляции, так же как и все другие, зависят от чистой предпосылки (presupposition), которая подобно реляции между частями процесса в тексте, манифестируется во времени, но сама не определятся временем.

Посредством последующего катализа привлекаются к рассмотрению коннотативные семиотики, метасемиотика и метасемиология. Таким образом, все те сущности, которые на первых этапах при рассмотрении схемы объекта семиотики временно должны были быть исключены как несемиотические элементы, вводятся вновь в качестве необходимых компонентов семиотических структур высшего порядка. Соответственно мы не находим несемиотик, которые не были бы компонентами семиотик, и на конечном этапе не остается объектов, не освещенных с основной позиции лингвистической теории. Семиотическая структура предстает в качестве такой позиции, с которой могут быть рассмотрены все научные объекты.

Лингвистическая теория совершенно невиданным образом и в невиданном масштабе выполняет здесь взятые на себя обязательства (стр. 269, 279). На первом этапе лингвистическая теория была создана как имманентная, и ее единственной задачей было изучение ее констант, системы и внутренней функции. Это осуществлялось за счет утраты отклонений и нюансов конкретной физической и феноменологической действительности. Временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка его тайны. Но именно благодаря этой имманентной точке зрения сам язык сполна окупает все то, что потребовал ранее. В более высоком смысле, чем в лингвистическом, язык снова стал ключевой позицией познания. Отказавшись от являвшейся препятствием трансцендентности, имманентный подход дал новую и лучшую основу; имманентность и трансцендентность соединились в высшем единстве на основе имманентности. Лингвистическая теория, руководимая внутренней необходимостью, приходит к признанию не только языковой системы в ее схеме и узусе, в ее всеобщности и ее индивидуальности, но также к признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового человеческого знания, добытого посредством языка. На этом этапе лингвистическая теория достигает той цели, к которой она стремилась:

humanitas et universitas.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Термины даются на русском, английском и датском языках (в указанной последовательности). Цифры в скобках указывают номера определений, от которых зависит данное определение.

1. Деление (анализ) (Division [Analysis]; Inddeling [Analyse] — описание объекта на основе единообразных зависимостей других объектов по отношению к данному объекту и между собой.

2. Класс (Class; Klasse) — делимый объект [1].

3. Сегменты (Segments; Afsnit) — объекты, выделяемые при простом делении в качестве единообразно зависящих от класса и друг от друга [1, 2].

4. Иерархия (Hierarchy; Hierarki) — класс классов [2].

5. Комплекс анализов (Analysis complex; Inddelingskomplex) — класс анализов одного и того же класса [1, 2].

6. Операция (Operation; Operation) — описание, удовлетворяющее эмпирическому принципу.

7. Синтез (Synthesis; Syntese) — описание объекта как сегмента класса [2, 3].

8. Функция (Function; Funktion) — зависимость, удовлетворяющая условиям анализа [1].

9. Функтив (Functive; Funktiv) — объект, имеющий функцию к другим объектам [8].

10. Включаться в (Contract; Indgaa) — о функтиве говорят, что он *включается* в свою функцию [8, 9].

11. Сущность (Entity; Størelse) — функтив, не являющийся функцией [8, 9].

12. Постоянная (Constant; Konstant) — функтив, присутствие которого есть необходимое условие для присутствия функтива, к которому первый функтив имеет функцию [8, 9].

13. Переменная (Variable; Variabel) — функтив, присутствие которого не является необходимым условием для присутствия функтива, к которому первый функтив имеет функцию [8, 9].

14. Взаимозависимость (Interdependence; Interdependens) — функция между двумя постоянными [8, 12].

15. Детерминация (Determination; Determination) — функция между постоянной и переменной [8, 12, 13].

16. Констелляция (Constellation; Konstellation) — функция между двумя переменными [8, 13].

17. Когезия (Cohesion; Kohæsion) — функция, среди функтивов которой имеется одна или более постоянных [8, 9,12].

18. Реципроция (Reciprocity; Reciprocitet) — функция, функтивы которой либо только постоянные, либо только переменные [8, 12, 13].

19. Дедукция (Deduction; Deduktion) — продолженный анализ или комплекс анализов, между анализами которых имеет место детерминация [1, 5, 15].

20. Процедура (Procedure; Procedure) — класс операций с взаимной детерминацией [2, 6, 15].

21. Дериваты (Derivates; Derivater) — сегменты и сегменты сегментов класса одной и той же дедукции [2, 3,19].

22. Включать (Include; Indbefatte) — о классе говорят, что он включает свои дериваты [2, 21].

23. Вступать в (Enter into; Indgaa i) — о дериватах говорят, что они вступают в свой класс [2, 21].

24. Степень (Degree; Grad) — указание на число классов, которые отделяют дериваты данного класса от первичного общего класса (если число классов 0, то дериваты называются дериватами 1-й степени; если число классов 1, то дериваты имеют вторую степень, и т. д. [2, 21].

25. Индукция (Induction; Induktion) — продолженный синтез, отдельные синтезы которого связаны детерминацией [7, 15, 23].

26. Корреляция (Correlation; Korrelation) — функция *и-и* [8].

27. Реляция (Relation; Relation)— функция *или-или* [8].

28. Система (System; System) —корреляционная иерархия [4, 26].

29. Процесс (Process; Forløb) — реляционная иерархия [4, 27].

30. Членение (Atriculation; Leddeling) — деление системы [1, 28].

31. Разделение (Partition; Deling) — деление текста [1, 29].

32. Универсальная операция (Universality; Universalitet): операция с определенным результатом называется **универсальной**, а ее результат — **универсальным**, если операция может быть проведена на любом объекте [6].

33. Индивидуальная операция (Particularity; Partikularitet): операция с данным результатом называется **индивидуальной**, а ее результат — **индивидуальным**, если операция может быть проведена только на данном объекте [6].

34. Реализация (Realization; Realisation): класс называется **реализованным**, если он может быть принят за объект индивидуального анализа [1, 2, 33].

35. Виртуальность (Virtuality; Virtualitet): класс называется **виртуальным**, если он не может быть принят за объект индивидуального анализа [1, 2, 33].

36. Комплементарность (Complementarity; Komplementaritet) — взаимозависимость между терминами в системе [14, 28].

37. Солидарность (Solidarity; Solidaritet) — взаимозависимость между терминами в процессе [14, 29].

38. Спецификация (Specification; Specifikation) — детерминация между терминами в системе [15, 28].

39. Селекция (Selection; Selektion — детерминация между терминами в процессе [15, 29].

40. Автономия (Autonomy; Autonomi) — констелляция в системе [16, 28].

41. Комбинация (Combination; Kombination) — констелляция в процессе [16, 29].

42. Определение (Definition; Definition) — разделение знакового содержания или знакового выражения [31].

43. Ряд (Rank; Række): говорят, что дериваты одной и той же степени, принадлежащие к одному и тому же процессу или к одной и той же системе, образуют **ряд** [21, 24, 28, 29].

44. Мутация (Mutation; Mutation) — функция, существующая между дериватами первой степени одного и того же класса; функция, имеющая реляцию к функции между другими дериватами первой степени одного и того же класса, принадлежащими к тому же ряду [2, 8, 21, 24, 27, 43].

45. Сумма (Sum; Sum)— класс, имеющий функцию к одному или большему числу других классов того же ряда [2, 8, 43].

46. Установление (Establishment; Etablering) — реляция, существующая между суммой и функцией, входящей в нее в качестве постоянной. Говорят, что функция **устанавливает** сумму и что сумма **устанавливается** функцией [8, 10, 12, 23, 27, 45].

47. Приложение (Application; Ikrafttræden): некоторый функтив присутствует в определенных условиях и отсутствует в других определенных условиях; в случае его присутствия говорят о **приложении** функтива или о том, что функтив **прилагается** в определенных условиях [9].

48. Устранение (Suspension; Suspension): некоторый функтив присутствует в определенных условиях и отсутствует в других определенных условиях; в случае его отсутствия говорят об **устранении** функтива или о том, что функтив **устраняется** в определенных условиях [9].

49. Совпадение (Overlapping; Overlapping) — устраненная мутация между двумя функтивами [9, 44, 48].

50. Манифестация (Manifestation; Manifestation) — селекция между иерархиями и между дериватами различных иерархий [4, 21, 39].

51. Форма (Form; Form) — постоянная в манифестации [12, 50].

52. Субстанция (Substance; Substans) — переменная в манифестации [13, 50].

53. Семиотика (Semiotic; Semiotik) — иерархия, каждый сегмент которой допускает дальнейшее деление на классы, определяемые на основе их взаимной реляции таким образом, что любой из этих классов допускает деление на дериваты, определяемые на основе взаимной мутации [1, 2, 3, 4, 21, 27, 44].

54. Парадигма (Paradigm; Paradigme) — класс в семиотической системе [2, 28, 53].

55. Цепь (Chain; Kæde) — класс в семиотическом процессе [2, 29, 53].

56. Член (Member; Led) — сегмент парадигмы [3, 54].

57. Часть (Part; Del) — сегмент цепи [3, 55].

58. Семиотическая схема (Semiotic schema; Semiotisk sprogbygning) — форма, являющаяся семиотикой [51, 53].

59. Коммутация (Commutation; Kommutation) — мутация между членами парадигмы [44, 54, 56].

60. Пермутация (Permutation; Permutation) — мутация между частями цепи [44, 55, 57].

61. Слова (Words; Ord) — минимальные знаки, выражения которых и содержания которых доступны пермутации [60].

62. Субституция (Substitution; Substitution) — отсутствие мутации между членами парадигмы [44, 54, 56].

63. Инварианты (Invariants; Invarianter) — корреляты с взаимной коммутацией [26, 59].

64. Варианты (Variants; Varianter)— корреляты с взаимной субституцией [26, 62].

65. Глоссемы (Glossemes; Glossemer)— минимальные формы, устанавливаемые теорией в качестве основы объяснения, неразложимые инварианты [63].

66. Семиотический узус (Semiotic usage; Usus) — субстанция, манифестирующая семиотическую схему [50, 52, 58].

67. Парадигматика (Paradigmatic; Paradigmatik) — семиотическая система [28, 53].

68. Синтагматика (Syntagmatic; Syntagmatik) — семиотический процесс [29, 53].

69. Материал (Purport; Mening) — класс переменных, манифестирующих более чем одну цепь в более чем одной синтагматике или более чем одну парадигму в более чем одной парадигматике [2, 13, 50, 54, 55, 67, 68].

70. Вариации (Variations; Variationer) — варианты, связанные комбинацией [41, 64].

71. Вариаты (Varieties; Varieteter) — варианты, связанные солидарностью [37, 64].

72. Индивиды (Individual; Individ) — вариация, которая не может быть расчленена на другие вариации [30, 70].

73. Локализованный (вариат) (Localized [variety]; Lokaliseret) — вариат, который не может быть расчленен на другие вариаты [30, 71].

74. Единство (Unit; Enhed) — синтагматическая сумма [45, 68].

75. Категория (Category; Kategori) – парадигма, имеющая корреляцию к одной или большему числу парадигм одного и того же ряда [26, 43, 54].

76. Функциональная категория (Functional category; Funktionskategori) — категория функтивов, выделенных при простом анализе, произведенном на основе данной функции [1, 8, 9, 75].

77. Функтивная категория (Functival category; Funktivkategori)— категория, выделяемая при вычленении функциональной категории в соответствии с функтивными возможностями [9, 30, 75, 76].

78. Синкретизм (Syncretism; Synkretisme) — категория, устанавливаемая совпадением [46, 49, 75].

79. Доминация (Dominance, Dominans) — солидарность между вариантом, с одной стороны, и совпадением — с другой [37, 49, 64].

80. Обязательный (о доминации) (Obligatory; Obligatorisk) — доминация, в которой доминант в отношении синкретизма является вариатом [71, 78, 79].

81. Факультатив (Facultative; Fakultativ) — функция, вступающая в факультативность (совпадение с нулем, доминация которого не обязательна), называется факультативом [49, 79].

82. Коалесценция (Coalescence; Sammenfald) — манифестация синкретизма, которая с точки зрения субстанциональной иерархии идентична с манифестацией либо всех, либо ни одного из функтивов, входящих в синкретизм [4, 9, 23, 50, 52, 78].

83. Импликация (Implication; Implikation) — манифестация синкретизма, которая с точки зрения субстанциональной иерархии идентична с манифестацией одного или большего числа функтивов, входящих в синкретизм, но не с манифестацией всех [4, 9, 23, 50, 52, 78].

84. Разрешение (Resolution; Opløsning): **разрешить** синкретизм — значит ввести вариат относительно синкретизма, не входящий во взаимодействие, которое устанавливает данный синкретизм [10, 46, 49, 71, 78].

85. Понятие (Concept; Begreb) — разрешимый синкретизм между вещами [78, 84].

86. Латенция (Latency, Latens) — совпадение с нулем, чья доминация обязательна [49, 79, 80].

87. Катализ (Catalysis; Katalyse) — выявление когезий путем замены сущностей, допускающих субституцию [11, 17, 62].

88. Язык (Language; Sprog)— парадигматика, чьи парадигмы манифестируются в любом материале [50, 54, 67, 69].

89. Текст (Text; Text) — синтагматика, цепи которой, продленные до бесконечности, манифестируются любым материалом [50, 55, 68, 69].

90. Языковая схема (Linguistic schema; Sprogbygning) — форма, являющаяся языком [51, 88].

91. Языковый узус (Linguistic usage; Sprogbrug) — субстанция, манифестирующая языковую схему [50, 52, 90].

92. Элемент (Element; Element) — член функтивной категории [56, 77].

93. Таксема (Taxeme; Taxem) — виртуальный элемент [35, 92].

94. Коннектив (Connective; Konnektiv) — функтив, солидарный в некоторых условиях с реляцией, устанавливающей сложные единицы определенной степени [9, 24, 27, 37, 74].

95. Единообразие (Conformity; Konformitet): два функтива называются **единообразными**, если любой индивидуальный дериват одного функтива без всяких исключений вступает в те же функции, что и дериват другого функтива и обратно [8, 9, 10, 21, 33].

96. Символические системы (Symbolic systems; Symbolsystemer) — структуры, которым может быть подчинен материал содержания, но в которые принцип простоты не позволяет нам энкатализировать форму содержания [51, 69, 87].

97. Денотативная семиотика (Denotative semiotic; Denotationssemiotik) — семиотика, ни один из планов которой не является семиотикой [53].

98. Индикаторы (Indicators; Indikatorer) — части, входящие в функтивы таким образом, что после удаления этих частей функтивы имеют взаимную субституцию [9, 23, 57, 62].

99. Сигнал (Signal; Signal) — индикатор, который всегда однозначно отнесен к определенному плану семиотики [53, 98].

100. Научная семиотика (Scientific semiotic; Videnskabssemiotik) — семиотика, являющаяся операцией [6, 53].

101. Коннотативная семиотика (Connotative semiotic; Konnotationssemiotik) — ненаучная семиотика, один или оба плана которой являются семиотикой [53, 100].

102. Метасемиотика (Metasemiotic; Metasemiotik) — научная семиотика, один или оба плана которой являются семиотикой [53, 100].

103. Семиотический объект (Object semiotic; Objektsemiotik) — семиотика, выступающая как план другой семиотики [53].

104. Мета-(научная) семиотика (Meta-[scientific se-

miotic]; Metavidenskabssemiotik) — метасемиотика, семиотический объект которой является научной семиотикой [100, 102, 103].

105. Семиология (Semiology; Semiologi) — метасемиотика, семиотический объект которой является ненаучной семиотикой [100, 102, 103].

106. Метасемиология (Metasemiology; Metasemiologi)— мета-(научная семиотика), семиотические объекты которой являются семиологиями [103, 104, 105].

Луи Ельмслев

СТАТЬИ

ПОНЯТИЕ УПРАВЛЕНИЯ[1]*

(ИЗВЛЕЧЕНИЕ.)

> Предстоит проделать огромную работу по упорядочению лингвистических фактов с точки зрения языка как такового.
>
> *А. Мейе.*

Понятие «структуральной лингвистики» относится скорее к программе исследований, нежели к их результатам. Возникнув совсем недавно, структуральная лингвистика еще не достигла своего полного развития и даже не определилась окончательно. Впрочем, на сегодняшний день еще не представляется возможным ясно и детально говорить даже и о программе, которой она руководствуется. Пока речь может идти лишь о наименовании, содержание которого поддается только весьма общему и предварительному определению: структуральная лингвистика — это такая лингвистика, которая рассматривает язык как структуру и это понятие кладет в основу всех своих построений.

Ранее мы уже указывали[2] на те существенные выводы, которые обусловливает эта точка зрения, а также и на рамки, ограничивающие новое направление, отмечая различия между ним и традиционной лингвистикой. Как представляется, нам удалось обосновать, что структура языка представляет собой сеть зависимостей, или, говоря более четким, специальным и точным языком, сеть функций. Структура характеризуется иерархией, основанной на своем внутреннем порядке и имеющей одну единственную исходную точку. Эту иерархию можно вскрыть посредством дедуктивной и необратимой процедуры, переходя постепенно от самых абстрактных (общих и простых) явлений ко все более конкретным (частным и сложным). Такой метод, предназначенный для изучения только подобной дедуктивной иерархии, мы называем эмпирическим. Следует оговорить, что такого рода метод не способен привести к какой-либо метафизике. В соответствии с принципом простоты, который желателен в каждой науке, из всех возможных методов надо выбирать

---

* Впервые на русском языке опубликовано в кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М.:Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. 1960, стр. 47-49. – *Прим. составителя.*

[1] La notion de rection, «Acta linguistica», v. I, 1939.

[2] Vme Congrès international des Linguistes, 1939.

такой, который приводит к решению задачи путем наиболее простой процедуры. Эмпирический, или имманентно семиологический, метод, рассматривающий знаковую функцию в качестве основного предмета изучения лингвистики, и является таким наиболее простым методом. Его достоинство очевидно при сравнении с любым априорным методом, где на семиологические явления накладываются несемиологические; из-за невозможности проверки последних на чисто семиологическом материале неизбежно возникают бесконечные усложнения. Отсюда следует, что эмпирический метод — это метод, построенный на принципе простоты[1].

Нет надобности говорить о тех выводах, которые вытекают из применения структурального метода в лингвистике. Достаточно указать, что лишь благодаря структуральному методу лингвистика, окончательно отказавшись от субъективизма и неточности, от интуитивных и глубоко личных заключений (в плену у которых она находилась до самого последнего времени), оказывается способной, наконец, стать подлинной наукой. Только структуральный метод в состоянии покончить с тем печальным положением, которое так хорошо охарактеризовал А. Мейе: «Каждый век обладал особой грамматикой философии... Существует столько же лингвистик, сколько лингвистов».

Как только лингвистика станет структуральной, она превратится в объективную науку.

Из того, что структуральная лингвистика есть новое направление в науке о языке, а ее метод, использующий одновременно дедуктивный и эмпирический принципы, еще не нашел своего последовательного применения, вовсе не следует, что она противопоставляет себя всему предшествующему развитию лингвистики. Хотя традиционная лингвистика в основном следовала индуктивным и априорным методам, это не значит, что она не делала попыток применять дедукцию и принцип эмпиризма. Некоторые из семиологических функций не могли остаться незамеченными. Ведь семиологическая функция не новое понятие; новым является лишь структуральный подход, который выносит семиологическую функцию на первый план и рассматривает ее как конституирующее качество языка. В силу этого, приняв структуральную точку зрения со всеми вытекающими отсюда последствиями, следует сохранять преемственную связь с предшествующими этапами развития науки о языке и использовать те достижения традиционной лингвистики, которые доказали свою плодотворность...

---

[1] Эмпирический метод рассматривает все лингвистические явления с точки зрения знаковой функции. Однако также и априорные методы могут рассматривать лингвистические явления в этом же аспекте. Иными словами, возможна лингвистика одновременно априорная и функциональная, оперирующая функциями, но не соблюдающая основного внутреннего принципа языковой структуры. В силу этого нередко используемый термин «функциональная лингвистика» представляется слишком широким и поэтому не способным применяться в качестве синонима к термину «структуральная лингвистика».

На протяжении всей своей истории традиционная наука о языке в общем претерпела незначительную эволюцию и представляет собой законченную доктрину, которую ныне предстоит связать со структуральной лингвистикой.

МЕТОД СТРУКТУРНОГО АНАЛИЗА В ЛИНГВИСТИКЕ[1]*

Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857—1913) во многих отношениях может считаться основоположником современного языковедения. Он первый требовал структурного подхода к языку, т. е. научного описания языка путем регистрации соотношений между единицами независимо от таких особенностей, которые, может быть, и представлены ими, но безразличны для указанных соотношений или невыводимы из них. Другими словами, де Соссюр требовал, чтобы звуки живого языка или буквы письменного языка определялись не чисто фонетически или чисто графологически, а только путем регистрации взаимных соотношений и чтобы единицы языковых значений (языковых содержаний) тоже определялись не чисто семантически, а путем такой же регистрации взаимных соотношений. Согласно его взглядам было бы поэтому ошибочно смотреть на языковедение просто как на ряд физических, физиологических и акустических определений звуков живой речи или же определений значения отдельных слов и — прибавим — возможных психологических интерпретаций этих звуков и значений. Напротив, реальными языковыми единицами являются отнюдь не звуки или письменные знаки и не значения; реальными языковыми единицами являются представленные звуками или знаками и значениями элементы соотношений. Суть не в звуках или знаках и значениях как таковых, а во взаимных соотношениях между ними в речевой цепи и в парадигмах грамматики. Эти именно соотношения и составляют систему языка, и именно эта внутренняя система является характерной для данного языка в отличие от других языков, в то время как проявление языка в звуках, или письменных знаках, или значениях остается безразличным для самой системы языка и может изменяться без всякого ущерба для системы. Можно, впрочем, указать на тот факт, что эти взгляды де Соссюра, вызвавшие настоящую революцию в традиционном языковедении, интересовавшемся только изучением звуков и значений, тем не менее вполне соответствуют популярному пониманию языка и совершенно покрывают представления рядового человека о языке. Будет почти банальной истиной, если мы скажем, что датский язык, будь то устный, или писаный, или телеграфированный при помощи азбуки Морзе, или переданный при помощи международной морской сигнализации флагами, остается во всех этих случаях все тем же датским языком и не представляет четырех разных языков. Единицы, составляющие

* Впервые на русском языке опубликовано в кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М.:Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. 1960, стр. 49-56 . – *Прим. составителя.*

[1] «Acta linguistica» (Copenhague) vol. VI, fasc. 2—3, 1950—1951.

его, правда, меняются во всех четырех случаях, но самый остов соотношений между ними остается тем же самым, и именно это обстоятельство и дает нам возможность опознавать язык; следовательно, остов соотношений и должен быть главным предметом языковедения, в то время как конкретное проявление и манифестация остова соотношений будут безразличны для определения языка в строгом смысле этого слова. Не следует, однако, забывать, что де Соссюр отнюдь не желал совершенно отказаться от помощи фонетики и семантики. Он только желал подчинить их изучению системы языковых соотношений и предоставлял им более скромную роль подсобных дисциплин. Звуки и значения он хотел заменить лингвистическими ценностями, определяемыми относительным положением единиц в системе. Он сравнивал эти ценности с ценностями экономического порядка; точно так же, как монета, бумажная банкнота и чек могут быть разными конкретными проявлениями или манифестациями экономической ценности, а сама ценность, скажем червонец или рубль, остается одной и той же независимо от разных манифестаций, точно так же единицы языкового выражения остаются теми же самыми независимо от представляющих их звуков, а единицы языкового содержания остаются теми же независимо от представляющих их значений. Излюбленным сравнением де Соссюра было сравнение языковой системы с шахматной игрой: шахматная фигура определяется исключительно своим соотношением с другими шахматными фигурами и своими относительными позициями на шахматной доске, внешняя же форма шахматных фигур и материал, из которого они сделаны (дерево, или кость, или иной материал), совершенно безразличны для самой игры. Любая шахматная фигура, например конь, имеющий обыкновенно вид лошадиной головки, может быть заменена любым другим предметом, предназначенным условно для той же цели; если во время игры конь случайно упадет на пол и разобьется, мы можем взять вместо него какой-нибудь другой предмет подходящей величины и придать ему ценность коня. Точно так же любой звук может быть заменен иным звуком, или буквой, или условленным сигналом, система же остается той же самой. Мне думается, что в силу этих тезисов де Соссюра можно утверждать, что в процессе исторического развития данного языка звуки его могут подвергаться и таким изменениям, которые имеют значение для самой системы языка, и таким изменениям, которые не имеют никакого значения для системы; мы, таким образом, будем принуждены отличать принципиально изменения языковой структуры от чисто звуковых перемен, не затрагивающих системы. Чисто звуковая перемена, не затрагивающая системы, может быть сравнена с таким случаем в шахматной игре, когда пешка, дойдя до противоположного конца доски, по правилам шахматной игры принимает ценность ферзя и начинает исполнять функции ферзя; в этом случае ценность ферзя перенимается предметом совершенно иной внешности, ферзь же совершенно независимо от этой внешней перемены продолжает быть ею в системе.

К таким воззрениям де Соссюр пришел, изучая индоевропейскую систему гласных. Уже в 1879 г. предпринятый им анализ этой системы (в знаменитом исследовании «Mémoire sur les voylles») показал ему, что так называемые долгие гласные в известных случаях могут быть условно сведены к комбинации простого гласного с особой единицей, которую де Соссюр обозначал буквой *A. Преимущество такого анализа перед классическим состояло, во-первых, в том, что он давал более простое решение проблемы, устраняя так называемые долгие согласные из системы, а с другой стороны, в том, что получалась полная аналогия с чередованиями гласных, которые до тех пор рассматривались как нечто фундаментально отличное. Если интерпретировать, например, τίθημι: θωμός: θετός как содержащие корни *dheA: * dhoA : * dhA, эта серия чередований окажется фундаментально тождественной с серией чередований *derk₁: *dork₁: *drk₁ в греческих формах δέρκομαι, δέδορκα, ἔδρακον. Следовательно, *eA относится к *oA, как *er к *or, и *A играет ту же роль в указанных чередованиях, что r в *drk₁. Этот анализ был произведен исключительно по внутренним причинам, с целью вникнуть глубже в основную систему языка; он не был основан на каких-нибудь очевидных данных самих сравниваемых языков; он был внутренней операцией, произведенной в индоевропейской системе. Прямое доказательство существования такого *A было действительно найдено позже, но уже по смерти де Соссюра, при изучении хеттского языка. Чисто фонетически его определяют как гортанный звук. Нужно, однако, подчеркнуть, что де Соссюр сам никогда бы не решился на такую чисто фонетическую интерпретацию. Для него *A не было конкретным звуком, и он остерегался определить его с помощью фонетических примет просто потому, что это не имело для него никакого значения; его единственно интересовала *система* как таковая, а в этой системе *A определялось своими определенными соотношениями с другими единицами системы и своей способностью занимать определенные положения в слоге. Это совершенно ясно высказано самим де Соссюром, и именно тут-то мы и находим у него знаменитое изречение, в котором он впервые вводит термин *фонема* для обозначения единицы, не являющейся звуком, но могущей быть реализованной или представленной в виде звука[1].

Теоретические последствия такой точки зрения де Соссюр разработал в своих лекциях «Cours de linguistique générale» («Курс общей лингвистики»), опубликованных его учениками уже после

---

[1] См. Bulletin du Cercle linguist. de Copenhague, VII, стр. 9—10, и Mélanges linguistiques offerts á M. H. Petersen, Orxys (Aarhus), 1937 (Acta Jutlandica, IX, I), стр. 39—40. Термин *фонема* был введен де Соссюром независимо от Н. Крушевского и одновременно с ним (см. И. А. Бодуэн де Куртене, Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen, Страсбург, 1895, стр. 4—5). Значение, в котором употреблял Крушевский этот термин (назв. соч., стр. 7, подстрочн. прим.), а позднее Бодуэн де Куртене (назв. соч., стр. 9), совершенно разнится от того значения, в котором он использован у де Соссюра. Традиция пражской лингвистической школы восходит к вышеназванным польским ученым.

смерти учителя (в 1916 г.). Здесь мы находим весь фонд его теоретических взглядов, вкратце охарактеризованных нами во вступительных словах настоящей статьи. Следует, однако, помнить, что теория де Соссюра в том виде, в каком она выступает в его лекциях, читанных при разных обстоятельствах и с известными промежутками времени, не является целиком однородной. Наблюдения де Соссюра открывали перед лингвистами совершенно новый путь, и поэтому нечего удивляться, что де Соссюр сам был принужден внутренне бороться с традиционными представлениями; его лекции по общей лингвистике являются скорее выражением его собственной борьбы за достижение твердой точки опоры на открытой им новой почве, чем окончательным оформлением его последних взглядов. В его книге можно найти некоторую несогласованность между отдельными утверждениями. Де Соссюр проводит принципиальное разграничение между понятиями формы и субстанции, между языком (langue) в более узком смысле слова и речью (parole), включающей, между прочим, и письмо, как подчеркивает сам де Соссюр. Де Соссюр в ясных словах утверждает, что язык (langue) является формой, а не субстанцией, и это действительно соответствует его общим взглядам. Однако это разграничение не вполне выдержано во всех частях его книги, и термин у него в действительности имеет несколько значений. В одной из моих ранее вышедших работ я попытался вскрыть, насколько это вообще возможно, разные наслоения, наблюдаемые в мыслях де Соссюра, и показать, что̀ я считаю совершенно новым и плодотворным в его труде. А это, если не ошибаюсь, и есть его понимание языка как чистой структуры соотношений, как схемы, как чего-то такого, что противоположно той случайной (фонетической, семантической и т. д.) реализации, в которой выступает эта схема.

Ясно, с другой стороны, что теория де Соссюра, если правильно мое изложение этой теории, должна была остаться недоступной для большинства живших в его время и после него лингвистов, воспитанных в совершенно отличной традиции официального языковедения. Поэтому они переняли у него в первую очередь те места его книги, где понятие langue выступает не как чистая форма, но где язык понимается как форма в субстанции, а совсем не как нечто от субстанции независимое. Так, учение де Соссюра было, например, использовано или, если позволено так выразиться, усвоено пражской фонологической школой, которая понимает фонему как *фонетическую* абстракцию и, следовательно, резко отличается от того понимания фонемы, какое, по-моему, должен был иметь де Соссюр. Этим-то и объясняется, почему структурный подход к языку в собственном смысле этого слова, т. е. как изучение чистых отношений в языковой схеме независимо от проявления или реализации ее, стал применяться языковедами только в наше время.

Если мне будет позволено высказаться о своей собственной работе, то я со всяческой скромностью, но вместе с тем со всей твердостью подчеркнул бы, что считаю и всегда буду считать именно такой

структурный подход к языку как схеме взаимных соотношений своей главной задачей в области науки. Чтобы провести принципиальную грань между традиционным языковедением и чисто структурным методом лингвистического исследования, для этого метода предлагаю особенное название: *глоссематика* (от греческого слова γλῶσσα—*язык*). Я убежден в том, что это новое направление даст нам чрезвычайно ценные сведения о самой интимной природе языка и, вероятно, не только послужит нам полезным дополнением к старым исследованиям, но также прольет совершенно новый свет на старые представления и идеи. Что касается меня, то мои устремления будут направлены на изучение языка — langue — в смысле чистой формы или схемы независимо от практических реализаций. Де Соссюр сам следующими словами определил главную идею своих лекций: «Единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя». Этими словами заканчиваются его лекции. Профессор Шарль Балли, наследник де Соссюра на кафедре лингвистики Женевского университета, за несколько месяцев до своей смерти в письме ко мне писал: «Вы следуете идеалу, сформулированному Ф. де Соссюром в заключительной фразе его «Курса общей лингвистики». Следует, действительно, удивляться, что это не было сделано раньше».

С другой стороны, я считаю нужным подчеркнуть, что не следует отождествлять теорию глоссематики с теорией де Соссюра.

Трудно сказать, как в деталях оформлялись концепции де Соссюра в его мыслях, а мой собственный теоретический метод начал оформляться много лет тому назад, еще до моего знакомства с теорией де Соссюра. Повторное чтение лекций де Соссюра подтвердило многие из моих взглядов, но я, конечно, смотрю на его теорию со своей собственной точки зрения и не хотел бы слишком углубляться в свою интерпретацию его теории. Я упомянул его здесь, чтобы подчеркнуть, насколько я лично ему обязан.

Структурный метод в языковедении имеет тесную связь с определенным научным направлением, оформившимся совершенно независимо от языковедения и до сих пор не особенно замеченным языковедами, а именно с логической теорией языка, вышедшей из математических рассуждений и особенно разработанной Вайтхэдом (Whitehead) и Бертрандом Рэсселем (Bertrand Russel), а также венской логистической школой, специально Карнапом (Carnap), в настоящее время профессором Чикагского университета, последние работы которого по синтаксису и семантике имеют неоспоримое значение для лингвистического изучения языка. Некоторый контакт между логистами и лингвистами был недавно создан в Международной Энциклопедии Объединенных наук (International Encyclopedia of Unified Science). В одной из своих более ранних работ профессор Карнап определил понятие структуры совершенно так же, как я попытался сделать это здесь, т. е. как явление чистой формы и чистых соотношений. По профессору Карнапу, каждое научное утверждение должно быть утверждением структурного порядка в указанном значении;

по его мнению, каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающим знания или описания самих элементов, входящих в соотношения. Мнение Карнапа вполне подтверждает результаты, достигнутые за последние годы языковедением. Ясно, что каждое описание языка должно начинаться с установления соотношений между значимыми в этом отношении единицами, а такое установление соотношений между единицами не будет содержать никаких высказываний о внутренней природе, сущности или субстанции этих единиц. Это должно быть предоставлено фонетическим и семантическим наукам, которые со своей стороны предполагают структурный анализ языковой схемы. Но ясно также, что и фонетика и семантика как науки будут принуждены пойти по тому же самому пути; утверждения фонетического и семантического порядка со своей стороны также окажутся структурными утверждениями, например физическими утверждениями о звуковых волнах, являющихся частью тех единиц, которые уже заранее были установлены путем анализа языковой схемы. И это тоже будет делаться посредством определения соотношений, определения формального, а не субстанционального; надеюсь, что я не ошибаюсь, говоря, что физическая теория сама по себе не высказывается никогда о субстанции или материи, кроме как в критическом духе. Мы можем закончить разбор этого вопроса, сказав, что лингвистика описывает схему языковых соотношений, не обращая внимания на то, чем являются самые элементы, входящие в эти соотношения, в то время как фонетика и семантика стремятся высказаться о сущности именно элементов, входящих в соотношения, однако опять-таки с помощью определения соотношений между частями элементов или между частями частей элементов. Это значило бы, выражаясь логистически, что лингвистика является мета-языком первой степени, а фонетика и семантика мета-языком второй степени. Эту мысль я постарался развить в деталях в недавно опубликованной книге[1], и я поэтому не буду вдаваться глубже в этот предмет. В настоящей статье я только интересуюсь вопросом о языковой схеме.

Я выше указал на некоторые очевидные связи между логистической теорией языка и лингвистической. Связь эта, к сожалению, позднее оборвалась. Логистическая теория языка была разработана без всякого внимания к результатам лингвистики, и совершенно очевидно, что логисты, постоянно высказываясь о языке, довольно непростительным образом игнорируют достижения лингвистического изучения языка. Это имело плачевные последствия для логистической теории языка. Так, например, понятие знака, на которое ссылаются сторонники этой школы, имеет у них значительные недостатки и, несомненно, менее удачно, чем у де Соссюра; логисты не понимают, что

---

[1] Omkring sprogteoriens grundlaeggelse, Копенгаген, 1943. Французское издание этой книги готовится к печати. Критический реферат дали A. Martinet в Bulletin de la Société de linguistique de Paris, XLII, стр. 19—42 и (по-датски) Eli Fischer-Jørgensen в «Nordisk tidsskrift for tale og stemme».

языковой знак имеет две стороны — сторону содержания и сторону выражения, причем обе эти стороны могут быть предметом чисто структурного анализа. И поэтому логисты не обращают также должного внимания на явление *коммутации*, которое следует считать самым основным языковым соотношением, прямым ключом к пониманию языка в лингвистическом значении этого слова.

Если понимать язык как структуру, то уже нельзя довольствоваться определением его с помощью понятий *звук* и *значение*, как это постоянно делалось и делается в традиционном языковедении. Де Соссюр ясно понимал, что структурное определение языка должно привести к тому что структуры, до сих пор не признававшиеся традиционным языковедением как языки, будут признаны как таковые и что те языки, которые рассматривались как таковые традиционным языковедением, будут признаны только как разновидности языков вообще. Де Соссюр поэтому стремился к тому, чтобы превратить языковедение или лингвистику в одну из ряда возможных дисциплин в составе более широкой науки о знаковых системах вообще, которая оказалась бы действительной теорией языка в структурном значении этого слова. Такую более широкую науку он назвал *семиологией*.

По указанным выше причинам эта сторона теории де Соссюра не произвела впечатлениянa языковедов, и семиология в действительности осталась неразработанной с лингвистической точки зрения. Совсем недавно опубликованная книга бельгийского лингвиста E. Buyssens'a[1] является первой такой попыткой подойти к семиологии, но она именно только может рассматриваться как первая попытка в этом направлении.

Языковые структуры, не являющиеся языками, в традиционном смысле этого слова, правда, до некоторой степени изучались логистами, но по вышеуказанным причинам эти работы не будут в состоянии принести результаты, полезные для лингвистических исследований. С другой стороны, было бы чрезвычайно интересно изучить именно такие структуры с помощью чисто лингвистического метода первым долгом потому, что такие структуры дали бы нам простые образчики-модели, показывающие элементарную языковую структуру без всех тех осложнений, которые характерны для высокоразвитой структуры обыкновенных языков.

В вышеназванной своей работе, вышедшей в 1943 г., я и попытался дать такое структурное определение языка, которое имело бы силу для основной структуры каждого языка в обычном смысле этого слова. Впоследствии я проделал глоссематический анализ ряда весьма несложных структур, взятых из повседневного быта и не являющихся, правда, языками в традиционном смысле этого слова, но удовлетворяющих (частью или полностью) моему определению основной языковой структуры. Я подверг следующие пограничные явления теоретическому разбору: во-первых, световые сигналы на

[1] Les languages et la discours, Брюссель, 1943.

перекрестках улиц для регулирования движения, имеющиеся в большинстве больших городов и в которых чередование света красного, желтого, зеленого и желтого в плане выражения соответствует чередованию понятий «стой», «внимание», «свободный ход», «внимание» в плане содержания; во-вторых, телефонный диск в городах с автоматическим обслуживанием аппаратов; в-третьих, бой башенных часов, отбивающих часы и четверти. Кроме этих случаев, я в своих исследованиях привел ряд еще более простых примеров, как-то: азбука Морзе, стуковая азбука заключенных в тюрьме и обыкновенные стенные часы, бьющие только каждый час. Эти примеры я ближе разобрал в лекциях, недавно читанных мною в Лондонском и в Эдинбургском университетах, не столько забавы ради или по чисто педагогическим соображениям, сколько именно для того, чтобы глубже вникнуть в основную структуру языка и языкоподобных систем; сравнивая их с языком в традиционном смысле слова, я использовал их для того, чтобы пролить свет на пять основных черт, входящих по моему определению в основную структуру каждого языка в традиционном смысле слова, а именно:

1. Язык состоит из содержания и выражения.
2. Язык состоит из последовательного ряда (или текста) и системы.
3. Содержание и выражение взаимно связаны в силу коммутации.
4. Имеются определенные соотношения в тексте и в системе.
5. Соответствие между содержанием и выражением не является прямым соответствием между определенным элементом одного плана и определенным элементом другого, но языковые знаки могут разлагаться на более мелкие компоненты. Такими компонентами знаков являются, например, так называемые фонемы, которые я предпочел бы назвать таксемами выражения и которые сами по себе не имеют содержания, но могут слагаться в единицы, имеющие содержание, например в слова.

ЯЗЫК И РЕЧЬ[1] *

1. В эпоху, когда Фердинанд де Соссюр читал свой курс по общему языкознанию, лингвистика занималась исключительно изучением языковых изменений под физиологическим и психологическим углом зрения. Всякий иной подход рассматривался как невежество или дилетантизм.

Поэтому, чтобы правильно оценить «Курс общей лингвистики», нужно подходить к нему как к продукту соответствующей эпохи. Только тогда можно объяснить некоторые особенности использо-

* Впервые на русском языке опубликовано в кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. М.:Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. 1960, стр. 56-66. – *Прим. составителя.*

[1] Langue et parole, «Cahiers Ferdinand de Saussure», II, 1942. Перевод И. А. Мельчука.

ванных терминов и понятий. В этих особенностях отражен известный компромисс, необходимый, чтобы сохранить контакт с прошлым и настоящим, и вместе с тем там отражена реакция автора «Курса» на влияния окружавшей его научной среды[1].

Сущность учения де Соссюра, выраженная в самой краткой форме,— это различие между языком (langue) и речью (parole). Вся остальная теория логически выводится из этого основного тезиса. Главным образом именно этот тезис и противостоит традиционным взглядам. Соссюр, по сути дела, **открыл язык как таковой;** одновременно он показал, что современная ему лингвистика изучала не язык, а речь и тем самым обходила «свой единственно подлинный предмет».

С точки зрения истории науки открытие Соссюра является всего лишь вторичным открытием, что, однако, нисколько не уменьшает объективной ценности научного подвига Соссюра. Ему пришлось отчетливо сформулировать и утвердить забытый и заброшенный принцип. Для этого он должен был создать совершенно новую базу. Дело в том, что лингвистика, оставившая в XIX в. изучение языка как такового, глубоко отличалась от той лингвистики, которая до того занималась языком. В течение XIX в. были открыты закономерности языковых изменений, изучен физиологический механизм речи и ее различные психологические факторы и т. д. Все это привело к окончательному краху античной грамматики и сделало невозможным простое возвращение назад.

Соссюр должен был создать теорию языка как такового, в которой нашлось бы соответствующее место для всех новейших открытий.

До Соссюра любая лингвистическая проблема формулировалась в терминах индивидуального акта говорения. В качестве главной и окончательной цели исследований выдвигались причины языковых изменений; эти причины отыскивались в видоизменениях и сдвигах произношения, в стихийных психических ассоциациях, в действии аналогии. В дососсюровской лингвистике все сводилось в конце концов к поведению индивидуума; речевая деятельность представлялась как сумма индивидуальных актов.

Именно в этом пункте лежит принципиальное расхождение, а также соприкосновение между традиционной точкой зрения и новой теорией. Ф. де Соссюр признает всю важность индивидуального акта говорения и его решающую роль в языковых изменениях, тем самым перекидывая мостик к традиционным взглядам. Однако одновременно он формулирует существенно отличающийся от них принцип: создание структуральной лингвистики — Gestaltlinguistik, которая должна заменить или по крайней мере дополнить традиционное языкознание.

---

[1] Ценность того, что сделал де Соссюр, заключается одновременно в простоте, цельности и очевидности его учения, которое он молчаливо противопоставил принятым мнениям.

Теперь, когда принцип структурности введен в лингвистику, необходимо проделать весьма трудоемкую работу, чтобы вывести из этого принципа все возможные логические следствия. В настоящее время эта работа еще далека от своего завершения.

Приступая к этой работе, мы будем руководствоваться следующим положением, которое столь удачно сформулировал А. Сешэ[1]: наша цель — это сотрудничество с автором «Курса общей лингвистики», чтобы «во-первых, вслед за ним углублять и расширять фундамент лингвистической науки, а во-вторых, продолжать строительство здания, первые и еще несовершенные эскизы которого содержатся в «Курсе».

2. Поскольку **структура** является, по определению, сетью зависимостей или функций (понимая это слово в логико-математическом смысле), основная задача структуральной лингвистики состоит в изучении функций и их типов. Мы должны выделить такие типы отношений (связей), которые были бы необходимы и достаточны для описания любой семиологической структуры самым простым и одновременно самым полным образом. Эта задача логически предшествует всем прочим. Здесь, однако, мы ограничимся тем, что из всех возможных типов функций укажем те, которые понадобятся нам в дальнейшем изложении[2].

Мы будем различать: 1) двусторонние зависимости, или **интердепенденции**, — между такими двумя элементами, каждый из которых предполагает обязательное наличие другого; 2) односторонние зависимости, или **детерминации**, — между такими двумя элементами, один из которых («детерминирующее») предполагает обязательное наличие другого («детерминируемого»), но не наоборот. Кроме того, мы будем различать **коммутации и субституции**. В пределах одной парадигмы **коммутация** имеет место между двумя элементами означающего, если их взаимная замена вызывает замену соответствующих элементов означаемого, или между двумя такими элементами означаемого, взаимная замена которых влечет за собой взаимную замену соответствующих элементов означающего. Если два члена парадигмы не удовлетворяют указанному условию, между ними имеет место **субституция**. Между вариантами всегда имеет место субституция, между инвариантами — коммутация[3].

Эти исходные понятия позволяют нам приступить к нашей основной проблеме: выяснить, какого рода функция имеет место между языком (langue) и речью (parole). Эта проблема была поднята недавно в упомянутом выше труде А. Сешэ. Мы будем решать ее,

---

[1] A. Séchehaye, Les trois linguistiques saussuriennes, p. 3. («Vox romanica», V, 1940). [Рус. пер.: Сеше А. Три соссюровские лингвистики.— В кн.: Сеше А. Программа и методы теоретической лингвистики. М.:УРСС,2003, стр. 212-235.—*Прим. составителя*.]

[2] Разъяснение употребляемых здесь терминов и понятий, а также примеры можно найти в «Acta Linguistica», 1939, I, стр. 20 и сл.

[3] Дальнейшие детали см. в наших работах «Die Beziehungen der Phonetik zur Sprachwissenschaft» («Archiv für vergleichende Phonetik», 1938, II) и «Neue Wege der Experimentalphonetik» («Nordisk Tidskrift for Tale og Stemme», 1938, II).

оставив в стороне вопрос о разграничении синхронии и диахронии и ограничившись только рамками синхронии.

Тщательный анализ понятий покажет, что термины «язык» и «речь», введенные в «Курс общей лингвистики» Соссюра, допускают несколько толкований. Именно отсюда, по нашему мнению, проистекает большинство трудностей.

3. Начнем с языка (langue). Его можно рассматривать:

а) как чистую форму, определяемую независимо от ее социального осуществления и материальной манифестации;

б) как материальную форму, определяемую в данной социальной реальности, но независимо от деталей манифестации;

в) как совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе и определяемых фактами наблюдаемых манифестаций.

Нужно строго различать эти три подхода. В дальнейшем выяснится, насколько полезны и удобны указанные различия.

Мы будем называть:

а) схемой — язык как чистую форму;

б) нормой — язык как материальную форму;

в) узусом — язык как совокупность навыков.

Чтобы освоиться с понятиями, возьмем простой пример: рассмотрим французское *r* с точки зрения трех указанных возможностей.

а) Прежде всего французское *r* можно определить: 1) через его принадлежность к категории согласных: сама категория определяется как детерминирующая категорию гласных[1]; 2) через его принадлежность к подкатегории согласных, встречающихся как в начальной, так и в конечной позиции (ср. *r*-ue и pa-*r*-ti-*r*); 3) через его принадлежность к подкатегории согласных, всегда граничащих с гласными (в начальных группах *r* стоит на втором месте, но не на первом[2]; в конечных группах — наоборот[3]; ср. t*r*-appe и po-*r*te); 4) через его способность вступать в коммутацию с другими элементами, которые принадлежат к тем же категориям, что и *r* (например, *l*).

Такое определение французского *r* позволяет выявить его роль во внутреннем механизме языка, рассматриваемого как с х е м а, т. е. в сетке синтагматических и парадигматических отношений. *R* противопоставляется прочим элементам той же категории функционально — с помощью коммутации. *R* отличается от прочих элементов не в силу своих собственных конкретных качеств и особенностей, а только в силу того факта, что *r* не смешивается с другими элементами. Наше определение противопоставляет категорию, содержащую *r*, остальным категориям только с помощью функций, определяющих эти категории[4].

---

[1] «Acta linguistica», I, стр. 22.

[2] Случаи типа [rsy] (-reçu в беглом произношении) следует интерпретировать как rə: sy (:граница слога).

[3] Случаи типа katr следует интерпретировать как ka-trə.

[4] Между начальной и конечной позицией (п. 2), а также между позицией рядом с гласным и позицией не рядом с гласным (п. 3) существует детерминация.

Таким образом, французское *r* определяется как чисто оппозитивная, релятивная и негативная сущность: определение не приписывает ему никаких позитивных свойств. Оно указывает, что это — элемент, способный реализоваться, но ничего не говорит о его реализации. Оно совсем не касается вопроса о его манифестации, т. е. для данного определения безразлично, воплотится ли определяемый элемент в звучании или в графике, будет ли он выражен какой-либо фонемой или буквой алфавита (латинского, азбуки Морзе или какого-либо другого), жестом (азбука для глухонемых) или сигналом (например, в системах сигнализации флажками).

Если аналогичным образом определить все необходимые элементы, их совокупность будет представлять собой французский язык, рассматриваемый как схема. С этой точки зрения французский язык всегда остается идентичен сам себе, независимо от манифестации элементов. Кто бы ни пользовался французским языком — глухонемые с помощью жестов, моряки с помощью флажков, телеграфист с помощью азбуки Морзе или просто люди с помощью обычной речи,— с указанной точки зрения этот язык остается самим собой. Если бы даже совершенно изменилось французское произношение, все равно сам французский язык, рассматриваемый как схема, не изменился бы — при условии, что сохраняются различия и сходства, определяющие его элементы.

б) Французское *r* можно определить и как вибрант, допускающий в качестве факультативного варианта щелевой звук с задней артикуляцией (*r* roulé и *r* grassayé).

Такое определение французского *r* позволяет выявить его роль в языке, рассматриваемом как норма. Теперь *r* отличается от других элементов того же порядка не просто чисто негативными чертами. *R* определяется как оппозитивная и релятивная сущность, но уже имеющая и позитивные свойства: *r* как вибрант противопоставляется не-вибрантам, *r* (grassayé) как щелевой звук противопоставляется взрывным и, наконец, *r* как звук с задней артикуляцией противопоставляется звукам с передней артикуляцией. Данное определение предполагает определенную звуковую манифестацию, обязательно связанную с органами речи. Однако позитивные свойства элемента в этом определении сведены к дифференциальному минимуму: так, в этом определении ничего не говорится о конкретной точке артикуляции.

Если бы французское произношение изменилось, но в пределах, предписанных данным определением, французский язык, рассматриваемый как норма, не изменился бы.

При таком понимании термина «язык» оказалось бы столько французских языков, сколько есть различных манифестаций, приводящих к различным определениям: устный французский, письмен-

---

Мы не приводим здесь детального доказательства, поскольку это потребовало бы полного анализа французского слогоделения и консонантизма (наиболее сложный и вместе с тем самый важный пункт в этом анализе—вопрос об элементах ə и h).

ный французский в латинском алфавите, французский в азбуке Морзе и т. д.

в) Французское *r* можно определить, наконец, как альвеолярный раскатистый плавный вибрант или как щелевой увулярный плавный.

Это определение включает все позитивные свойства *r* в обычном французском произношении и представляет, таким образом, элемент языка, рассматриваемого как узус. Оно не является ни оппозитивным, ни релятивным, ни негативным, а просто перечисляет все позитивные свойства, характерные для данного узуса. На этом оно и останавливается, оставив открытым вопрос о возможности варьировать произношение в пределах, указанных определением. Однако, если произношение варьируется именно в этих пределах, язык, рассматриваемый как узус, остается тем же самым. С другой стороны, всякое изменение данного определения приводит к изменению языка: французский язык превратился бы в другой язык, если бы *r* превратилось в ретрофлексный фарингальный свистящий.

4. Легко заметить, что из трех возможных толкований термина «язык» больше всего приближается к обычному употреблению слова **первое** толкование (язык как схема). В повседневной жизни «нормальный» французский, французский в виде телеграфного кода и французский в азбуке глухонемых считаются безусловно одним и тем же французским языком. Поэтому, если мы хотим, чтобы в нашем определении отражались основные моменты значения, приписываемого слову «язык» в повседневной практике, мы должны выбрать первое толкование.

По-видимому, именно это толкование термина «язык» предлагается в основном в «Курсе общей лингвистики». Только такое толкование позволяет лишить язык всякого материального характера (например, звукового) и дает возможность отделять существенное от второстепенного. Только такое толкование оправдывает знаменитое сравнение с шахматами, где материальное воплощение фигур не имеет никакого значения, поскольку все определяется их числом и взаимным расположением. Только при таком толковании допустима аналогия между языковой величиной и серебряной монетой, которая может обмениваться на монету из другого металла, на банкноту, на ценные бумаги, на чек. Наконец, это толкование стоит за основным тезисом Соссюра: язык есть **форма**, а не **субстанция**. Можно добавить, что это толкование стоит за всей работой «Исследование о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», где вся система индоевропейского языка рассматривается как чистая **схема**, состоящая из элементов (автор назвал их «фонемами» за неимением более подходящего термина), которые определяются только своими внутренними взаимными функциями[1].

Эта концепция языка была принята и развита А. Сешэ, который правильно указывал в своей работе 1908 г., что язык можно пред-

[1] Мы обращали внимание на этот факт еще в 1937 г. (Mélanges H. Pedersen, стр. 39 и сл.).

ставлять себе в виде алгебраической записи или геометрических изображений и что можно изображать элементы языка любым произвольным образом, лишь бы сохранялась их индивидуальность, но не их материальный характер.

С другой стороны, идея **схемы**, отчетливо преобладающая в соссюровском понимании языка, не является единственным пониманием. «Акустический образ», о котором идет речь в нескольких местах «Курса», — это, очевидно, психическое отражение материального факта; таким образом, язык связывается со звуковой материей и начинает рассматриваться как **норма**.

В других местах говорится, что язык — это совокупность языковых навыков; здесь слово «язык» понимается как узус[1].

Подводя итог, мы приходим к выводу, что единственное определение, которое подходит всюду, это — определение языка как **знаковой системы**. Данное общее определение допускает различные оттенки; Соссюр, вероятно, осознавал это[2], но по тем или иным причинам на этом вопросе он специально не остановился.

5. Различия, введенные в § 3, позволяют нам осветить вопрос о возможных отношениях между языком и речью в соссюровском смысле. Определить сразу все эти отношения не удается; язык-схема, язык-норма и язык-узус ведут себя неодинаково по отношению к речи, которая является индивидуальным актом.

1) **Норма** детерминирует (т. е. предполагает) узус и акт речи, но не наоборот. Это, как нам кажется, было показано А. Сешэ: акт речи и узус логически и практически предшествуют норме; норма рождается из узуса и акта речи, но не наоборот. Непроизвольный возглас — это акт без нормы; однако этот акт происходит в силу определенного узуса (наша психофизиологическая природа обусловливает некоторый узус — те или иные рефлексы и реакции; но за этим узусом не обязана стоять система оппозитивных и релятивных элементов, из которой можно вывести норму). Таким образом, тезис Сешэ оправдывается тогда и только тогда, когда язык рассматривается как норма.

2) Между **узусом** и актом речи имеет место интердепенденция: каждый из них предполагает обязательное наличие другого. Там, где Соссюр говорит о взаимной зависимости языка и речи, он имеет в виду «языковые навыки». Проведя различие между нормой и узусом, мы устранили кажущееся противоречие между высказываниями «Курса» и точкой зрения, которую выдвинул А. Сешэ: Diuersi respectus tollunt omnem contradictionem. (Различные подходы устраняют всякое противоречие.)

---

[1] Данный термин (фр. usage) встречается в нескольких местах соссюровского «Курса». Это явное наследие дособсюровской теории (ср., например, H. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 5. Aufl., стр. 32 и сл., стр. 405 и т. д. [Рус. пер.: Пауль Г. Принципы истории языка. М.: ИЛ.1960. — *Прим.составителя*).

С другой стороны, кажется, что термин «норма» (употребляемый Паулем и его современниками) тщательно избегается во всем «Курсе».

[2] В «Курсе» говорится, что язык «одновременно является социальным продуктом речевой способности и совокупностью необходимых условностей, принятых данным обществом, чтобы индивидуум мог использовать эту способность».

3) Схема детерминируется (т. е. предполагается) актом речи, узусом и нормой, но не наоборот. Чтобы понять это, надо обратиться к теории значимостей, выдвинутой Соссюром. Эта теория тесно связана с концепцией языка как схемы и заслуживает самого пристального изучения.

При поверхностном рассмотрении возникает соблазн непосредственно сопоставить лингвистическую «значимость» (valeur linguistique) со «значением» (в логико-математическом смысле этого слова; valeur logico-mathematique): как 4 — это возможное значение величины a, так звуки и значения (смысл) — это возможные «значения» неких форм; формы являются тогда переменными, а материальные факты — константами. Однако более правильным является другое сравнение — лингвистические «значимости» гораздо ближе к ценностям (меновым стоимостям) экономических наук (valeur d'échange des sciences économique).

С этой точки зрения **значением (значимостью, ценностью, valeur) и константой является форма, а переменные заключены в субстанции; этим субстанциальным переменным могут приписываться различные значения, в зависимости от обстоятельств.** Так, монета или банкнота могут изменить свою стоимость (valeur) точно так же, как меняют свою значимость звук или единица смысла; при этом фактически изменяется интерпретация единиц по отношению к различным схемам.

Однако сравнение с меновой стоимостью политэкономии имеет слабую точку, что отмечал уже сам Соссюр: меновая стоимость определяется тем, что она равна некоторому количеству какого-либо товара; таким образом, меновая стоимость основана на материальном факторе, тогда как для лингвистической значимости материальный фактор роли не играет. Экономическая стоимость является двусторонним элементом: она играет роль постоянной по отношению к конкретным денежным единицам и одновременно — роль переменной по отношению к фиксированному количеству товара, которое служит эталоном. В лингвистике же этому эталону ничто не соответствует. Именно поэтому в качестве самой близкой аналогии языку Соссюр выбрал шахматы, а не экономические понятия. **Язык-схема в конечном счете это игра и больше ничего.** Впрочем, когда в различных странах вместо металлического денежного эталона был принят бумажный эталон, в экономическом мире сложилась ситуация, более похожая на структуру игры или грамматики. Однако самым точным и простым остается сравнение языка-схемы с игрой.

С другой стороны, именно понятие значимости (стоимости, valeur), как в игре, так и в грамматике, заимствованное у экономических наук, позволяет разобраться в различных функциях, связывающих схему с другими ярусами языка. Как монета является таковой в силу стоимости, но не наоборот, так и звук и значение обусловлены чистой формой, но не наоборот. Здесь, как и повсюду, переменная детерминирует постоянную, но не наоборот. В любой семио-

логической системе схема является постоянной, т. е. детерминируемым членом; по отношению к схеме норма, узус и акт речи суть переменные, т. е. детерминирующие члены.

Используя введенные раньше определения, мы строим следующую таблицу:

$$\left.\begin{array}{c}\text{норма}\\ \downarrow\\ \overbrace{\text{узус}\leftrightarrow\text{акт речи}}\end{array}\right\}\longrightarrow\ \text{схема}$$

(где ↔ означает интердепенденцию, а → — детерминацию; постоянная ↔ постоянная, переменная → постоянная, постоянная ← переменная).

6. Схема, норма, узус и акт речи не лежат в одной плоскости. Это видно хотя бы из рассмотрения функций, связывающих эти факторы. Схема, норма, узус и акт речи разделяются определенными границами, которые нам предстоит выявить и описать.

В соответствии с «Курсом» Соссюра главной и решающей границей является граница между языком и речью. До сих пор мы сознательно избегали оба эти термина; теперь мы введем их и будем рассматривать их проекции на полученную нами картину (соотношение четырех описанных выше понятий). Начать удобнее с речи.

По учению Соссюра, речь отличается от языка тремя свойствами: 1) речь — это реализация, а не установление; 2) речь индивидуальна, а не социальна; 3) речь свободна, а не фиксирована.

Все эти три свойства являются взаимно независимыми: реализация может не быть ни индивидуальльной, ни свободной; индивидуальные явления могут не быть ни реализацией, ни свободными; то, что свободно, не обязательно является индивидуальным, и т. д. Таким образом, все три свойства необходимы для определения и ни одно из них не может быть устранено.

Оказывается, что понятие **речи** столь же сложно, как и понятие языка. Попытаемся подвергнуть понятие речи анализу аналогично тому, как это было сделано для языка. Для этого мы должны выяснить, что получится, если в определении речи мы отбросим какие-либо два свойства и оставим только одно. Нам будет достаточно рассмотреть одно из трех возможных упрощений определения: мы возьмем речь как **реализацию**, абстрагируясь от различий между индивидуальным и социальным, между свободным и фиксированным.

Тогда **схема** оказывается установлением, а все остальное — реализацией.

Перед научной дисциплиной, изучающей реализацию схемы, встали бы две следующие задачи, отчетливо сформулированные в «Курсе» Соссюра: 1) описать комбинации, с помощью которых го-

ворящие используют код схемы; 2) описать психофизический механизм, позволяющий осуществлять эти комбинации.

С общесемиологической точки зрения Соссюр прав, относя психофизический механизм к речи и определяя «фонологию» как дисциплину, связанную только с речью. Именно здесь и проходит основная граница — между чистой формой и субстанцией, между мысленным и материальным. Иными словами, теория установления — это теория схемы, а теория реализации включает в себя всю теорию субстанции и имеет в качестве объекта норму, узус и акт речи. Норма, узус и акт речи тесно связаны и составляют по сути дела один объект: узус, по отношению к которому норма является абстракцией, а акт речи — конкретизацией. Именно узус выступает в качестве подлинного объекта теории реализации; норма — это искусственное построение, а акт речи — преходящий факт.

Реализация схемы обязательно является узусом: коллективным и индивидуальным. Мы не знаем, как возможно с этой точки сохранить и отдельно исследовать различие между **социальным** и **индивидуальным**. Речь в целом может рассматриваться как факт языка, акт речи — как факт индивидуального узуса, а индивидуальный узус — как факт коллективного узуса; бесполезно рассматривать их иначе. Могут возразить, что при таком подходе смазывается свободный и непроизвольный характер акта, а также его творческая роль. Но это не так: ведь узус — это множество возможностей, из которых в момент акта речи совершается свободный выбор. Описывая узус, надо всегда учитывать пределы, в которых допускаются колебания и отклонения; если эти пределы зафиксированы точно, в актах речи не имеет места выход за них. Если это произойдет, описание узуса надо перестроить. Таким образом, из определения следует, что в акте речи не может содержаться ничего, что не было бы предусмотрено узусом.

Что касается нормы, то это — фикция, и притом единственная фикция среди интересующих нас понятий. Узус вместе с актом речи и схема отражают реальности. Норма же представляет собой абстракцию, искусственно полученную из узуса. Строго говоря, она приводит к ненужным усложнениям и без нее можно обойтись. Норма означает подстановку **понятий** под факты, наблюдаемые в узусе; но современная логика показала, к каким опасностям приводит гипостазирование понятий и попытки строить из них реальности. По нашему мнению, некоторые течения современной лингвистики напрасно прибегают к реализму, плохо обоснованному с точки зрения теории познания; лучше было бы вернуться к номинализму. Реализм не упрощает, а усложняет вещи, не расширяя сколько-нибудь существенно наших знаний. Лингвист, изучающий соотношения между именем и вещью, должен особо стремиться к тому, чтобы имя и вещь не смешивались.

Выполненный анализ показал, как нам кажется, что есть ценного и поистине нового в соссюровском определении языка (langue): это то, что мы назвали **схемой**. Этот результат приводит нас к

мысли считать различие между схемой и узусом[1] основным семиологическим подразделением. Думается, что это подразделение могло бы заменить противопоставление языка и речи, которое, по нашему мнению, является лишь первым приближением, исторически очень важным, но теоретически еще несовершенным.

---

[1] Можно предложить такие соответствия этим терминам: фр. schéma и usage, англ. pattern и usage, нем. Sprachbau и Sprachgebrauch (или Usus), датск. sprogbygning и sprogbrug (или usus). По-французски вм. schéma можно говорить charpente (de la langue).

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ, ЧТО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ ОБРАЗУЮТ СТРУКТУРУ?*

1. Сформулированный в заглавии вопрос порожден ситуацией, имеющей место в лингвистике.

Уже в самом понятии **языка** (langue) в соссюровском смысле в противоположность **речи** (parole), с одной стороны, и **речевой деятельности** (langage),— с другой, скрыто представление о **структуре**. Это представление распространилось среди лингвистов в течение последних десятилетий (лишь в тридцатые годы сами термины **структура, структурный, структурализм** стали обычными в лингвистике). Есть две области, где ни один лингвист не может пройти мимо этого понятия, поскольку в этих областях структура выявляется с такой очевидностью, что соответствующее понятие кажется необходимым: мы имеем в виду, с одной стороны, план выражения (фонемы, графемы), а с другой — морфологию. В этих двух областях очевидная структурность изучаемых объектов неизбежно должна была привести и действительно привела к подлинному структурализму: издавна признавались и строились как звуковые (или графические), так и морфологические (или грамматические) системы, которые обычно истолковывались как сети отношений (в частности — корреляций). Мы оставляем в стороне подходы, свойственные так называемой чисто аффективной стилистике и некоторым направлениям классической экспериментальной фонетики; оба грешат одним и тем же: они упускают из виду **языковую функцию** изучаемых фактов. Для изучения плана выражения и морфологии структурная лин-

* См. Louis Hjelmslev, Dans quelle mesure les significations des mots peuvent-elles être considérées comme formant une structure? в «Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists», Oslo, 1958, p. 636—654.

* Впервые на русском языке опубликовано в сб.: Новое в лингвистике. Вып. II. М.: ИЛ, 1962. С. 117 – 136. Общая редакция В.А. Звегинцева. — *Прим. составителя.*

гвистика фактически лишь предлагает подходящие формулы. Если проследить всю линию развития лингвистики и взглянуть на вещи взглядом постороннего наблюдателя, отвлекаясь от споров, которые все еще продолжаются, то можно обнаружить, что беспристрастное сравнение практических методов, используемых в фонологии и морфологии, с одной стороны, классической, а с другой — структурной лингвистикой, создает впечатление скорее преемственности, чем разрыва. Основной вклад, который структурная лингвистика внесла в изучение плана выражения и морфологии,— это осознание того, что́ делается, четкая формулировка принципа, лежащего в основе метода, который сам по себе уже и до того оказался необходимым.

Если понимать морфологию и синтаксис как две независимые дисциплины (а не как две пересекающиеся и взаимосвязанные оси: «ассоциативная», или парадигматическая, ось и синтагматическая ось), то понятие структурного синтаксиса в отличие от морфологии может быть легко подвергнуто критике со стороны скептиков. Поэтому мы полагаем, что структурный синтаксис возможен только при выполнении ряда условий. Прежде всего необходимо отказаться от традиционного противопоставления синтаксиса и морфологии, разрушив непроницаемую перегородку между этими двумя «дисциплинами». Далее, необходимо признать, что корреляции (морфологические) и реляции (синтагматические отношения) обусловливают друг друга и что суть грамматического механизма состоит в сложном взаимодействии морфологических категорий, предполагающих «синтаксические» отношения (например, предлоги и падежи), и синтаксических единиц, предполагающих корреляции и образующих категории. Следовательно, морфемы оказываются основными элементами, образующими предложение в силу реляций между ними (Сепир)[1]. Только при таком подходе необходимость структурных методов для исследований на синтаксическом уровне становится полностью очевидной, и разного рода управление (в том числе — согласование) занимает принадлежащее ему по праву место.

Что же касается **словаря**, то в этой области скептицизм по отношению к структурной точке зрения обретает почву под ногами и представляется в известной степени обоснован-

[1] E. S a p i r, Language 1921, p. 89 f., 107 f., 133 f. [Рус. пер.: С е п и р Э. Язык — В кн. С е п и р Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., ИТ «Прогресс» «Универс», 1993.]

ным. В отличие как от фонем (в широком смысле слова, от графем и т. д.), так и от морфем[2] элементы словаря — **вокабулы**, или **слова**, — имеют ту особенность, что они чрезвычайно многочисленны, точнее, что их количество в принципе неограниченно и не может быть точно подсчитано. Кроме того, словарь неустойчив и постоянно изменяется; в любом состоянии языка появляются новые слова, произвольно создаваемые в соответствии с потребностями, а также выходят из употребления и исчезают старые слова. Поэтому при первом рассмотрении словарь представляется отрицанием понятия состояния, устойчивости, синхронии, структуры. Кажется, будто в словаре царят каприз и произвол и что поэтому словарь — это противоположность **структуры**. Таким образом, создается впечатление, что любая попытка построить структурное описание словаря и с еще большим основанием структурную семантику обречена на провал и становится легкой добычей скептицизма. Именно поэтому в систематике науки о языке **лексикология** остается пустой клеткой и превращается по сути дела в **лексикографию**, которая занимается построением нечетких и непостоянных перечней плохо определенных величин, которым приписываются явно произвольным образом многочисленные разнообразные употребления. Именно поэтому, наконец, **семантика**, появившаяся позже других лингвистических дисциплин[3], основывается на диахронном подходе и частично — на психологизме; попытки обосновать семантику в рамках структурной лингвистики наталкиваются на ряд трудностей. В отличие от структурной фонологии и структурной грамматики для структурной семантики трудно указать предшественников. Настоящая пропасть отделяет структурную семантику от более ранних попыток создать всеобщую семантику, или ars magna (букв. «великое искусство»). Эти попытки, приведшие к scientia generalis, или characteristica generalis (букв. «общая наука», «общая характеристика») Г. В. Лейбница [4], в том, что касается

[2] Мы используем слово «морфема» в том смысле, какой этот термин получил в европейской науке (ср., например, «Travaux du Cercle Linguistique de Prague», IV, p. 321 и J. V e n d r y e s, Le langage, 1921, p. 86. [Рус. пер.: В а н д р и е с Ж. Язык. М., УРСС, 2004.])

[3] Можно считать, что семантика была основана около 1897 г. Мишелем Бреалем (Michel B r é a l, Essai de sémantique, science des significations).

[4] G. W. L e i b n i z, Dissertatio de arte combinatoria, 1666.

принципиального метода и сути самой идеи, основываются на Ars generalis Раймонда Луллия (13 в.). Луллий, используя хитроумную систему концентрических окружностей, получил 9^6 (=531 441) комбинаций перечисленных ниже ксновных категорий; из этих категорий можно получить, оак показал Л. Кутюра[5], 511^6 (=17 804 320 388 674 561) комбинаций, применяя способ вычисления, отличный от способа, предложенного Луллием.

От подобных спекулятивных рассуждений лингвистика освободилась, все более и более отмежевываясь от логики. Без этого размежевания лингвистика могла бы быть заведена в тупик средневековой ars magna, точно так же как современными попытками создать универсальную фонологию, или универсальную науку о звуках (или о фонемах в смысле звуковых типов). Эти попытки и ars magna средних веков имеют ту общую особенность, что они не учитывают ни специфического характера системы для того или иного состояния данного языка, ни различий между языками. В этом смысле указанные попытки можно назвать априорными; они были отвергнуты именно лингвистическим эмпиризмом. Однако основной принцип описанных выше попыток семантического анализа может быть применен, хотя и на совершенно иной основе. Достоинство этих попыток в том, что они были направлены на анализ семантического содержания; их неуспех объясняется только их априоризмом, так что они потерпели неудачу не из-за принципа, а из-за метода. Даже то, что сохранилось в эмпирической лингвистике от результатов предпринимаемых попыток, оказалось временным. Такова, например, традиция семантических таблиц средневековья, проявившаяся в так называемых vocabularia harmonica и в особых многоязычных словарях[6], которые представляют собой своеобразные труды по ономасиологии и основываются на иерархической системе всеобщей семантики. Такая система, несомненно, является компромиссом между практическими потребностями (знание определенных понятий или некоторых «элементарных» или «всеобщих» слов, которые по предположению имеются в любом языке) и теоретическим воздействием, правда, отдаленным, но несомненным, систем типа луллиевской. Из основных категорий Луллия

[5] L. Couturat, La logique de Leibniz, 1901, p. 37.

[6] Из словарей такого рода наиболее известен словарь Палласа (P. S. Pallas, Linguarum totius orbis vocabularia comparative).

Quaestiones «вопросы»	Principia absoluta «абсолютные начала»	Principia respectiva «относительные начала»	Subjecta «субъекты»	Virtutes «добродетели»	Vitia «пороки»
UTRUM «которое из двух»	bonitas «доброта»	differentia «различие»	deus «бог»	justitia «справедливость»	avaritia «жадность»
QUID «что»	magnitudo «величина»	concordantia «согласование»	angelus «ангел»	prudentia «осмотрительность»	gula «обжорство»
QUARE «почему»	duratio «продолжительность»	contrarietas «противоположность»	caelum «небо»	fortitudo «сила»	luxuria «сладострастие»
QUOMODO «каким образом»	potentia «сила, мощь»	principium «начало»	homo «человек»	temperantia «умеренность»	superbia «гордыня»
EX QUO «из чего»	cognitio «сознание»	medium «середина»	imaginativa «воображаемое»	fides «вера»	acedia «нерадение»
QUANTUM «сколько»	voluntas «воля»	finis «конец»	sensitiva «ощутимое»	spes «надежда»	invidia «зависть»
QUALE «какое»	virtus «добродетели»	majoritas «большая величина»	vegetativa «растительное»	charitas «милосердие»	ira «гневливость»
UBI «где»	veritas «правда»	aequalitas «равенство»	elementativa «элементарное»	patientia «терпение»	mendacium «лживость»
QUANDO «когда»	gloria «слава»	minoritas «меньшая величина»	instrumentativa «орудийное»	pietas «почитание»	inconstantia «непостоянство»

особым успехом пользуются subjecta: почти всегда в начале указанных собраний лексики помещаются такие понятия, как *бог*, *ангел*, *небо*, *человек*. Воздействие подобных систем явно заметно в первых опытах генетической классификации языков: Иосиф Юстус Скалигер[7] за основной критерий для классификации европейских языков принял слово, означающее «бог», и получил в результате четыре языковые семьи: языки «deus», или Latina matrix; языки «ϑεός», или Graeca matrix; языки «gott», или Teutonica matrix; языки «bog», или Sclauonica matrix.

Итак, проблема аналитического метода для изучения семантики сама по себе осталась, хотя все прежние попытки ее решения отброшены. Кроме принципа, требующего анализа в семантике, в методике этих попыток нет ничего, что могло бы быть освоено будущей структурной семантикой.

В результате современное положение семантики существенно отличается от положения других лингвистических дисциплин. Классическая семантика тяготела к беллетристическим очеркам, почти анекдотам[8], а структурная семантика делает только первые шаги. Именно поэтому вопрос о **семантической структуре** вызывает интерес, и в сложившейся ситуации представляется вполне естественным, что этот вопрос включен в программу международного съезда лингвистов.

2. Чтобы разумно ответить на сформулированный в заглавии вопрос, следует сначала уточнить, что понимается под **структурой**. Как кажется, структуральная лингвистика уже выполнила эту задачу и выдвинула определение, подкрепленное рядом доводов[9]. Рассмотрим это определение: **структура — это автономная сущность с внутренними зависимостями**. Термин «структура» обозначает «не простой набор элементов, а целое, образованное взаимосвязанными элементами таким образом, что каждый зависит от других и может быть тем, чем он является только благодаря отношениям с другими элементами». Такое понимание лежит в основе так называемой «теории форм»[10].

---

[7] 1599 (Scaligeri, Opuscula varia antehac non edita, 1610, стр. 119 и сл.),

[8] См., например, книжку Дармстетера (Arsène Darmesteter, La vie de mots, 1886) и работы его последователей.

[9] См. «Acta linguistica», IV, p. V—X.

[10] André Lalande, Vocabulaire technique et critique de la philosophie, III, 1932, p. 117.

Теория формы (или теория форм) состоит в том, что «явления рассматриваются не как простая сумма элементов, которые необходимо выделять, анализировать, разлагать, но как связанные совокупности (Zusammenhänge), образующие автономные единицы, характеризующиеся внутренними взаимозависимостями и имеющие собственные законы. Отсюда следует, что свойства каждого элемента зависят от структуры целого и от законов, управляющих этим целым. Ни психологически, ни физиологически элемент не существует до целого. Элемент не является ни более непосредственным, ни более ранним, чем целое. Познание целого и его законов нельзя вывести из знания об отдельных частях, образующих это целое»[11].

Добавим еще цитату: термин «форма» надо понимать «соответственно образцу системы, из которой нельзя изъять и к которой нельзя прибавить ни одной части так, чтобы не изменить других частей и не вызвать общей перегруппировки»[12]. На таком же понимании основывается структурная лингвистика. Как мы указывали ранее в прим. 9, под «структурной лингвистикой» следует понимать совокупность исследований, исходящих из гипотезы, в соответствии с которой истинно научным признается описание языка как структуры (термин «структура» употребляется в указанном выше смысле)[13]. Подчеркнем еще раз гипотетический характер структурной лингвистики и, следовательно, структурной семантики как ее части. Утверждается только, что следует признать законными и допустимыми попытки построения структурной семантики.

Мы полагаем, что эти попытки должны быть сделаны, так как мы убеждены, что только таким путем можно прийти к научной семантике.

Невозможно ни познать, ни научно описать какой-либо объект, не прибегнув к структурному принципу (понимая термин «структура» так, как он был определен выше). Всякое научное описание предполагает, что объект описания мыслится либо как структура (и анализируется в соответствии со структурным методом, позволяющим обнаруживать отношения между составными частями объекта),

---

[11] André Lalande, там же, III, изд. Claparède, p. 55.
[12] P. Guillaume, «Journal de psychologie», 1925, p. 797 (ср. A. Lalande, цит. место).
[13] Brøndal, в «Acta linguistica», I, p. 6.

либо как часть структуры (и **синтезируется** с другими объектами, с которыми он вступает в отношения, позволяющие определить и опознать некоторый бо́льший объект, частями которого являются все эти объекты, включая рассматриваемый объект). Мы позволяем себе отослать читателя к статье[14], где в пользу этой гипотезы выдвинуты достаточно подробные аргументы. Кроме того, данная гипотеза явно подтверждается историческим развитием и современным состоянием семантики. Выше было сказано, что лексикология (очевидное desideratum для лингвистики, которая провозглашает себя систематической наукой) поневоле превратилась просто в лексикографию. Возникает вопрос — почему? Ответ не заставляет себя долго ждать: перед исследователем стоит фатальный выбор между структурным описанием и ненаучным описанием, которое сводится к простому перечислению. Последнее как раз и случилось с семантикой, которая вынуждена довольствоваться собиранием анекдотов.

Могут возразить, однако, что, хотя все это и так, применение структурного метода определяется не свойствами исследуемого объекта, а произвольным выбором со стороны исследователя. Это возвращает нас к старой проблеме, обсуждавшейся еще в средние века: вытекают ли понятия (категории или классы), возникающие при анализе, из природы рассматриваемого объекта **(реализм)** или они определяются принятым методом исследования **(номинализм).** Эта проблема относится к эпистемологии; она выходит за рамки настоящего изложения и вообще лежит вне компетенции лингвиста как такового. Тем не менее указанная проблема поневоле встает перед современным лингвистом, перед физиком и вообще перед любым ученым, который сталкивается с методологическими вопросами. Мы полагаем, что эта проблема относится к разряду таких проблем, для решения которых эпистемология вынуждена широко пользоваться помощью специальных наук и извлекать выгоду из их опыта. Мы считаем, что лингвистика может очень помочь при решении поставленной проблемы.

Правда, эта проблема особенно остро встает в семантике, где метод исследования в настоящее время менее разработан; но в принципе она имеет не меньшее значение

---

[14] «Structural analysis of language» в «Studia linguistica», I, 1948, p. 69—78. Русский перевод «Метод структурного анализа в лингвистике» см. в «Acta linguistica», VI, стр. 57—67.

и при изучении плана выражения[15]. Не следует думать, однако, что только номиналистское решение признает возможными несколько различных путей анализа одного и того же объекта [16]. Реалист также может принять несколько различных путей анализа, считая при этом что такая возможность скрыта в природе самого анализируемого объекта. Из этого следует, что для лингвиста как такового безразлично, получает ли указанная эпистемологическая проблема в теоретическом плане реалистское или номиналистское решение. Для лингвиста существен лишь выбор метода и принципов анализа. Вопрос о методе и принципах анализа важен для каждой специальной науки[17]. Благодаря этому специальные науки воздействуют на общую эпистемологию (так, данный вопрос является общим для лингвистики и эпистемологии). Вопрос о методе и принципах анализа решается в рамках данной науки— например лингвистики; однако его решение допускает обобщения, выходящие за рамки этой науки. При такой точке зрения номиналистский подход лишается своего якобы произвольного характера и не допускает никаких искусственных ухищрений. Вообще каков бы ни был подход, реалистский или номиналистский, единственно существенной является лишь проблема метода. В очень общем смысле эту проблему можно назвать **«проблемой эмпиризма»**, используя реалистский термин, который может иметь и номиналистское определение. Этот факт остается верным себе и в том случае, если определение считается спорным.

3. Ввести понятие **структуры** в изучение семантических фактов означает ввести наряду с понятием **значения** понятие **значимости** (valeur). Это следует сделать в соответствии с методом, отчетливое и фундаментальное изложение которого дано в знаменитой главе «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра[18], где, как в фокусе линзы, собраны основные идеи аналитической лингвистики. Только

---

[15] Эта проблема недавно подверглась обсуждению в американской лингвистике под девизом: «божья правда» против «лингвистики фокусов-покусов» («God's truth vs. hocus-pocus linguistics»).

[16] Ср. Y. R. C h a o, The non-uniqueness of phonemic solutions of phonetic systems, «Bulletin of the Institute of History and Philology», Academia Sinica, IV, 4, Shanghai, 1934, p. 363—397.

[17] См. мои «Prolegomena to a theory of language»(См.рус. пер. наст. изд. с. 34.— *Прим. составителя*).

[18] Ф. де С о с с ю р, Курс общей лингвистики, перевод с французского, М., УРСС, 2003, часть II, гл. IV, в особенности § 2.

сделав все необходимые выводы (которые были сделаны современной лингвистикой для изучения плана выражения и которые в равной степени должны быть сделаны для изучения плана содержания), можно прийти к принципам структурной семантики.

Основной функцией является **коммутация** [19], или корреляция, предполагающая реляцию с корреляцией в противоположном плане языка. Два члена одной парадигмы, принадлежащие к плану выражения (или к означающему), называются **коммутируемыми** (или **инвариантами**), если замена одного из этих членов другим влечет за собой аналогичную замену в плане содержания (или в означаемом); с другой стороны, два члена одной парадигмы в плане содержания являются **коммутируемыми**, если замена одного члена другим влечет за собой аналогичную замену в плане выражения. Два члена одной парадигмы, которые не являются коммутируемыми, называются **субституируемыми** (или **вариантами**). Эти понятия можно обобщить таким образом, что они будут приложимы не только к парадигмам, но и к категориям (например, к категории падежа независимо от различий между отдельными падежными парадигмами: местоименными, именными и т. д.; или к категории согласных независимо от различий между начальной и конечной позицией в слоге). При этом проводится различие между «контекстными», или «комбинаторными», вариантами, каждый из которых зависит от своей индивидуальной парадигмы, и «свободными» вариантами, зависящими от одной и той же парадигмы. В особых случаях, когда при определенных синтагматических условиях коммутация устраняется и, следовательно, заменяется субституцией, имеет место **синкретизм:** так, коммутация, существующая (в плане содержания) в латинском и немецком языках между номинативом и аккузативом, устраняется в среднем роде и уступает место синкретизму этих двух падежей.

Таков, как известно, основной принцип метода, изложением которого мы здесь и ограничимся.

Мы знаем, например, что между звуками [s] и [z] (глухой и звонкий) имеет место коммутация во французском coussin «подушка»: cousin «кузен», poisson «рыба»:

---

[19] Из последних работ см. Eli Fischer—Jørgensen, The commutation test and its application to phonemic analysis, в сборнике «For Roman Jakobson», 1956, p. 140 f.

poison «яд»; в английском hiss «шипеть»: his «его», princess «принцесса»: princes «принцы» и в некоторых других языках; однако в датском языке, например, между этими звуками наблюдается субституция. Далее, в большом числе языков (самых различных типов) между согласными, называемыми tenues (p, t, k), и согласными, называемыми mediae (b, d, g), в частности в таком языке, как финский, между этими согласными представлена субституция. Аналогично мы можем считать, что и в плане содержания между «мужским родом» и «женским родом» (или между «мужским полом» и «женским полом») имеет место коммутация в личном местоимении французского il «он»: elle «она» и английского he «он»: she «она» и в ряде других языков и субституция в личном местоимении финского, венгерского и китайского языков, так как в этих языках замена одной из данных семантических величин другой величиной не влечет за собой соответствующей замены в плане выражения: *он* и *она* выражаются одинаково: в финском — hän, в венгерском — ö, в китайском — ¯thā.

Точно так же, если рассматривать только простые знаки, то четыре семантические величины — *старший брат*, *младший брат*, *старшая сестра* и *младшая сестра* — окажутся взаимно коммутируемыми в китайском и венгерском, тогда как в большинстве европейских языков между понятиями *старший* и *младший* наблюдается субституция, а в малайском языке субституция зафиксирована одновременно как между понятиями *старший* и *младший*, так и между понятиями *брат* и *сестра*[20]:

<table>
<tr><th></th><th>Венгерский</th><th>Француз-ский</th><th>Малайский</th></tr>
<tr><td>старший брат</td><td>bâtya</td><td rowspan="2">frère</td><td rowspan="4">sudarā</td></tr>
<tr><td>младший брат</td><td>öccs</td></tr>
<tr><td>старшая сестра</td><td>néne</td><td rowspan="2">soeur</td></tr>
<tr><td>младшая сестра</td><td>húg</td></tr>
</table>

[20] Этот пример является классическим. Еще в 1861 г. он был рассмотрен Августом Фридрихом Поттом; см. H. Steinthal,

Вообще термины родства являются весьма поучительным и легко доступным материалом для сравнения языков с точки зрения коммутации и субституции, так как обычно эти термины хорошо определены и так как само сравнение по этим терминам осуществляется легко. Сравнение усложняется, но зато становится еще более показательным, когда оно выявляет несовпадение семантических структур, как в следующем примере[21]:

<table>
<tr><th>Французский</th><th>Немецкий</th><th>Датский</th></tr>
<tr><td>arbre «дерево» (растение)</td><td>Baum</td><td rowspan="2">troe</td></tr>
<tr><td rowspan="2">bois «дерево», «лес» (материал) и «лес» (часть ландшафта)</td><td rowspan="2">Holz</td></tr>
<tr><td rowspan="2">skov</td></tr>
<tr><td>forêt «лес» (часть ландшафта)</td><td>Wald</td></tr>
</table>

Этих примеров, число которых может быть легко умножено, достаточно для того, чтобы проиллюстрировать принцип и сделать необходимые выводы. Необходимость признать внутри языка два плана — план выражения и план содержания — вытекает из самого принципа коммутации. Применяя соссюровские термины, мы можем сказать, что знак есть единство означаемого и означающего. Более того: знак устанавливается в силу отношения, связывающего обе его стороны. Коммутация позволяет увидеть, как это конституирующее знак отношение, эта основная **семиотическая функция** языка, изменяется от одного состояния языка к другому и как соответственно меняется структура содержания и структура выражения. Благодаря коммутации удается вскрыть структурные различия между разными состояниями языков и сделать первый решающий шаг к построению лингвистической типологии. Только коммутация позволяет определить для данного состояния языка число членов в той или иной категории. Сравнение языков показывает, что это число может быть

Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues в переработке Франца Мистелли, 1893, S. 1.

[21] «Prolegomena to a theory of language» (см. рус. пер. в наст. изд., с.77 — *Прим. составителя*).

различным: количество падежей, предлогов, времен, наклонений, союзов и т. д. может существенно изменяться при переходе от языка к языку. Кроме того, коммутация и сравнения, которые она позволяет осуществить, часто показывают, что члены одной категории по-разному упорядочены с парадигматической точки зрения, что границы между членами могут не перекрываться (как в примере arbre : bois : forêt), что члены категории могут находиться в партиципативном противопоставлении или факультативно замещать друг друга (например, подстановка «немаркированного» члена вместо «маркированного»; так, в большом количестве систем грамматического рода вместо женского рода может быть подставлен мужской, а в системах времен вместо прошедшего и будущего времени часто подставляется настоящее). Все сказанное решительно предостерегает против попыток выбрать в качестве основы для анализа экстралингвистические классификации: «Во всех этих случаях мы, следовательно, наблюдаем вместо заранее данных идей **значимости**, вытекающие из самой системы» (Ф. де Соссюр [22]). Открытие коммутации и принципа произвольности знака позволяет сохранить эмпирический метод и вместе с тем препятствует возврату к средневековой ars magna.

4. Теперь остается точно определить место **значимости** (valeur) по отношению к значению (signification). Этот вопрос прекрасно освещен в «Курсе» Ф. де Соссюра [23]: «Значимость, взятая в своем концептуальном аспекте, есть, конечно, элемент значения, и весьма трудно выяснить, чем это последнее от нее отличается, находясь вместе с тем в зависимости от нее». «Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще — главным образом — значимостью, а это уже совсем другое». «Говоря, что они [значимости] соответствуют понятиям, следует подразумевать, что эти последние чисто дифференциальны, т. е определены не положительно своим содержанием, но отрицательно своими отношениями с прочими элементами системы. Характеризуются они в основном именно тем, что они — не то, что другие». «...но само собой разумеется, что в этом понятии нет ничего перво-

---

[22] Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод с французского, М., УРСС, 2003, часть II, гл. IV, § 2, стр. 116.

[23] Там же, часть II, гл. IV, § 2.

начального, что оно является лишь значимостью, определяемой своими взаимоотношениями с другими значимостями того же порядка, и что без них значение не существовало бы».

Коммутация позволяет провести чрезвычайно важное различие между **формой и субстанцией** как в плане выражения, так и в плане содержания [24]. Отношение между формой и субстанцией является произвольным точно так же, как отношение между содержанием и выражением. Произвольность знака дублируется, таким образом, произвольностью отношения между формой и субстанцией в обоих планах.

Субстанция содержания заключена в значении. По отношению к форме содержания значение имеет ту же особенность, что и простая фонация по отношению к форме выражения: оно является произвольным. Что же касается формы, то ее образуют функции (реляции на синтагматической оси, корреляции на парадигматической оси) между величинами, составляющими форму, или, точнее, функции, определяющие эти величины.

К чему же сводится значимость — к значению или к форме содержания (в определенном выше смысле)? Может показаться, что значимость связана и с тем и с другим: можно подумать, что в противоположность **чистой** форме, определяемой внутренними функциями, значимость представляет собой **материальную форму** — способ, в соответствии с которым субстанция подчиняется чистой форме. Мы полагаем, однако, что такое понимание ошибочно и противоречит понятию значимости, как его мыслил Ф. де Соссюр. Значимость характеризуется чисто дифференциальными, оппозитивными и негативными чертами, и в ней нет ничего семантического. Значимость в соссюровском смысле является в обоих планах языка **элементом, который служит для определения парадигматической упорядоченности корреляций.** Число членов, определяющее состав категории или парадигмы и обусловливающее потенциальное поле деятельности для каждого из них; возможные партиципативные противопоставления (или факультативные замечания), о которых речь шла

[24] Louis H j e l m s l e v, Langue et parole в «Cahiers Ferdinand de Saussure», II, 1942, p. 29—44 (рус.пер.см.в наст. изд.: « Язык и речь», с. 165–174.— *Прим. составителя*). и «La stratification du langage» в «Linguistics Today»=«Word», X, № 2—3, 1954, p. 163—188.

выше; смысл, который необходимо придать этим противопоставлениям,— все это может изучаться и описываться без всякого обращения к субстанции. Так, мы можем констатировать идентичность систем грамматического рода в латинском и немецком языках или систем простых глагольных времен в английском, датском и немецком языках, учитывая все, что относится к значимости, но не вводя ни одного элемента значения.

Из самого принципа произвольности манифестации, т. е. реляции между формой и субстанцией, логически вытекает, что одна и та же форма может манифестироваться в различных субстанциях. При современном уровне исследований этот факт особенно отчетливо выступает в плане выражения, где он часто бывает доступен непосредственному наблюдению: одна и та же форма может, например, манифестироваться как в звуковой, так и в графической субстанции. Этот пример наглядно показывает различие между формой и субстанцией, а также место, которое значимость занимает по отношению к этому различию. Не только то, что реляционно, но и то, что корреляционно и дифференциально, относится к форме и не зависит от материальных фактов манифестации. Как только к рассмотрению привлекается материальный элемент либо специфически звукового, либо специфически графического порядка, мы оказываемся перед фактом субстанции. Дифференциальный факт остается фактом формы (а именно чистой формы) лишь при условии, что в определение не вводится ни одного дифференциального признака звукового или графического порядка. То, что значимость является элементом чистой формы, становится очевидным благодаря аналогиям с шахматной игрой и со стоимостью в экономике, на что указывал Ф. де Соссюр: «...и не только другая фигура, изображающая коня, но любой предмет, ничего общего с ним не имеющий, может быть отожествлен с конем, поскольку ему будет придана та же значимость»[25]. Монету можно обменять на другую монету — из другого металла или с другим изображением, на банкноту, на чек, на ценные бумаги; стоимость монеты определяется отнюдь не металлом, из которого она изготовлена[26].

---

[25] Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, перевод с французского, М., УРСС, 2003, ч. II, гл. III, стр. 111; ср. также гл. V, конец.
[26] Там же, гл. IV, § 3.

Прибавим для полноты, что все сказанное об описании значимости остается верным и для описания вариантов. Если даны формальные функции, с помощью простых подсчетов можно вычислить возможное число вариантов: для контекстных вариантов это будет конечное и точно определенное число, для свободных вариантов (каждого контекстного варианта) — теоретически бесконечное число. Как только мы введем описание произносимых звуков или написанных букв, но не раньше, мы окажемся в области субстанции[27].

Чтобы описать манифестацию инвариантов, можно выбрать различные способы. Наиболее удачным способом представляется следующий: с помощью абстракции строится «концепт», или родовое понятие, учитывающее насколько возможно все манифестации всех возможных вариантов[28]. Так, в плане выражения следует определить **фонематему и графематему (фонему и графему)**. Этот способ позволяет аналогичным образом определить и **сематему,** объединяя в «концепте», или в родовом понятии, частные значения, возможные с точки зрения данного узуса, из которого в соответствии с указанным методом можно вывести норму. Фонематему (фонему), графематему (графему) и сематему никоим образом не следует смешивать со значимостью, так как они принципиально отличны от нее. Они являются **«материальной формой»**, а «материальная форма» — это всего лишь отражение чистой формы, спроецированной на субстанцию, отражение, которое зависит от фактов субстанции и получается с помощью специальной индукции на основе частных значений, каковые в свою очередь являются материальными проекциями вариантов чистой формы.

Мы полагаем, что всех этих соображений достаточно для ответа на поставленный выше вопрос: можно ли считать, что значения образуют структуру? Да, можно и должно считать по двум причинам:

1) так как частные значения зависят от исчисления вариантов, которые выводятся логически из возможных

---

[27] Ср. «Prolegomena to a theory of language», p. 52—54 [рус. пер. в наст. изд., с. 103 и сл. — *Прим. составителя*].

[28] Ср. «Travaux de l'Institut de Linguistique», I, Paris, 1956, p. 163 и сл. (Louis H j e l m s l e v, Animé et inanimé, personnel et non-personnel).

реляций, предусмотренных при описании формы; 2) так как общие «значения», или сематемы, зависят от значимостей, которые также подчинены форме и определяют возможные корреляции. Значения не смешиваются ни с вариантами, ни со значимостями; варианты и значимости — это явления иного порядка.

К этому ответу нужно прибавить три следующих замечания: об **уровнях значений** (§ 5), об **анализе знаков** (§ 6) и об **уровнях семантического анализа** (§ 7).

5. Семантическая субстанция подразделяется на несколько **уровней**[29]. Крайние и в то же время наиболее важные и наиболее известные уровни — это физический уровень, с одной стороны, и уровень восприятия или коллективной оценки — с другой. Чтобы дать исчерпывающее и адекватное описание целого, надо, очевидно, описать все уровни и отношения между ними. Что касается этих отношений, то между уровнями существует определенная иерархия, которую необходимо выявить. По всей видимости, в первую очередь должно быть выполнено описание на уровне коллективной оценки. Этот уровень является константой, которую предполагают (селекционируют) другие уровни, в том числе физический уровень (который, как известно, может отсутствовать). Только уровень коллективной оценки позволяет наряду с прочими научно подойти к проблеме «метафор». Если мы хотим должным образом охарактеризовать семантический узус, принятый в каком-либо языковом коллективе и принадлежащий к описываемому нами языку, это следует делать отнюдь не с помощью физического описания означаемых вещей; напротив, это можно выполнить, лишь прибегнув к коллективным оценкам, принятым в данном коллективе, т. е. к социальному мнению. Семантическое описание должно состоять прежде всего в сближении языка с другими социальными институтами; именно в этой точке лингвистика соприкасается с другими отраслями социальной антропологии. Ведь одной и той же физической «вещи» могут соответствовать совершенно различные семантические описания — в зависимости от того, в рамках какой цивилизации рассматривается эта «вещь». Это верно не только для терминов непосредственной оценки (*хороший* и *плохой*,

[29] Более подробное изложение вопроса об уровнях субстанции можно найти в «Linguistics Today»=«Word», X, № 2—3, p. 175 f. (Louis Hjelmslev, La stratification du langage).

красивый и *безобразный*), не только для предметов, прямо связанных с цивилизацией (*дом*, *стул*, *король*), но и для явлений природы. *Лошадь*, *собака*, *гора*, *ель* и т. д. будут определены совершенно по-разному в обществе, которое знает (и опознает) все эти объекты как исконные, и в обществе, для которого эти объекты являются экзотическими феноменами. *Слон* — это одно для индейца или африканца, который приручает и использует слонов, боится или любит их, и совсем другое для европейца или американца, который знаком со слоном только по зоопаркам, циркам и зверинцам. *Собака* получит различные семантические определения у эскимосов, где собака — упряжное животное, у парсов, для которых она — священное животное, в индуистском обществе, где собака презирается как пария, и, наконец, в цивилизованном обществе Запада, где собака — домашнее животное, дрессируемое для охоты или для сторожевой службы. Во всех этих случаях зоологическое определение было бы явно недостаточным с лингвистической точки зрения. Необходимо понять, что речь здесь идет не о различии в степени, а о существенном и глубоком различии. Вопреки традиционному подходу не следует говорить, что в таком-то обществе собака является презираемым животным,— наоборот, надо говорить, что в этом обществе презираемым животным является собака. Итак, одно и то же определение может быть применимым для разных обществ и, следовательно, для разных языков, к «вещам», совершенно различным в других отношениях. Ведь вполне допустимо, чтобы в одном обществе «презираемым существом» считалась собака, в другом — проститутка, в третьем — колдунья или палач и так далее. Подобные семантические определения должны иметь серьезные последствия для чисто формального анализа рассматриваемых единиц.

6. Не только семантическая субстанция расчленяется на несколько уровней, но и сами семантические единицы также относятся к различным уровням: знаки с большим протяжением (например, слова), минимальные знаки (корни, аффиксы, например: in-dé-com-pos-able-s «не-раз-лож-им-ые»), части знаков. На уровне знаков (например, слов) количество единиц часто бывает неограниченным: так, существительные обычно образуют в любом языке **открытый класс**. Этим открытым классам противопоставляются **замкнутые классы:** служебные слова, аффиксы,

окончания и т. д. (например, класс предлогов, класс союзов или, вообще говоря, так называемые грамматические классы). Замкнутые классы встречаются и в области лексики: так, среди непроизводных прилагательных можно указать небольшие замкнутые классы, часто состоящие всего из двух членов (*большой : маленький*, *длинный : короткий*, *красивый : безобразный*, *горячий : холодный*). Структурное описание возможно лишь при условии, что открытые классы удается свести к замкнутым классам. Эта операция осуществляется при структурном описании плана выражения, когда каждый знак рассматривается как состоящий из таких элементов, сравнительно небольшое число которых оказывается достаточным для описания. Аналогично надо поступать и при описании плана содержания[30]. В ряде очевидных и давно известных случаев содержание знака легко раскладывается по такому же принципу, что и содержание выражения. Так, латинское именное окончание -ibus разлагается, с одной стороны, на четыре элемента выражения: i, b, u и s, а с другой — на два элемента содержания: *датив/аблатив* и *множественное число*. В английском языке знак am состоит из двух элементов выражения (a и m) и из пяти элементов содержания: *быть + 1-ое лицо + единственное число + настоящее время + индикатив*. В обоих планах эти элементы выделяются, как известно, посредством коммутации.

Указанный метод разложения содержания на элементы необходимо обобщить. Однако для того, чтобы упорядочить все лексические факты в соответствии с описанным принципом, предстоит выполнить чрезвычайно трудоемкую работу. Правда, большая подготовительная работа уже выполнена лексикографией: лексикографические определения одноязычных словарей являются по сути дела первым важным приближением к решению поставленной задачи.

Прибавим, что между двумя или несколькими элементами в содержании одного знака часто имеет место **синкретизм**: так, *лиса* — это, с одной стороны, *рыжее животное*, а с другой — *хитрое животное* и т. д. Заметим также,

---

[30] Более детально об этом говорится в «Prolegomena to a theory of language», p. 42 и сл. [рус. пер. см. в наст. изд., с. 90 и сл. — *Прим. составителя*].

что один и тот же элемент нередко может одновременно входить в состав знака, принадлежащего открытому классу, и быть идентичным другому знаку, который относится к замкнутому классу, например *мужской род* и *женский род* (или *самец* и *самка*) в знаках *бык* и *корова* и т. д. (тематические и обращенные морфемы [31]).

7. Предлагаемое нами разложение знаков на элементы не означает отказа от семантического описания знаков, взятых **целиком**, в том числе знаков различной протяженности и различных уровней. Здесь также имеет место абсолютная аналогия с анализом плана выражения, и в частности с фонологическим описанием. Фонологическое описание не сводится просто к описанию произношения одних лишь фонем; наоборот, для полноты описания необходимо, чтобы было описано произношение фраз, слогов, «фонетических слов». Точно так же семантическое описание не сводится просто к семантическому описанию элементов содержания, выделенных в результате анализа; остается необходимым описание манифестации больших единиц. **Значение слова** как до анализа, так и после него является основным объектом семантики; «семантическое слово», лексическое слово или просто слово сохраняет все свои права. Сочетая изучение знакомых уровней с изучением семантических уровней, можно прийти к построению **лексикологии**, которая в принципе будет аналогична лексикологии, недавно предложенной Маторе [32], «социологической дисциплине, использующей лингвистический материал, каковым являются слова». Обнаруживая «ключевые слова», характерные для данного общества в данную эпоху, и устанавливая как функциональную сеть подчиненных слов, зависящих от этих «ключевых слов», так и иерархию, определяющую эту сеть, семантика, понимаемая в описанном выше смысле, должна стать венцом исторической науки и в более общем виде социальной антропологии. Пример для иллюстрации можно привести из области лингвистики: ключевое слово **структура** является словом, определяющим основное направление современной лингвистики.

---

[31] См. мою статью «La nature du pronom» в «Mélanges van Ginneken», 1937, p. 51—58.

[32] G. Matoré, La méthode en lexicologie, 1953.

В.П. Мурат

ГЛОССЕМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ *

Глоссематика как особое направление современного структурального языкознания возникла в кружке датских лингвистов, в основном Копенгагенского университета, занимавшихся фонологией и изучением структуры языка и объединившихся в 1931 году в Копенгагенский лингвистический кружок. Основателем Копенгагенского лингвистического кружка (совместно с В. Брёндалем, 1887—1942) и создателем глоссематической теории (в сотрудничестве с Х. Ульдаллем, 1907—1957, и другими учеными) является директор Института лингвистики и фонетики при философском факультете Копенгагенского университета профессор Луи Ельмслев (род. 1899 г.) [1].

Термин «глоссематика» (от греч. γλῶσσα 'язык') как название новой лингвистической теории появляется в лингвистической литературе начиная с 1936 г.[2] Он был введен создателями теории для того, чтобы «провести грань между традиционным языкознанием и новым структурным методом исследования» [3]. В конце 30-х годов, а также в 40-х и 50-х годах в различных периодических изданиях появился ряд статей Л. Ельмслева, Х. Ульдалля и др., в которых излагались основные положения

* Впервые опубликовано в сб.: Основные направления структурализма. М.: Наука, 1964. С. 127-176. Общ. редакция М. М. Глухман и В. Н. Ярцевой.— *Прим. составителя.*

[1] С 1934 г. выходит «Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague» (здесь сокращенно: BCLC); в 1939 г. В. Брёндаль и Л. Ельмслев начали публикацию журнала «Acta Linguistica» (сейчас журналом руководит Л. Ельмслев); существует также и непериодическое издание «Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague», первый том которого появился в 1944 г. (здесь сокращенно: TCLC).

[2] Ср., например, совместную работу Л. Ельмслева и Х. Ульдалля «Synopsis of an outline of glossematics» (1936 г.), доложенную на VI Международном конгрессе лингвистов (см. TCLC, 1959, vol. 11, стр. 267).

[3] См.: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике. (наст. изд., стр.157—164).

глоссематики или по-новому, в свете глоссематической теории, рассматривались некоторые более частные проблемы[4].

В 1943 г. в Копенгагене на датском языке вышла небольшая книга Ельмслева «Omkring sprogteoriens grundlæggelse»[5], представляющая собой краткое общее введение в глоссематику, а в 1957 г. была опубликована «Outline of glossematics» Х. Ульдалля[6] (Copenhagen, 1957 — TCLC, vol. X) — первая часть книги, задуманной Ельмслевом и Ульдаллем еще до войны.

Заявка, сделанная работами Ельмслева и Ульдалля, привлекла внимание лингвистов разных стран, а обсуждение основных проблем глоссематики не раз приводило к оживленным дискуссиям и породило обширную критическую литературу в зарубежном[7] и

[4] См., например: L. Hjelmslev. On the principles of phonematics. «Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences». London, 1936; Он же. Essai d'une théorie des morphèmes. «Actes du Quatrième Congrès international de Linguistes». Copenhague, 1938; Он же. Forme et substance linguistique. — BCLC, 1939, vol. IV, и др. Наиболее важные из работ Л. Ельмслева собраны в специальном томе TCLC, опубликованном по случаю шестидесятилетия Л. Ельмслева (см. TCLC, 1959, vol. 11). Избранную библиографию трудов Л. Ельмслева см. в сб.: «Recherches structurales». Copenhague, 1949, стр. 305—307 (TCLC, vol. V), а также в TCLC, 1959, vol. 11, стр. 251—271. См. также: H. Uldall. The phonematics of Danish. «Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences»; Он же. Speech and writing. «Acta Linguistica», 1944, vol. IV, fasc. 1; Он же. On equivalent relations. «Recherches structurales» и др.

[5] В 1953 г. книга была переведена на английский язык под названием «Prolegomena to a theory of language» (Приложение к IJAL, vol. 19. Indiana Univ. Publ. in Anthropology and Linguistics. Memoir 7. Baltimore, 1953). [Рус. пер. наст. изд., стр. 29-154. — *Прим. составителя*.]*

[6] Русский перевод первой части этой книги под названием «Основы глоссематики» см. в сб.: «Новое в лингвистике», вып. I.

[7] См., например: C. E. Bazell. [Рец.] L. Hjelmslev. Omkring sprogteoriens grundlæggelse. «Archivum Linguisticum», 1949, vol. 1, fasc. 1; E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes d'analyse phonémique. «Recherches structurales». Она же. The commutation test and its application to phonemic analysis. — В сб.: «For Roman Jakobson». The Hague, 1956; M. Fowler. [Рец.] K. Togeby. Structure immanente de la langue française. «Language», 1953, vol. 29, № 1; P. Garvin. [Рец.] L. Hjelmslev. Prolegomena to a theory of language. «Language», 1954, vol. 30, № 1; L. Hammerich. Les glossématistes danois et leurs méthodes. «Acta Philologica Scandinavica», 1952, Bd. 21, № 1; E. Haugen. Directions in modern linguistics». «Language», 1951, vol. 27, № 3 (русск. перевод см. в сб.: «Новое в лингвистике», вып. 1); Он же. [Рец.] L. Hjelmslev. Prolegomena to a theory of language. — IJAL, 1954, vol. 20, № 3; Sv. Johansen. Glossematics and logistics. «Acta Linguistica», 1950, vol. VI, № 1; A. Martinet. Au sujet des Fondements de la théorie linguistique de L. Hjelmslev. — BSL, 1946, vol. 42, fasc. 1—2 [Рус. пер. наст. изд., стр. 3-28]; Он же. [Рец.] K. Togeby. Structure immanente de la langue française. «Word», 1953, vol. 9, № 1; Он же. Structural linguistics. — В сб.: «Anthropology today». Chicago, 1953; A. Nehring. [Рец.] «Recherches structurales». — «Word», 1953,

*Далее стр. русского перевода «Пролегоменов» дается по наст. изд.— *Прим. составителя*.

в советском языкознании[8]. Вместе с тем в настоящее время еще нельзя, по-видимому, говорить о глоссематике как о вполне сложившейся теории, окончательно оформившейся и в общих своих положениях и в частностях. Об этом свидетельствуют известные теоретические расхождения между создателями глоссематики, а также то обстоятельство, что на большое число теоретических и практических вопросов, возникающих при знакомстве с глоссематической теорией, существующие работы по глоссематике ответа пока не дают (подробнее см. ниже). Впрочем, сами авторы глоссематической теории неоднократно указывали на предварительный, рабочий характер своих гипотез и выводов[9].

Число «подлинных» глоссематиков, по-видимому, невелико. Даже Копенгагенский лингвистический кружок нельзя назвать единой школой, программой которой была бы глоссематика[10].

---

vol. 9, № 2; B. Siertsema. A study of glossematics. The Hague, 1955; H. Spang-Hanssen. Recent theories on the nature of the language sign. Copenhague, 1954 (TCLC, vol. 9); Он же. Glossematics. «Trends...»; H. Vogt. [Рец.] L. Hjelmslev. Omkring sprogteoriens grundlæggelse. «Acta Linguistica», 1944, vol. IV, № 1; R. Wells. [Рец.] «Recherches structurales». — «Language», 1951, vol. 27, № 4; Fr. Whitfield. [Рец.] B. Siertsema. A study of glossematics. «Language», 1955, vol. 31, № 4; Он же. Linguistic usage and glossematic analysis. «For Roman Jakobson» и др.

[8] См., например: О. С. Ахманова. Глоссематика Луи Ельмслева как проявление упадка современного буржуазного языкознания. — ВЯ, 1953, № 3; Она же. О понятии «изоморфизма» лингвистических категорий. — ВЯ, 1955, № 3; Она же. Основные направления лингвистического структурализма. М., 1955; О. С. Ахманова и Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории. М., УРСС, 2003, стр. 37—50; В. А. Звегинцев. Глоссематика и лингвистика. «Новое в лингвистике», вып. 1, стр. 215—243; Он же. Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления. «Вопросы философии», 1961, № 12; Ю. К. Лекомцев. Основные положения глоссематики. — ВЯ, 1962, № 4; Б. А. Успенский. Лингвистическая жизнь Копенгагена. — ВЯ, 1962, № 3; С. К. Шаумян. О сущности структурной лингвистики. — ВЯ, 1956, № 5; Он же. Структурная лингвистика как имманентная теория языка. М., 1958; Он же. Структурные методы изучения значений. «Лексикографический сборник», № 5. М., 1962; Он же. Преобразование информации в процессе познания и двухступенчатая теория структурной лингвистики. В сб.: «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, и др.

[9] См., например: L. Hjelmslev. Editorial. «Acta Linguistica», 1944, vol. IV, № 3, стр. V—VI, а также: Он же. La stratification du langage. «Word», 1954, vol. 10, № 2—3, стр. 164, 173, или H. Uldall. Outline of glossematics, стр. 33 и др.

[10] «Интерес к этой новой теории очень велик, но число подлинных глоссематиков гораздо меньше, чем думают некоторые критики», — пишет Б. Сиертсема по этому поводу (см. «A study of glossematics», стр. 28). Л. Хаммерих в названной выше статье также особо подчеркивает: «Мы, датские лингвисты-неглоссематики...» (стр. 21). И даже в предисловии к «Recherches structurales» составители специально оговаривают, что данный сборник является не «программой единой школы», но лишь свидетельством «общности настроений и интересов у группы лингвистов, стремящихся глубже осмыслить основные проблемы лингвистики» (стр. V).

Большинство же крупных зарубежных лингвистов занимает выжидательную позицию, высказываясь о глоссематике с большой осторожностью [11]. И нет, разумеется, недостатка в резких критических выступлениях [12]. Однако интерес к глоссематической теории продолжает оставаться значительным, и это, без сомнения, связано с тем интересом, который неизменно вызывают все попытки применить к гуманитарным наукам методы точных наук, сделать гуманитарные науки точными. Стремление авторов глоссематической теории создать имманентную алгебру языка, позволяющую осуществить более последовательное и в то же время более исчерпывающее и простое описание естественных языков, чем те, которые существовали до сих пор, заслуживает поэтому внимания.

Рассмотрим, какими путями идут к «имманентной алгебре» языка Л. Ельмслев и Х. Ульдалль и каковы основные положения глоссематики.

Констатируя в работе «Outline of glossematics» общее отставание гуманитарных наук от точных, Ульдалль задается вопросом о причинах такого отставания, которые могут корениться: 1) в материале, с которым приходится иметь дело гуманитарным наукам, и 2) в методах, применяемых гуманитарными науками к своему материалу. В материале, в его количестве и качестве между гуманитарными и точными науками, по мнению Ульдалля, принципиального различия нет. Все различие заключается в применяемом методе, в подходе к своему объекту. И в этом отношении в адрес гуманитарных наук, в том числе и лингвистики, можно сделать ряд серьезных упреков. Во многом справедливо критикуя традиционное языкознание XIX в., В. Брёндаль отмечает, что в то время как самым важным для всякой науки является постоянное, неизменное, идентичное в ее объекте, лингвисты прошлого занимались почти исключительно эмпирически наблюдаемыми отдельными фактами, в основном звуками речи и их изменениями. Язык был для них просто суммой индивидуальных речевых актов, а сам их подход к языку — атомистическим и субъективистским [13]. О преобладании в лингвистике прошлого индуктивных методов, об изучении учеными XIX в. лишь внешней стороны знаков и только диахронического аспекта языка, да и то «под углом зрения физиологии и психологии», говорит и Ельмслев [14].

---

[11] См., например, упомянутые рецензии П. Гарвина, Э. Хаугена, Х. Фогта и др.

[12] См., например, указанные рецензии А. Мартине, Л. Хаммериха, А. Неринга и др.

[13] См.: В. Брёндаль. Структуральная лингвистика. В кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. М., 1960, стр. 40 и сл.

[14] См.: Л. Ельмслев. Язык и речь. Там же (см. наст. изд., стр. 165–174).

В XX в. точные науки ушли далеко вперед по сравнению с гуманитарными. Если гуманитарные науки, в том числе и лингвистика, в своем анализе до сих пор не идут дальше «вещей» (things), точные науки, подчеркивают Ельмслев и Ульдалль, давно отказались от «примитивно-реалистического» взгляда на мир как на совокупность вещей и имеют дело только с одним аспектом действительности — с отношениями между вещами, с функциями. Сами же вещи — это лишь точки пересечения функций. Ульдалль говорит о больших перспективах, которые открываются при таком подходе и перед лингвистикой — о возможности обобщения явлений, связь между которыми иным путем не могла бы быть обнаружена, о возможности отказаться от нелингвистических сведений — физиологических, социологических, психологических — и стать, наконец, подлинно автономной и объективной наукой именно за счет строгого отбора для изучения функций, необходимых и достаточных для непротиворечивого, исчерпывающего и простого описания языка [15]. Возражая тем, кто считает, что в языке в отличие от явлений, изучаемых естественными науками, факты не регулярны (non-recurrent) и потому их нельзя исследовать точными обобщающими методами, но можно лишь описывать один за другим, Ельмслев выдвигает положение о научной правомерности описания языка как «автономной сущности (entité) внутренних зависимостей, иными словами — как структуры» [16]. Внутренние зависимости, образующие структуру языка, и есть то «постоянное, неизменное, идентичное», что должно составить подлинный предмет лингвистики. У языка действительно существуют различного рода связи — биологические, физиологические, психологические, социологические, но они, по Ельмслеву, не составляют внутренней сущности языка, и структурная лингвистика, которая подходит к языку изнутри (то есть является имманентной), вправе от них абстрагироваться [17].

Аналогичные мысли высказывает Л. Ельмслев и в других своих работах [18]. Языком слишком долго пользовались для того,

---

[15] См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 403 и сл., а также: L. Hjelmslev. La notion de rection. «Acta Linguistica», 1939, vol. 1 (см. рус. пер. «Понятие управления» в наст. изд., стр. 155-157. — *Прим. составителя*). — Аналогичное стремление отказаться от нелингвистических критериев и оперировать только фактами структуры языка, понимаемой, правда, иначе, чем в глоссематической теории, наблюдается и в американской дескриптивной лингвистике (см., например: L. Bloomfield. Language. N. Y., 1933, стр. VII; Z. S. Harris. Methods in structural linguistics. Chicago, 1951, стр. 3 и 7, и др.)

[16] См. L. Hjelmslev. Éditorial, стр. V—XI.

[17] См. Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 32, 34.

[18] Проблема применимости точных методов математики к материалу языкознания и других социальных наук интересует ученых самых различных специальностей. Так, известный этнограф К. Леви-Строс в статье «Language and the analysis of social laws» («American Anthropologist», 1951, vol. 53, стр. 155 и др.) высказывает ряд соображений, перекликаю-

чтобы узнать что-то лежащее за ним. При этом изучались периферийные стороны языка, но упускался из виду подлинный объект лингвистики, основное, что есть в языке, — его структура. Настала пора изучить сам язык и не как конгломерат нелингвистических явлений, а как самодовлеющую структуру sui generis. А это возможно сделать лишь описав зависимости, существующие между элементами языка и образующие структуру данного языка. Как исследуемый объект, так и его части существуют лишь в силу того, что образуют отношения. То, что для «наивного реализма» является «объектами», на самом деле не что иное как точки пересечения, пучки таких отношений. Реальными языковыми единицами являются отнюдь не звуки, буквы или значения, но представленные этими звуками, буквами или значениями элементы соотношений... Именно эти соотношения и составляют систему языка, и именно эта внутренняя система является характерной для данного языка в отличие от других языков[19].

Язык может быть реализован единицами устной или письменной речи, может быть передан по телеграфу, азбукой Морзе или морскими флажками. Единицы, составляющие язык, в этих случаях различны, но остов отношений остается тем же, и именно это позволяет опознать язык. Для науки, по Ельмслеву, не существенна та субстанция, в которой манифестируется данная языковая форма. Следовательно, единственно научным будет такое описание языка, при котором регистрируются отношения между единицами, независимо от тех особенностей, которые присущи этим единицам, но безразличны для указанных отношений или невыводимы из них. Каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающим знания или описания самих элементов, входящих в соотношения. С точки зрения имманентной теории языка не имеет значения, оперирует ли лингвист реальными языковыми единицами или какими-либо алгебраическими знаками[20].

Таким образом, подобное определение языка с неизбежностью приводит к тому, что стираются принципиальные грани между языками и другими знаковыми структурами, и к языкам начинают относить и такие структуры, которые раньше языками не признавались. Для этого они лишь должны подходить под

щихся с идеями глоссематиков. Такова, например, мысль о возможности путем исчисления создать фонологическую типологическую таблицу, которая напоминала бы таблицу элементов Менделеева и в которой нашлось бы место для фонем всех языков, как реально существующих, так и просто возможных (стр. 157).

[19] См. Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике (см. наст. изд., стр. 157–164. — *Прим. составителя*).

[20] По мысли Ульдалля, идеальное научное утверждение имеет форму «*a* больше, чем *b*, хотя об *a* и *b* как о „вещах в себе" наука может ничего не знать. В глоссематической алгебре этому соответствует утверждение: *a* предполагает *b*». См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 414.

определение «семиотики»: «Семиотика — это иерархия (то есть класс классов), любой из сегментов которой допускает дальнейшее членение на классы, определяемые взаимной реляцией, таким образом, что каждый из этих классов допускает членение на дериваты, определяемые взаимной мутацией»[21]. Глоссематическое изучение световых сигналов, регулирующих уличное движение, боя башенных часов, отбивающих часы и части часа, азбуки Морзе, стуковой азбуки заключенных и т. п. может, по мнению Ельмслева, дать много интересного для языкознания, поскольку указанные структуры обнаруживают как бы элементарные модели без всех тех осложнений, которые характерны для высокоразвитых структур естественных человеческих языков.

Иными словами, то, что обычно называют языками, — естественные звуковые языки — это лишь одна из разновидностей языков вообще[22]. Лингвистика, изучающая естественные звуковые языки, должна поэтому войти в состав более широкой науки о знаковых структурах вообще, истинной теории языка в структурном смысле — семиологии[23]. Позднее, в работе «Пролегомены к теории языка», Ельмслев обращает внимание на особое место, которое язык занимает среди других знаковых структур («Язык — это такая семиотика, в которую могут быть переведены любые другие семиотические структуры»), и объясняет это тем, что естественные языки и только они способны из ограниченного числа элементов-незнаков создавать бесконечное число знаков и по свободным правилам строить более крупные единицы, формируя любой материал, но это осталось только декларацией[24].

---

[21] См. Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 126.

[22] В редакционной статье (см. «Acta linguistica», vol. IV, 1944, стр. X) Ельмслев говорит о языках «лингвистических» (langues linguistiques) и не лингвистических (non-linguistiques).

[23] Как известно, впервые возможность объединения лингвистики с некоторыми другими науками в пределах «весьма общей науки, называемой семиологией», была предсказана Соссюром (см. R. Godel. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure, Genève—Paris, 1957, стр. 181), отметившим, что предмет такой науки составляют «законы создания и трансформации знаков и их смысла», «жизнь знаков в обществе» (там же, стр. 82) и что «наиболее развитой семиологической наукой является лингвистика» (там же, стр. 181). Однако первые реальные шаги в этом направлении были предприняты только недавно, в связи с успехами математической логики и кибернетики (см. С. К. Шаумян. Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика. «Вопросы философии», 1960, № 9, стр. 128).

[24] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 129. — Однако в целом в глоссематических работах, возможно, в силу их полемической заостренности против традиционного языкознания, акцентируются черты, сближающие язык с другими семиотическими системами, и недостаточно, на наш взгляд, подчеркиваются существующие между ними различия. Естественный человеческий язык и его систему нельзя полностью отождествлять с другими знаковыми системами, хотя между ними и *есть несомненное сходство в определенных отношениях. Язык* не является столь прозрачной, стройной и рациональной структурой, как дру-

При структурном подходе к языку снимается, далее, как утверждают глоссематики, различие между всеми единицами языка — предложениями, словами, морфемами, слогами, фонемами — все они характеризуются однотипными функциями и могут быть рассмотрены в едином процессе анализа. Снимается тем самым и различие между традиционными разделами языкознания — лексикологией и грамматикой, грамматикой и фонетикой и т. д. Структурный подход якобы позволяет избегнуть «старого несовершенного деления лингвистики на фонетику, морфологию, синтаксис, лексикографию и семантику — деления, неудовлетворительного во многих отношениях и, в частности, перекрывающего одни понятия другими» [25].

Вместо этого в глоссематике вводится членение языка на четыре пласта или слоя (strata), исходя из двух дихотомий: содержание ÷ выражение и субстанция ÷ форма. Введение второго противопоставления — противопоставления субстанции ÷ формы — в добавление к противопоставлению содержания ÷ выражения, которое известно в лингвистической литературе довольно широко (например, у дескриптивистов), — характерная черта именно глоссематической теории [26]. Признать наличие

гие семиотические системы. В нем можно вскрыть напластования различных эпох, многочисленные явления, совершенно не мотивированные с точки зрения современного состояния языка или логики, множество избыточных явлений, не укладывающихся в рамки строго логической схемы, и т. п. Языкознание, если оно хочет остаться самостоятельной наукой, должно учитывать в первую очередь не то, что сближает язык с объектами изучения других наук, но то, что составляет специфику естественных звуковых человеческих языков, неотделимых от истории и культуры народов, не существующих вне своей материи и формы, сложившихся в процессе длительного исторического развития.

[25] См. Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 83.

[26] На большое теоретическое значение этого двойного противопоставления указывал, в частности, Р. Уэллз (см.: R. Wells. Указ. рец., стр. 555 и сл.), отмечая, что многие лингвисты, и даже Л. Блумфилд, часто смешивали эти дихотомии. Сравнивая систему Ельмслева с лингвистической системой Блумфильда, Р. Уэллз устанавливает, что ближайшим соответствием планам выражения и содержания в глоссематике будет форма и значение у Блумфилда. Однако различие систем этих лингвистов в целом делает данное соответствие весьма приблизительным. Разграничение формы и субстанции в плане выражения у Блумфилда, по сравнению с Ельмслевом, отличается нечеткостью, а в плане содержания грань между формой и субстанцией не проведена совсем. Наконец, по мнению Блумфилда, выражение (≈ форму) можно и нужно изучать безотносительно к содержанию (≈ значению), против чего решительно возражает Ельмслев. Р. Уэллз считает решение проблемы значения у Ельмслева более удачным (ingenious), чем у Блумфилда, отождествившего значения с вещами, явлениями реальных ситуаций и т. п. и тем самым выведшего изучение значений за пределы языкознания (там же, стр. 560). Сопоставление содержания основных понятий глоссематики с соответствующими понятиями у представителей других лингвистических направлений дается также в статье Э. Фишер-Йоргенсен (см.: E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes d'analyse pho-

в языке четырех пластов, то есть субстанции содержания, формы содержания, субстанции выражения и формы выражения, — вынуждает то обстоятельство, что «компоненты одного плана не могут быть найдены посредством анализа компонентов какого-либо другого плана...» [27]. В этой связи развиваются идеи, близкие философскому идеализму разных направлений. Так, по утверждениям глоссематиков, вне упорядочивающей структуры языка существуют аморфные массы, непрерывности (purport) двоякого рода: нерасчлененная масса человеческого опыта, предметов, мыслей (thought-mass) и нерасчлененная физическая цепь звуков (sound-mass). Язык упорядочивает, формирует эти аморфные массы в субстанцию содержания и субстанцию выражения. В отличие от распространенного употребления терминов «содержание» и «выражение» — первого для обозначения содержания высказываний, области значений, а второго — для обозначения материальных средств передачи сообщения [28], — в глоссематической теории эти термины выступают как чисто условные и соотносительные, и их без ущерба для анализа можно менять местами [29]. Субстанция содержания — это факты действительности, понятия и т. д., так или иначе отраженные в языке, это мир «оформленных мыслей». Субстанция выражения — это цепь звуков, оформленных, систематизированных языком, это мир «оформленных звуков». Аморфная масса предметов и мыслей превращается в субстанцию содержания и становится доступной научному анализу, когда на нее, подобно сетке, накладывается форма содержания языка. Аморфная масса звуков превращается в субстанцию выражения тогда, когда на нее наложена форма выражения того или иного языка. В различных языках этот процесс дает разные результаты в силу того, что форма содержания и форма выражения данных языков неодинаковы [30].

---

némique, стр. 216, 217). То, что в американской лингвистике обычно рассматривается как «значение», частично совпадает в теории Ельмслева с «субстанцией содержания»; то, что Блумфилд называет «формой», включает, с точки зрения глоссематиков, частично «субстанцию выражения», «форму выражения» и «форму содержания», а так называемая «селекция» у Блумфилда совпадает в значительной степени с глоссематической «формой содержания».

[27] См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 426.

[28] См., например: Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959, стр. 32—33.

[29] Как подчеркивает сам Ельмслев, содержание в глоссематическом смысле не следует отождествлять с традиционно понимаемым значением. Содержание какого-либо выражения может, например, с точки зрения формальной логики быть охарактеризовано как бессмыслица, но тем не менее оставаться содержанием в силу того, что связано с данным выражением знаковой функцией.

[30] Во многом сходные мысли о языке, «формирующем мир» для говорящего, о языке как мировоззрении нашли отражение в американской лингвистике в так называемой гипотезе Сепира — Уорфа, а в Евро-

Сказанное можно пояснить на примерах. Цепь /bʌts/, в основном сходная, как материал (purport), в русском и английском языках, приобретает в этих языках разную форму, потому что в русском языке здесь различаются три единицы /бац/, а в английском — четыре /bʌts/. Ср. также приведенный Ельмслевом пример разного оформления одного и того же материала выражения — названия города Берлина — в различных языках: англ. [bə:'lin], нем. [b̥ɛr'li:n], дат. [b̥æʁ'li'n], яп. [bɛrulinu] (можно добавить также и русск. [б'иᵉрл'йн])[31].

Аналогичным образом обстоит дело и в плане содержания. Так, материал (purport) содержания {93} имеет в русском, английском, немецком и французском языках разную форму — ср. *девяносто три*, ninety three, drei und neunzig и quatre-vingt treize и т. п. Общий материал содержания «не знаю» расчленен и оформлен в различных языках по-разному: naluvara (эским.), nescio (лат.), en tiedä (финск.), je ne sais pas (франц.), I do not know (англ.), jeg véd det ikke (датск.), то есть, например, в эскимосском языке он выступает как «не-знающий -есмь-я-это» (от nalo 'невежество' с суффиксами для первого лица субъекта и третьего лица объекта), в датском же сначала идет jeg 'я', затем véd 'знаю' (наст. время, изъявит. накл.), затем объект det 'это' и, наконец, отрицание ikke и т. п.[32]

Общеизвестны и многие другие подобные примеры — терминология цвета, родства и т. д. в разных языках, членение грамматического поля числа, времени, наклонения и т. п.[33] Каждый язык проводит свои границы в аморфной «массе мысли», по-разному располагает их и выделяет различные факторы; помещает центры тяжести в различных местах и дает им различную эмфазу[34]. Субстанция содержания, как жидкость, принимает в различных языках различную форму.

не — в теориях неогумбольдтианской этнолингвистики (см., например: E. Sapir. Conceptual categories in primitive languages. «Science», 1931, vol. 74; B. L. Whorf. Language, thought and reality. London, 1956; H. Basilius. Neo-Humboldtian ethnolinguistics. «Word», 1952, vol. VIII, № 2 и др.). Однако американские лингвисты, исходя из этого, стремятся вскрыть сложные связи, а если возможно, — соответствия между языком, мышлением и культурой того или иного народа и, как правило, оперируют фактами исключительно плана содержания — лексическими и грамматическими значениями, тогда как для Ельмслева форма имманентна для языка и является важнейшей категорий лингвистики не только в плане содержания, но и в плане выражения.

[31] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 76.

[32] См.: Там же, стр. 74.

[33] См. там же, стр. 79, а также: Л. Ельмслев. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру. «Новое в лингвистике», вып. 2. М., 1962, стр. 127. См., кроме того: А. А. Реформатский. О сопоставительном методе. «Русский язык в национальной школе», 1962, № 5, стр. 29 и др.

[34] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 75.

Таким образом, в языке выделяются план содержания и план выражения, каждый из которых имеет и свою субстанцию и свою форму. Содержание и выражение — планы равноценные и взаимозависимые, ни один из них не существует без другого (функция — интердепенденция). Отношения в каждом плане между субстанцией и формой — отношения подчинительные, форма является определяющей и постоянной, субстанция — зависимой и переменной (функция между ними — детерминация):

лингвистика

С ⟶ Ф ⟷ Ф ⟵ С

содержание содержание выражение выражение

где С — субстанция, Ф — форма, ⇄ — детерминация, а ⟷ — интердепенденция.

Именно потому, что форма является определяющей и постоянной в отношении с субстанцией, она и должна, по Ельмслеву, стать основным объектом анализа как в плане содержания, так и в плане выражения. Субстанции выражения и содержания, напротив, к лингвистическому анализу прямого отношения не имеют, и лингвист вправе от них абстрагироваться. Поэтому фонетику и семантику, изучающие данные субстанции, следует вывести из языкознания как вспомогательные дисциплины, а изучение выражения и содержания языка построить на чисто формальной функциональной основе [35].

Однако то, что для лингвиста является субстанцией, может стать для другой науки формой, то есть основным объектом исследования (как, например, звуки для физики или мысли для психологии).

Введение формы содержания в сферу лингвистического анализа — также характерная черта именно глоссематической теории, отличающая ее, скажем, от дескриптивного языкознания, многие представители которого считают, что как только лингвист вступает в область содержания, он покидает пределы лингвистики» [36].

---

[35] Мысль о возможности выведения фонетики (phonology), как вспомогательной дисциплины, за пределы языкознания была высказана еще Соссюром (см.: R. Godel. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure, стр. 54). За пределами собственно лингвистики (microlinguistics) оказываются, хотя и из других соображений и в иных сечениях, фонетика и семантика и в системе Дж. Л. Трейгера, где они образуют соответственно долингвистику (prelinguistics) и металингвистику (metalinguistics) (см.: G. L. Trager. The field of linguistics. «Studies in Linguistics», Occasional papers, № 1. Norman, Oklahoma, 1949, стр. 3, 7).

[36] См. об этом: Ч. Фриз. Значение и лингвистический анализ. «Новое в лингвистике», вып. 2, стр. 98—100, а также: J. Carroll. The study of language. A survey of linguistics and related disciplines in America. Cambridge, Mass., 1955, стр. 31—32.

На основе противопоставления содержания ÷ выражения и формы ÷ субстанции строится глоссематическое определение языка и знака. Язык — это своеобразная организованная и упорядоченная форма между двумя субстанциями, субстанцией содержания и субстанцией выражения, или, иначе, — своеобразная форма содержания и выражения. Знак — это единица, состоящая из формы содержания и формы выражения, связанных между собой знаковой функцией (солидарность) [37].

Изучение формы содержания называется плерематикой, а соответствующие единицы — плеремами (от греч. πλήρης 'полный', то есть 'включающий кусок содержания'), изучение же формы выражения, которое должно осуществляться аналогичными методами, при помощи аналогичных операций, носит название кенематики, а соответствующие единицы — кенемы (от греч. κενός пустой'). Элементы выражения называются кенемами, а не фонемами (звуковыми единицами) потому, что для глоссематики язык — прежде всего форма, и не имеет большого значения, какая субстанция используется для реализации этой формы, чтобы сделать эту форму материально воспринимаемой [38].

Каждый из планов существует в виде иерархий — системы и последовательности (текста). Текст — относительная иерархия, различные классы элементов в нем сосуществуют (функция «и—и», конъюнкция), система — соотносительная иерархия, из двух классов элементов каждый раз может существовать только один (функция «или—или», дизъюнкция). Так, например, в последовательностях *сок* или *там* элементы *с-о-к*, с одной стороны, и элементы *т-а-м*, с другой, сосуществуют, они совместимы, в то время как элементы *с-т*, *о-а*, *к-м* не совместимы, мы выбираем из них каждый раз какой-либо один.

За всяким текстом всегда стоит система. Текст путем анализа возможно разложить на ограниченное число элементов, постоянно повторяющихся в различных комбинациях. На основе такого анализа по признаку сходства функций элементы объединяются в классы и тем самым сводятся в систему. Существование системы — необходимая предпосылка существования текста, но не наоборот — система может существовать и не выявляясь в тексте. Таким образом, функция между системой и текстом подчинительная («детерминация»), постоянной величиной здесь является система, а текст — величина переменная, необязательная для существования системы [39]. Исходя из системы можно сделать неко-

---

[37] См.: L. Hjelmslev. La stratification du langage, стр. 163.

[38] Для большинства американских лингвистов основной единицей формы выражения явилась бы фонема, а формы содержания — морфема. См.: E. Haugen. Указ. рец., стр. 249.

[39] Положение о первичности системы по сравнению с текстом (хотя она, в отличие от текста, и не дана нам в непосредственном опыте) вы-

торые выводы относительно тех элементов, которые еще не существуют, не установлены, и даже предсказать возможные изменения элементов.

Для семиотических структур помимо языка (естественного человеческого языка) Ельмслев вводит более широкие термины: синтагматика (семиотический текст) и парадигматика (семиотическая система). Система — это и есть то постоянное, идентичное, неизменное, что представляет первостепенную важность для науки, как об этом писали еще в 1939 году В. Брендаль и Л. Ельмслев [40], и что лежит в основе всех языковых изменений.

Рассмотрим теперь принципы лингвистического анализа, предлагаемые глоссематикой.

Целью глоссематической теории является создание метода описания языка — описания непротиворечивого, исчерпывающего и возможно более простого [41]. Описание будет исчерпывающим, если оно проводится до тех пор, пока (в пределах применяемого метода) не окажется никакого остатка, т. е. пока весь объект не сведен к структуре рассматриваемого типа [42]. Описание будет полным, если оно, оставаясь непротиворечивым и исчерпывающим, раскрывает объект как состоящий из возможно меньшего числа единиц. Процедуру, при помощи которой такое описание может быть достигнуто, Ельмслев называет дедукцией, используя данный термин в не вполне обычном смысле [43]. В противоположность обычной лингвистической процедуре — индукции, которая идет от элемента к классу и по этой причине не может, по мнению Ельмслева, обеспечить свободное от противоречий, исчерпывающее и простое описание, так как классы, которые при этом получаются, имеют в различных языках совершенно различное содержание, дедукция идет от класса к отдельному элементу.

В самом начале анализа как класс рассматривается нерасчлененный цельный текст, с которым приходится иметь дело линг-

---

звало бы возражения со стороны многих американских лингвистов (см.: P. Garvin. Указ. рец., стр. 70). Ведь с этой точки зрения (к ней в Америке приближается З. Харрис) структура языка и ее элементы не существуют в языке объективно, но лишь конструируются исследователем, описывающим язык. Иного мнения придерживается К. Л. Пайк, который, полемизируя с З. Харрисом, утверждает, что лингвист лишь открывает систему языка, существующую независимо от исследователя (см.: K. L. Pike. Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior, pt. I. Glendale, 1954, стр. 21).

[40] См., например: L. Hjelmslev. La notion de rection, (см. наст. изд. «Понятие управления» — Следует напомнить, что под системой Ельмслев понимает «сеть (или переплетение) зависимостей или функций», а не совокупность взаимосвязанных элементов, объединенных функциями (см. там же, стр. 11).

[41] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 37, а также Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 417—419.

[42] См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 419.

[43] В логике, например, дедукция — один из способов доказательства, когда из определенных посылок выводится заключение.

	Реляционная иерархия = текст, процесс, синтагматика				Корреляционная иерархия = система, парадигматика				
	Анализ = членение = партиция				Анализ = членение = артикуляция				
A	Класс = цепь				Класс = парадигма				A
B	Сегмент (часть) А (дериват А первой степени)		Сегмент (часть) А (дериват А первой степени)		Сегмент (член) А (дериват А первой степени)		Сегмент (член) А (дериват А первой степени)		B
C	Сегмент (часть) В (дериват А второй степени)	Сегмент (часть) В (дериват А второй степени)	Сегмент (часть) В (дериват А второй степени)	Сегмент (часть) В (дериват А второй степени)	Сегмент (член) В (дериват А второй степени)	Сегмент (член) В (дериват А второй степени)	Сегмент (член) В (дериват А второй степени)	Сегмент (член) В (дериват А второй степени)	C
	Сегменты (части) С . . . (дериваты А третьей степени . . .)				Сегменты (члены) С (дериваты А третьей степени . . .)				

висту. Он делится на элементы, которые в свою очередь рассматриваются как классы и подвергаются дальнейшему членению на элементы, которые также являются классами и делятся дальше. Так продолжают до тех пор, пока анализ не будет исчерпан.

Последовательные этапы анализа в тексте и системе и соответствующие основные понятия можно представить в виде таблицы [44].

Таким образом, под анализом понимается описание объекта через единообразные зависимости от других объектов и через единообразные зависимости последних друг от друга. Объект, подвергшийся анализу,— это класс, а те объекты, которые устанавливаются последующим делением как единообразно зависимые от класса и друг от друга,— сегменты [45]. В случае продолженного анализа говорят о дериватах. Дериваты — это сегменты и сегменты сегментов в пределах одного сложного процесса анализа — дедукции. Степень дериватов — это число классов, через посредство которых прослеживается их зависимость от своего первичного общего класса [46].

Так, периоды являются дериватами текстов первой степени, предложения — дериватами текстов второй степени и дериватами периодов первой степени, слова — дериватами пред-

[44] См.: B. Siertsema. Указ. соч., стр. 75.

[45] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 54.

[46] Там же, стр. 57.

ложений первой степени, дериватами периодов второй степени и дериватами текстов третьей степени и т. д.

С другой стороны, слова являются сегментами (частями) предложений, но не периодов или текстов, предложения — сегментами периодов, но не текстов и т. п.

Для каждого плана языка процедура анализа должна осуществляться раздельно, то есть по существу нужно вести четыре дедукции — для субстанции содержания, для формы содержания, для субстанции выражения и для формы выражения, так как между ними нет одно-однозначного соответствия. Более обширные единицы текста могут совпадать во всех четырех планах (например, параграфы, периоды, предложения), но это не обязательно. И рано или поздно наступает момент, начиная с которого приходится переходить к отдельным параллельным операциям дедукции в каждом плане. Так, в примере Ульдалля англ. I saw him when he came in 'я увидел его, когда он вошел' раздельный анализ плана содержания и плана выражения следует начинать уже с уровня сложного предложения, поскольку уже на этом уровне проявляется расхождение между ними — два сегмента в плане содержания и один сегмент в плане выражения [47].

Анализ текста ведется последовательно по этапам, и на каждом этапе в тексте выделяются все менее и менее общие единицы — так, нерасчлененный текст делится на периоды, периоды на предложения, те — на слова, слова на слоги, слоги — на фонемы [48]. Продолжается анализ до тех пор, пока не получатся неразложи-

---

[47] См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 426—427.

[48] Правило переноса (трансференции) не позволяет анализировать ту или иную единицу на слишком ранней стадии исследования и предусматривает ее перенос с одной ступени на другую до тех пор, пока анализ не дойдет до сущностей той же степени, что и данная (см.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 65). Классическим примером подобного рода является латинское *i*, выступающее в разных случаях как фонема, морфема, слово и предложение (см., например: А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1960, стр. 23). Однако положение о различных ступенях анализа, соответствующих различным уровням структуры языка, в глоссематике отсутствует, в отличие, скажем, от дескриптивной лингвистики, где оно разработано относительно четко. На это обстоятельство не раз обращали внимание американские рецензенты Ельмслева (см.: P. Garvin. Указ. рец., стр. 76; R. Wells. Указ. рец., стр. 555 и др.). Кроме того, для большинства дескриптивистов предельной (максимальной) единицей лингвистического анализа является предложение, которое они, в соответствии с учением Блумфилда, считают «минимальным свободным высказыванием» (см. P. Garvin. Указ. рец., стр. 84). И даже если исходить из функционального анализа, в обычном, не литературно-художественном, тексте между отдельными предложениями существуют только свободные связи, ни одно из них не предполагает с необходимостью другие. Те или иные более тесные зависимости обнаруживаются, пожалуй, только со ступени сложных предложений. Составление перечня элементов крупнее слов (например, предложений) также представляется вряд ли осуществимым (см. H. Vogt. Указ. рец., стр. 98).

мые единицы. Но анализ заключается не в простом членении языка па все меньшие части, а в выявлении и регистрации взаимозависимостей (функций), существующих между частями объекта, а также в объединении в классы компонентов, которые могут выступать членами одинаковых функций. Все те компоненты, которые являются членами одного и того же функционального класса, считаются структурно эквивалентными.

С каждым новым этапом анализа число элементов значительно уменьшается. Так, число периодов и предложений в живых языках бесконечно, слов гораздо меньше, а число фонем как правило пе превышает двузначной цифры. На каком-то этапе анализа происходит и другое изменение элементов — от знаков совершается переход к незнакам. Граница между знаками и незнаками совпадает, по мнению Ельмслева, с границей между неисчислимыми и исчислимыми элементами языка. Незнаки, которые входят в знаковую систему как части знаков, Ельмслев называет фигурами и указывает, что способность из ограниченного количества незнаков-фигур построить неограниченное число необходимых знаков — это одна из основных особенностей именно лингвистической структуры. Исходя из этого, языки определяются как системы фигур, которые могут быть использованы для построения знаков.

Операция, которая позволяет на каждом этапе анализа устанавливать элементы, называется коммутацией. Она применима ко всем пластам языка, и сущность ее состоит в том, что если замена какого-нибудь элемента одного плана другим элементом того же плана вызывает изменение в противоположном плане языка, указанные два элемента рассматриваются как коммутабельные, то есть как самостоятельные элементы системы — инварианты. Если же при подмене одного элемента какого-нибудь плана другим элементом того же плана изменения в противоположном плане не наблюдается (это явление называется субституцией), два взаимозаменяемые элемента рассматриваются как варианты одного инварианта. Таким образом, «инварианты — это корреляты, характеризующиеся взаимной коммутацией, а варианты — корреляты, характеризующиеся взаимной субституцией»[49]. Скажем, если мы заменим /т/ в *том* через /д/, это вызовет изменение в плане содержания — {дом}, следовательно, /Т/ и /Д/ — это разные элементы — инварианты в русском языке. Если же мы заменим /$т^w$/, которое здесь реально звучит, через /$т^=$/, как в *там*, изменения в плане содержания не последует. Значит, /$т^w$/ и /$т^=$/ — это варианты одного инварианта /Т/. Соотношение вариантов и инвариантов в различных языках различно. /S/ и /Z/ являются инвариантами во французском и английском языках (poisson — poison, hiss — his), но вариантами одного инварианта в датском.

---

[49] См. Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 96.

Подобные методы, правда под другими названиями, издавна применяются в фонологии для определения фонемного статуса того или иного фонетического явления. Различие, однако, заключается в том, что в глоссематической теории коммутация сугубо формальна и имеет гораздо более широкое применение. Она применяется ко всем единицам языка, как к самым большим, так и к самым маленьким, как к плану выражения, так и к плану содержания. Если, например, в I saw him when he came in мы заменим содержание {when he came in 'когда он вошел'} через {when she ran away 'когда она убежала'}, меняется и план выражения этого предложения. Следовательно, when he came in и when she ran away — инварианты придаточных предложений и т. п. С другой стороны, в русском языке «я буду говорить с ним», «я с ним буду говорить», «я буду с ним говорить» и т. д. можно, по-видимому, рассматривать как варианты одного предложения-инварианта.

Единицы содержания {дерево} и {лес (материал)} будут вариантами одного инварианта в датском языке (ср. датск. træ), но инвариантами в русском языке (*дерево* — *лес*), французском (arbre — bois) и немецком (Baum — Holz). {Лес (материал)} и {лес (роща)} — варианты в русском и английском языках (англ. wood), но инварианты в датском (træ — skov).

Единицы содержания {он} и {она} представляют собой инварианты в русском языке (*он*, *она*), в английском (he, she), немецком (er, sie) и французском (il, elle), но варианты в финском языке (hän) или венгерском (ö).

Варианты, как в плане выражения, так и в плане содержания, распределяются по двум типам — свободные (или вариации) и несвободные, «связанные» (или вариаты). Вариаты предполагают существование определенных вариат других инвариантов и предполагаются ими (функция солидарность). Так, вариат /$т^{w}$/ предопределяется вариатом /у/ в русск. *тут* в плане выражения и сам предопределяет его, а вариат {лес (роща)} обусловлен вариатом {молодой} и сам обусловливает его в плане содержания.

Понятие инвариантов — вариантов позволяет на каждом этапе анализа отождествлять элементы языка, сводить их к некоторому ограниченному перечню простейших элементов. Само по себе это положение не является новым в лингвистике, однако для глоссематической теории характерно распространение этого положения и на план содержания. Подобно тому как элементы выражения языков сводятся к ограниченному числу незнаков, так же и элементы содержания глоссематики пытаются разложить на ограниченное число составляющих их незнаков (фигур). Обычный анализ в плане содержания заканчивается на ступени знаков, и сколько-нибудь серьезные попытки разложения содержания знаков на компоненты-незнаки при помощи объективных методов предпринимаются крайне редко. Ельмслев пытается

применить для плана содержания методы, отработанные для анализа выражения[50].

Например, латинское именное окончание *-ibus* можно разложить, согласно Ельмслеву, на четыре элемента выражения — *i*, *b*, *u* и *s* и на два элемента содержания — {дательный/аблатив} и {множественное число} (очевидно при помощи коммутации, скажем, *-ibus* в generibus 'родами' и *-e* в genere 'родом' или *-a* в genera 'роды'). Английское am расчленяется таким же образом на две единицы выражения и четыре единицы содержания: am/look — {бытие}, am/is — {1-е лицо}, am/are — {единственное число}, am/was — {настоящее время}, и am/be — {изъявительное наклонение}.

Содержание {мальчик} можно представить как {человеческое существо} + {молодой} + {мужской пол}[51]. Если нам при составлении минимального списка единиц содержания встретятся {лошадь}, {кобыла}, {жеребец}, {он}, {она}, {свинья}, {боров} и т. п., мы должны исключить часть из них из списка, поскольку они не являются элементарными. Так, например, содержание {кобыла} раскладывается на {лошадь} + {она}, {жеребец} = {лошадь} + {он}, {боров} = {свинья} + {он} и т. д.[52]

---

[50] Фигуры в плане содержания стали объектом весьма резкой и суровой критики (см.: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева. наст. изд., стр. 24—25; С. Bazell. Указ. рец., стр. 92; H. St. Sørensen. Word-classes in modern English. Copenhagen, 1958, стр. 12, 44—45 и др.). Основные возражения против фигур содержания сводятся к следующему: а) фигуры содержания не существуют объективно как нечто дискретное и не могут быть выявлены объективными методами; б) они сосуществуют одновременно, в отличие от фигур выражения, которые следуют друг за другом, линейны; в) не существует единиц содержания, которым не соответствовало бы выражение и которые не являлись бы тем самым знаками; следовательно, минимальных единиц-незнаков (фигур) в плане содержания принципиально не может быть.

[51] См.: H. Uldall. Outline of glossematics, стр. 45.

[52] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 136. — Попытки разложения значений слов определенных семантических групп на элементы, не находящие «открытого» выражения посредством тех или иных звуковых последовательностей, — на семантические компоненты или семантические составляющие (семантические множители) — предпринимались в 40—50-х годах и американскими лингвистами. См., например: Z. S. Harris. Componential analysis of a Hebrew paradigm. «Language», 1948, vol. 24, № 3; J. H. Greenberg. The logical analysis of kinship. «Philosophy of Science», 1949, vol. 16, № 1; F. Lounsbury. A semantic analysis of the Pawnee kinship usage. «Language», 1956, vol. 32, № 1; W. Goodenough. Componential analysis and the study of meaning. — Там же; Ch. Osgood, J. Suci, P. Tannenbaum. The measurement of meaning. Urbana, 1957, и др. — В статье Дж. Гринберга терминология родства рассматривается как особая аксиоматическая система, и для анализа ее используются символы современной математической логики, например: $x \text{ M } y \supset (x \in \mu . y \in \varphi)$, что значит: если x — муж y, следовательно, x — мужчина, а y — женщина. В статьях Лаунсбери и Гуденафа путем анализа сложной системы терминов родства в языках поуни и трак устанавли-

Иногда, по утверждению Ельмслева, при анализе текста могут встретиться дополнительные трудности. Это, во-первых, такие случаи, когда совпадают, либо в плане выражения, либо в плане содержания, варианты разных инвариантов. Ельмслев называет это явление *совпадением* (ср. традиционные термины «нейтрализация» и «синкретизм»). Например, в русск. *пруд* «д» в конечном положении звучит как /т/, так же как в *прут*, то есть здесь совпали варианты /т/ двух инвариантов — /Т/ и /Д/. Или у слова *окно* в русском языке совпадают формы именительного и винительного падежей единственного числа — им. п. *окно* и вин. п. *окно*. Это варианты инварианта *ОКНО*. В приведенном выше примере /д/ и /т/ включаются, по терминологии Ельмслева, в совпадение и образуют синкретизм. Оба они являются вариантами инварианта /Т/—/Д/. Следует различать два типа синкретизма: 1) когда синкретизм совпадает с обоими вариантами или отличен от обоих из них, и 2) когда синкретизм совпадает с одним из совпадающих вариантов. Так, синкретизм *ОКНО* совпадает с обоими своими вариантами (им. п. и вин. п. ед. ч.), а синкретизм /Ъ/ в предпредударных слогах русских слов отличается и от своего варианта /а/, и от /о/. Синкретизм /Т/—/Д/ в слове *труд* совпадает, в отличие от них, лишь с одним своим вариантом — с /т/, но не с /д/.

Синкретизм бывает разрешимым и неразрешимым. Разрешимым синкретизм считается в том случае, если вместо одного из вариантов в него можно ввести другой вариант, не включающийся в совпадение. Так, синкретизм *ОКНО* в русском языке разрешим, поскольку мы можем заменить один из его вариантов — *окно* (вин. п.) — другим, несовпадающим вариантом, например, *человека* или *книгу* и т. п. Напротив, синкретизм /Р/—/В/, ср. с датск. /top/, является с этой точки зрения неразрешимым.

Второе осложнение при глоссематическом анализе может быть связано с необходимостью катализа. В силу тех или иных

ваются некоторые семантические составляющие, соответствующие важнейшим понятиям родственных отношений в культуре данных народов. Осгуду и его коллегам удалось при помощи метода «семантического дифференциала» выделить у некоторых групп слов и словосочетаний особые эмоционально-экспрессивные компоненты значения. Однако до настоящего времени компонентному анализу, сколько-нибудь объективному, удалось подвергнуть лишь немногие специальные группы слов — термины родства, глаголы движения в некоторых языках и т. п. Задача эта весьма актуальна сейчас в связи с проблемами машинного перевода. Основным различием, которое бросается в глаза при сравнении «выделения фигур содержания» у Ельмслева и «компонентного анализа» у американских лингвистов, является то обстоятельство, что американские лингвисты стремятся в ходе анализа обнаружить связь языка и его компонентов с культурой данного народа, т. е. исследуют «этнолингвистические» явления, в то время как для Ельмслева фигуры содержания — внутриязыковые, «имманентные» явления, выделяемые посредством чисто формальной процедуры.

причин (как, например, повреждение текста, незавершенность и т. п.) в тексте может оказаться отсутствующим один из его необходимых элементов. Операция восполнения необходимых элементов текста и называется катализом. Например, если в русском тексте нам встречается предлог *над*, но отсутствует по каким-либо причинам творительный падеж, мы можем с почти полной уверенностью этот творительный падеж восстановить. Катализ часто является необходимым условием исчерпывающего анализа, позволяющим перейти ко второй, наиболее важной ступени анализа — установлению зависимостей (функций) между элементами и классами элементов. Без катализа лингвист вынужден был бы во многих случаях ограничиться простой регистрацией (притом неполной) элементов, содержащихся в тексте. Однако вводить следует только такие элементы, которых действительно недостает в тексте. Объективность операции катализа гарантируется тем, что за всяким текстом стоит система, корректирующая выводы лингвиста относительно текста. Так, встретив личную глагольную форму без личного местоимения во французском или английском языках (например, joue, play), лингвист должен будет, по-видимому, интерполировать эти местоимения (je joue, I play) в отличие от, скажем, текстов латинских, где lūdō 'играю' нельзя катализировать в ego lūdō, так как это ввело бы новый момент — эмфазу.

В одной из ранних статей Ельмслева «Опыт теории морфем» упоминаются два условия, необходимые для осуществления катализа и принципиально отличающие эту операцию от классической теории «подразумеваемого», открывающей путь произволу: 1) полученная в результате катализа цепь должна быть лингвистически возможна и 2) катализ не должен влечь за собой никакого изменения смысла. Поэтому фр. Pierre chante mieux que Paul можно, по мнению Ельмслева, катализировать, например, в Pierre chante mieux que Paul (ne) chante [53].

Как уже говорилось, целью глоссематической теории является создание метода непротиворечивого, исчерпывающего и по возможности более простого описания структуры языков, понимаемой как система зависимости между ее частями и частями ее частей, а также зависимостей между целым и частями различных уровней. Все элементы языка всех планов определяются прежде всего и исключительно своими взаимными отношениями — функциями. «Признание того факта, что целое состоит не из вещей, но из отношений, и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, не является, конечно, новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике», — пишет Ельмслев [54]. Вполне закономерно поэтому

---

[53] См.: L. Hjelmslev. Essai d'une théorie des morphèmes, стр. 141, 146.

[54] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 48.

то важное место, которое отводится в глоссематической теории понятию зависимости, или функции.

Функция определяется Ельмслевом как зависимость, отвечающая условиям анализа [55]. Члены функции называются функтивами и понимаются как объекты, имеющие функцию к другим объектам. В качестве функтивов могут выступать и сами функции, то есть возможны функции и между функциями. Как указывает Ельмслев, термин «функция» употребляется в глоссематической теории в значении, «лежащем между логико-математическим и этимологическим» [56].

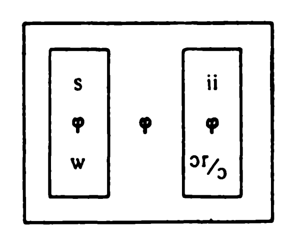
Ельмслев одним из первых сделал попытку систематизировать основные функции, существующие в языке.

В качестве функтивов могут выступать постоянные величины, константы, не зависящие от других величин, и переменные величины, обусловленные другими величинами. Иначе говоря, константа — это функтив, наличие которого является обязательным условием для наличия другого функтива, переменная же — это функтив, наличие которого не является обязательным для наличия другого функтива. На основе понятия о константе и переменной устанавливаются некоторые важнейшие типы функций, встречающиеся и в тексте, и в системе различных планов языка

---

[55] См. там же, стр. 57.

[56] Там же, стр. 58. — Считается, что термин «функция» был впервые использован Лейбницем в конце XVII в. «Функция» в математике — это понятие, выражающее зависимость одних переменных величин от других по формуле $y = F(x)$; y есть функция аргумента x. Во второй части «Основ глоссематики» Х. Ульдалля под «функцией» понимается любая зависимость. Термин «функция» принимается как первичный, не нуждающийся в определении (знак φ). Явление, которое вступает в функцию, — функтив (знак F). Функтивы, связанные функцией, называются членами этой функции — F_1 φ F_2. Функция вместе со своими членами образует функциональное поле, которое в свою очередь может выступать в качестве члена функции. Так, зависимость между слогами see, saw, we, war в английском языке можно изобразить в виде функции между двумя функциональными полями

См.. H. Uldall. Outline of glossematics, pt. II. Glossematic algebra, стр. 37—39. — Идея функционального поля Ульдалля была воспринята и использована Х. Ст. Сёренсеном (см.: H. St. Sørensen. Word-classes in modern English, стр. 60, 61).

и могущие характеризовать отношения между различными планами [57].

Как можно видеть из приведенной схемы, Ельмслев дает три параллельных ряда терминов для однотипных функций — общее название функции, функция в тексте и функция в системе. Кроме того, функции характеризуются по составу функтивов: интердепенденция — это функция между двумя константами, детерминация — между константой и переменной, а констелляция — между двумя переменными. Функции, в состав которых входят константы, объединяются как когезии (интердепенденция и детерминация); функции, в состав которых входят однородные функтивы — только переменные или только константы — объединяются как реципроции (интердепенденция и констелляция). Так, интердепенденция существует, например, между планом содержания и планом выражения языка, зависимость между ними

Функция		Текст Синтагматика Реляция	Система Парадигматика Корреляция
Когезия	Детерминация	Селекция	Спецификация
	Интердепенденция	Солидарность	Комплементарность
Реципроция	Констелляция	Комбинация	Автономия

двусторонняя, ни один план не существует без другого. Интердепенденцией является функция между морфемами падежа и числа латинских существительных, ни одна из них не встречается без другой в пределах грамматической формы существительного.

Детерминация, зависимость односторонняя, характеризует отношение между предлогом и падежной формой при управлении, причем предлог детерминирует падежную форму, которая может встречаться и вне функции с предлогом (например, в русском языке *над* детерминирует форму творительного падежа, но сама форма творительного падежа может встречаться и без предлога *над*). Прилагательное в качестве определения детерминирует существительное, вызывает необходимость его появления, в то время как существительное употребляется и без прилагательного. Детерминация существует также между главным предложением и придаточным предложением, между основой и деривационным элементом, между гласными и согласными в пределах слога и т. п.

Констелляцией можно назвать функцию между аккузативом и множественным числом в латыни, которые сочетаются различным образом и отнюдь не предопределяют друг друга. Иначе го-

[57] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 64.

воря, констелляция — это зависимость свободная, двусторонне факультативная. Наречие и глагол в русском языке, по-видимому, констеллируют друг друга, поскольку могут вступать в функцию друг с другом, но не обусловливают обязательного появления друг друга. Между гласными в дифтонге, так же как между согласными в скоплении согласных, может наблюдаться и интердепенденция, и детерминация, и констелляция.

Три основных типа функций рассматриваются как включающие только два функтива, то есть как двучленные (бинарные). Случаи многочленных (тернарных и т. п.) функций расцениваются как функции между двучленными функциями [58].

После того как при помощи метода коммутации будут установлены минимальные элементы плана содержания и плана выражения языка, их надо условно обозначить, стараясь не закреплять за какой бы то ни было определенной субстанцией. Их можно, например, обозначить алгебраически *a*, *b*, *c*, *d* и т. д. или цифрами 1, 2, 3 и т. д. В статье «La stratification du langage» Ельмслев вводит обозначение единиц содержания буквами греческого алфавита, а единиц выражения — латинскими буквами, а также ряд других символов [59]. Сущности языковой формы имеют «алгебраическую» природу, и у них нет естественного обозначения; поэтому они могут быть обозначены произвольно самыми различными способами. Сама языковая форма при этом никак не затрагивается. Настоящая лингвистика и является в этом смысле лингвистической алгеброй [60].

Затем путем математической операции нужно исчислить все возможные связи и зависимости каждой кенемы или плеремы и определить формы этих единиц (в глоссематическом употреблении форму какой-либо сущности образует вся совокупность ее

---

[58] Критики Ельмслева не раз указывали, что система глоссематических функций, с одной стороны, характеризуется при помощи очень общих понятий, а с другой стороны, не охватывает всех логически возможных ситуаций. Так, Э. Хауген в указанной рецензии на книгу Ельмслева «Prolegomena to a theory of language» (стр. 248) отмечает, что, по существу, подлинные зависимости устанавливают только интердепенденция и детерминация, а констелляция, свободная связь, используется в глоссематическом анализе мало. Далее, даже если исходить из сугубо логических предпосылок, следовало бы выделить четвертую функцию, отрицательную детерминацию ($a \rightarrow \bar{b}$), когда один из функтивов препятствует появлению другого функтива и предопределяет его отсутствие (см.: B. Siertsema. Указ. соч., стр. 77; P. Garvin. Указ. рец., стр. 73 и др.). И, наконец, некоторые типы отношений, очень существенные для единиц языка, вообще не нашли отражения в системе глоссематических функций — это порядок следования элементов, частотность элементов и т. п. (см.: B. Siertsema. Указ. соч., стр. 77; R. Wells. Указ. рец., стр. 557 и др.).

[59] См.: L. Hjelmslev. La stratification du langage, стр. 166 и сл.

[60] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 117.

возможных сочетаний с другими сущностями того же порядка, а также высшего и низшего). Совокупность всех таких форм и дает в результате структуру языка. Структура языка включает, таким образом, все лингвистически возможные связи и отношения, все лингвистические формы, которые установлены теоретически, независимо от того, реализованы они в каком-либо из существующих языков или нет.

Подобное общее исчисление, подобная лингвистическая алгебра позволит понять и описать любой текст и любой язык, на котором текст может быть составлен.

Определив, какие из возможностей, допускаемых общим исчислением, реализуются в том или ином конкретном языке, можно создать типологическую классификацию языков — скажем, язык *А* реализует отношения I, V, VII, X, а язык *Б* — отношения II, IX, XX и т. д.

Рассмотрим некоторые примеры глоссематического анализа лингвистических явлений, заимствованные из работ X. Ульдалля, разъяснив предварительно используемые способы символизации[61].

$a \cdot b$ — между элементами существует связь
$+a$ — элемент встречается
$-a$ — элемент не встречается
$\bar{a}b$ — в определенной группе данный элемент отсутствует, но не везде
$a \cdot /+b+c/$ — встречается и сочетание *ab*, и сочетание *ac*.

Ульдалль берет для анализа английское предложение George went to the cinema while Mary had her hair curled 'Джордж пошел в кино, пока Мери завивали волосы'. Этот текст он обозначает как функтив *А*, находящийся в определенной функции с остальным текстом, из которого он был взят — *В*.

Первое членение дает $A = a \cdot b$, где *a* — George went to the cinema (то есть наиболее крупная часть *А*, встречающаяся самостоятельно в других текстах), а *b* — while Mary had her hair curled. Тот факт, что *'a* может встречаться в более широком тексте без *b*, и в той же функции к В, но не *b* без *a*, изображается следующим образом: $\{+ab + a\bar{b} - \bar{a}b + \bar{a}\bar{b}\} = a \rightleftarrows\leftrightarrows b$.

На второй ступени анализа $b = c \cdot d$, где $c =$ while, а $d =$ Mary had her hair curled—опять наиболее крупные части, самостоятельно встречающиеся в других местах текста. Если ввести $c \cdot d$ как эквивалент *b* в предыдущую формулу, мы получим $\{+acd + a\bar{c}\bar{d} - \bar{a}cd + \bar{a}\bar{c}\bar{d}\}$. Проверив отношения $c\bar{d}$ и $\bar{c}d$ с *a* и $\bar{a}$ и возможность последовательностей $ac\bar{d}$, $a\bar{c}d$, $\bar{a}c\bar{d}$ и $\bar{a}\bar{c}d$ в качестве функтивов по отношению к В, устанавливаем: $-ac\bar{d} + a\bar{c}d - \bar{a}c\bar{d} + \bar{a}\bar{c}d$.

61 См.: H. Uldall. Outline of glossematics, pt. II, стр. 74.

И в целом результаты анализа на этом этапе можно изобразить так:

$$\{\overbrace{+acd - ac\bar{d} + a\bar{c}\bar{d}}^{+ab} \overbrace{+ a\bar{c}d}^{+a\bar{b}} \overbrace{- \bar{a}cd + \bar{a}c\bar{d} + \bar{a}\bar{c}\bar{d}}^{-\bar{a}b} \overbrace{+ \bar{a}\bar{c}d}^{+\bar{a}\bar{b}}\} = a \substack{\leftarrow \\ \mapsfrom} \substack{\mapsto \\ \leftarrow} b$$

$$= a \substack{\mapsfrom \\ \leftarrow} \substack{\leftarrow \\ \rightarrow} c \substack{\rightarrow \\ \leftarrow} \substack{\mapsto \\ \rightarrow} d.$$

Подобные приемы можно использовать и для выяснения различия в структуре синтаксических единиц, что часто представляло большие трудности в традиционном языкознании[62]. Если взять две английские синтаксические единицы — furiously barking dog 'яростно лающая собака' и The dog barks furiously 'Собака яростно лает', то различия в их структуре можно изобразить следующим образом ($\rightarrow$ знак селекции, $\longleftrightarrow$ знак солидарности): (furiously $\rightarrow$ barking) $\rightarrow$ dog (The dog $\longleftrightarrow$ barks) $\leftarrow$ furiously.

Продолжив анализ, структуры данных синтаксических единиц можно свести соответственно к $(a \rightarrow \rightarrow b) \rightarrow \rightarrow c$ и $(c \longleftrightarrow b) \leftarrow \leftarrow$ a.

Другая иллюстрация проливает свет на операцию общего исчисления[63]. Условия таковы: в некотором языке имеются шесть согласных — *p*, *t*, *k*, *s*, *r*, *l*; структура слога в нем C_nVC (C_n — скопление согласных); допускаются следующие скопления — *spr*, *skl*, *sp*, *st*, *sk*, *pr*, *tr*, *kr*, *pl*, *kl*; в начале и в конце слога могут встречаться отдельно все согласные. Какие существуют возможности для начального и конечного положения?

Начальное положение (типа *stra-*)	Конечное положение (типа *-astr*)
$+spr$ $+skl$ $+spl$ $-str$ $-skr$	$-spr$ $-skl$ $-spl$ $-str$ $-skr$
$+sp\bar{r}$ $+sk\bar{l}$ $+sp\bar{l}$ $+st\bar{r}$ $+sk\bar{r}$	$-sp\bar{r}$ $-sk\bar{l}$ $-sp\bar{l}$ $-st\bar{r}$ $-sk\bar{r}$
$-s\bar{p}r$ $-s\bar{k}l$ $-s\bar{p}l$ $-s\bar{t}r$ $-s\bar{k}r$	$-s\bar{p}r$ $-s\bar{k}l$ $-s\bar{p}l$ $-s\bar{t}r$ $-s\bar{k}r$
$+s\bar{p}\bar{r}$ $+s\bar{k}\bar{l}$ $+s\bar{p}\bar{l}$ $+s\bar{t}\bar{r}$ $+s\bar{k}\bar{r}$	$+s\bar{p}\bar{r}$ $+s\bar{k}\bar{l}$ $+s\bar{p}\bar{l}$ $+s\bar{t}\bar{r}$ $+s\bar{k}\bar{r}$
$+\bar{s}pr$ $+\bar{s}kl$ $+\bar{s}pl$ $+\bar{s}tr$ $+\bar{s}kr$	$-\bar{s}pr$ $-\bar{s}kl$ $-\bar{s}pl$ $-\bar{s}tr$ $-\bar{s}kr$
$+\bar{s}p\bar{r}$ $+\bar{s}k\bar{l}$ $+\bar{s}p\bar{l}$ $+\bar{s}t\bar{r}$ $+\bar{s}k\bar{r}$	$+\bar{s}p\bar{r}$ $+\bar{s}k\bar{l}$ $+\bar{s}p\bar{l}$ $+\bar{s}t\bar{r}$ $+\bar{s}k\bar{r}$
$+\bar{s}\bar{p}r$ $+\bar{s}\bar{k}l$ $+\bar{s}\bar{p}l$ $+\bar{s}\bar{t}r$ $+\bar{s}\bar{k}r$	$+\bar{s}\bar{p}r$ $+\bar{s}\bar{k}l$ $+\bar{s}\bar{p}l$ $+\bar{s}\bar{t}r$ $+\bar{s}\bar{k}r$
$-\bar{s}\bar{p}\bar{r}$ $-\bar{s}\bar{k}\bar{l}$ $-\bar{s}\bar{p}\bar{l}$ $-\bar{s}\bar{t}\bar{r}$ $-\bar{s}\bar{k}\bar{r}$	$-\bar{s}\bar{p}\bar{r}$ $-\bar{s}\bar{k}\bar{l}$ $-\bar{s}\bar{p}\bar{l}$ $-\bar{s}\bar{t}\bar{r}$ $-\bar{s}\bar{k}\bar{r}$

Таким образом, для языка с шестью согласными применительно только к начальному и конечному положениям в слоге, при условии, что число согласных в сочетаниях не превышает трех, но безотносительно к гласной и без многих других ограничений, исчислятся восемьдесят возможностей. Проверив, какие из этих возможностей действительно реализованы в интересующем нас языке по сравнению с другими языками, мы установим нечто

[62] См.: H. Uldall. On equivalent relations, стр. 71.
[63] Приводится по указанной книге Сиертсемы, стр. 97.

вроде фонематической типологии данного языка на этом небольшом участке его системы.

Таким образом, согласно глоссематической теории:

1) Язык — лишь один из частных случаев семиотической системы, то есть системы, включающей разные, не изоморфные планы — план содержания и план выражения. Оба плана выделяются совершенно условно и не связаны с какой бы то ни было субстанцией.

2) В каждом из планов различаются форма и субстанция. Субстанция в языке представляет собой континуум человеческого опыта и континуум звуков, систематизированные данным языком.

3) Основной интерес для лингвистики представляет форма, как в плане выражения, так и в плане содержания. Лингвистика должна изучать язык имманентно, как чистую форму, как чистую структуру отношений. Только абстрагирование от языковой субстанции позволит лингвистике стать точной обобщающей наукой.

4) Язык состоит из последовательного ряда (текста) и системы, причем основным, первичным здесь является система, которая может существовать и не выявляясь в тексте. Функция между элементами текста — реляция (и — и), функция между элементами системы — корреляция (или — или).

5) Помимо указанных функций, в тексте и системе плана выражения и содержания, а также между элементами разных планов могут существовать три других типа функций, которые определяются исходя из соотношения между константой и переменной. Это интердепенденция, детерминация, констелляция.

6) Как в плане выражения, так и в плане содержания язык состоит из определенного количества элементов-незнаков (фигур), из которых складывается все многообразие более крупных знаковых единиц языка.

7) Элементы выражения и содержания, от самых крупных до самых мелких, устанавливаются посредством метода коммутации с последующим сведением в один класс элементов, тождественных функционально.

8) Единственно приемлемый метод анализа — дедукция, путь от класса к отдельным элементам, позволяющий выделить некоторые универсальные языковые явления и, проследив их в достаточно большом числе языков, потом исчислить все логически мыслимые возможности, независимо от того, реализованы они в каком-либо языке или нет.

Для того чтобы объективно оценить глоссематическую теорию, необходимо рассмотреть ее философские и конкретно-научные истоки, ее назначение, а также возможности и результаты ее применения.

В своей статье «Метод структурного анализа в лингвистике» Ельмслев указывает на два основных теоретических источника

глоссематики — учение де Соссюра и логистическая теория языка, разработанная Уайтхедом и Расселом, а также венской логистической школой и особенно Карнапом в его работах по синтаксису и семантике [64].

Теория де Соссюра оказала на глоссематику, как и вообще на современное языкознание, огромное влияние, и многие положения глоссематики прямо или косвенно восходят к «Cours de linguistique générale» де Соссюра.

Называя Ф. де Соссюра основоположником современного языкознания, Ельмслев отмечает, что Соссюр был первым, кто потребовал структурного подхода к языку, то есть «научного описания языка путем регистрации отношений между единицами языка», независимо от особенностей, присущих самим единицам как таковым. Эти взгляды Соссюра произвели, по мнению Ельмслева, настоящую революцию в традиционном языкознании, но особенно плодотворным и оригинальным было у Соссюра понимание языка как чистой структуры соотношений, как формы, свободной от той случайной материальной реализации (фонетической, семантической и т. п.), в которой эта форма выступает [65]. Как видно, Ельмслев принял из теории Соссюра наиболее уязвимые ее положения, связанные с пониманием языка как системы, независимой от каких бы то ни было внешних (т. е. прежде всего социальных) факторов.

Развитием основных идей Соссюра является положение о лингвистике как части семиотики и о языке как одной из знаковых систем, о планах содержания и выражения, о различении в каждом плане формы и субстанции, об имманентной лингвистике, о возможности построения «алгебры языка» и др., а также многие более частные положения глоссематики [66].

Однако отожествлять глоссематику с теорией Ф. де Соссюра было бы неверно. Как указывает сам Ельмслев, его собственный метод начал оформляться еще до знакомства с учением де Соссюра, и чтение «Курса общей лингвистики» лишь подтвердило некоторые его взгляды [67]. Учение де Соссюра было, по мнению Ельмслева, недостаточно последовательным и отражало внутреннюю борьбу с пережитками традиционных взглядов [68]. Иными словами, Ельмслев взял из теории Соссюра (действительно, достаточно противоречивой) только то, что соответствовало его соб-

---

[64] См.: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике (см. наст.изд. стр.157-164. — *Прим.составителя*).

[65] Там же.

[66] Небезынтересно отметить, что даже термин «глоссема», правда, в ином значении (=«изоглосса») также встречается в рукописных материалах Соссюра (см.: R. Godel. Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure, стр. 262).

[67] См.: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике, (см. наст. изд. стр. 157-164).

[68] Там же.

ственной теории. К такому выводу можно прийти, сравнивая «Курс общей лингвистики» Соссюра и «Пролегомены к теории языка» Ельмслева [69].

Проблеме соотношения языка и речи посвящена специальная статья Ельмслева «Langue et parole». Отметив заслугу Соссюра, впервые «открывшего» язык и показавшего, что до того лингвисты игнорировали «свой единственный и подлинный объект» и занимались только речью, Ельмслев говорит о необходимости пересмотреть основное деление Соссюра: язык/речь, явившееся «первым приближением к данной проблеме», «важным с исторической точки зрения, но несовершенным с точки зрения теории» [70]. Понимание языка у Соссюра отличается «непоследовательностью» — это не только «чистая форма», но и «система знаков», и «социальный продукт» и т. п. В этой непоследовательности взглядов Соссюра Ельмслев видит влияние известной исторической ситуации начала XX в., когда были неизбежны компромиссы «для установления контактов настоящего с прошлым» [71].

Вместо деления язык/речь Ельмслев предлагает четырехчленное деление языка — схема/норма/употребление/акт. Под схемой понимается язык как чистая форма, определяемая независимо от

---

[69] В упомянутой выше работе Годеля, собравшего и исследовавшего рукописи Соссюра разных лот, также приведены многочисленные данные, иллюстрирующие общетеоретические взгляды Соссюра, их эволюцию и их противоречивость.

[70] См.: Л. Ельмслев. Язык и речь (см. наст. изд. стр. 164-174).

[71] Нам представляется интересным иное объяснение причин противоречивости взглядов де Соссюра, предложенное Э. Косериу (см. «Синхрония, диахрония и история». — «Новое в лингвистике», вып. III. М., 1963; см. также: В. А. Звегинцев. Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления. «Вопросы философии», 1961, № 12, стр. 96). Рассматривая антиномию синхрония — диахрония у Соссюра, Косериу приходит к выводу, что она относилась у Соссюра не к «плоскости объекта», но к «плоскости исследования», не к «речевой деятельности», но к «лингвистике» (стр. 145). К «плоскости исследования», а не к языку относятся, по нашему мнению, и другие проблемы, поставленные Соссюром, — разграничение языка и речи, внутренней и внешней лингвистики и т. п. Все эти исследовательские операции необходимы были для того, чтобы выделить в сложной массе фактов языка новые связи, новый аспект, дотоле ускользавший от внимания лингвистов — аспект семиотический. С этой новой, семиотической точки зрения язык предстал как знаковая система, подчиняющаяся некоторым законам, сходным с законами построения и функционирования других знаковых систем. Недостаточно четкое и последовательное разграничение условных исследовательских операций и особенностей самого объекта исследования и явилось причиной многих противоречий теории де Соссюра, еще более усугубившихся у некоторых последователей этого ученого. Как можно видеть, Ельмслев также переносит дихотомии Соссюра в «плоскость объекта», в силу чего семиотический аспект языка, новый и важный, но отнюдь не единственный, абсолютизируется в глоссематике, а семиотические особенности языка превращаются в единственные «собственно лингвистические особенности», в отличие от физических, социальных и т. д.

ее социальной реализации и материальной манифестации. С этой точки зрения франц. *r*, например, определялось бы тем, что оно: 1) относится к категории согласных, противостоящих гласным; 2) входит в подгруппу согласных, способных стоять в начальном и конечном положении; 3) принадлежит к подгруппе согласных, занимающих в сочетании с другими согласными второе место, но не первое — *tr*, но не **rt*; 4) находится в отношении коммутации к другим элементам той же категории (например, *l*). Таким образом, *r* определяется как сущность оппозитивная, релятивная и негативная, и способ ее манифестации несуществен.

Второй член — н о р м а — определяется как «материальная форма, связанная с данной социальной реализацией, но независимая от своей манифестации». С точки зрения нормы, франц. *r* — вибрант, допускающий ряд вариантов. Таким образом, *r* — сущность оппозитивная и релятивная, но не негативная, как в первом случае, а обладающая одним позитивным качеством — это вибрант, противостоящий невибрантам. Определение предполагает звуковую реализацию *r*.

Третий член — у п о т р е б л е н и е — подразумевает язык как совокупность навыков, принятых в данном обществе и обусловленных определенными манифестациями. С точки зрения у п о т р е б л е н и я, франц. *r* — это сонорный альвеолярный вибрант или сонорный увулярный фрикативный (constrictive postérieure), т. е. *r* определяется не оппозитивно, не релятивно и не негативно.

А к т — понимается как индивидуальный речевой поступок, как говорение.

Функции между данными явлениями следующие (→ детерминация, ←→ интердепенденция):

$$\left.\begin{array}{c} \text{норма} \\ \downarrow \\ \overbrace{\text{употребление} \longleftrightarrow \text{акт}} \end{array}\right\} \rightarrow \text{схема,}$$

Норма предполагает употребление и речевой акт, но не обратно. Употребление и акт взаимно предполагают друг друга. И, наконец, норма, употребление и акт определяют и обусловливают схему, но не наоборот [72].

Норма, употребление и акт во многих отношениях тесно связаны между собой, и их можно свести к одному явлению — у п о т р е б л е н и ю, по отношению к которому норма будет результатом абстрагирования, а акт — конкретизацией. В работе «Пролегомены к теории языка» Ельмслев оперирует уже только двумя терминами — «схема» и «употребление» (linguistic usage, узус) и понимает «схему» как парадигматическую и синтагма-

---

[72] См.: Л. Е л ь м с л е в. Язык и речь (см. наст. изд. стр. 164-174).

тическую иерархию, а «употребление» — как материальную манифестацию «схемы».

Критики справедливо подчеркивают, что если разграничение языка/речи шло у Ф. де Соссюра по двум направлениям: 1) социальное/индивидуальное и 2) различительные противопоставления (инварианты)/неразличительные противопоставления (варианты), то Ельмслев отбрасывает первое различие и оставляет только второе, лишая язык его социальной сущности [73].

Как известно, одно из определений языка, наиболее часто повторяющееся в «Курсе общей лингвистики» Соссюра, — это определение языка как системы знаков. Сам знак для Соссюра — двустороннее психологическое единство, единство понятия и акустического образа или, как сформулировал сам Соссюр, «языковой знак представляет собой ассоциацию акустического образа и понятия, причем оба они — психические явления» [74]. Вместе с тем некоторые другие высказывания Соссюра шли в ином направлении и давали повод для иного понимания знака. Так, например, в конспектах курса общей лингвистики, прочитанного в 1908—1909 годах, Соссюр, перечисляя основные признаки знаковой системы, подчеркивает, что знак условен, чисто негативен и дифференциален, что значимости выступают как величины, противопоставленные в определенной системе, что число их ограничено и что способ образования знака (moyen de production) безразличен [75].

[73] См.: B. Siertsema. Указ. соч., стр. 8; P. Garvin. Указ. рец., стр. 90; см. также: H. Frei. Langue, parole et différenciation. «Journal de psychologie», 1952, стр. 137, а кроме того: K. Møller. Contribution to the discussion concerning Langue and Parole («Recherches structurales»). — Автор последней работы пытается доказать, что различение языка и речи основывалось у Соссюра, как и в теории Ельмслева, на чисто лингвистических критериях. Известную связь с взглядами Ельмслева обнаруживает теория Э. Косериу, изложенная им в книге «Sistema, norma y habla» (Montevideo, 1952). Выделяя в языковых явлениях систему, норму и речь, Косериу определяет систему как совокупность языковых фактов, выполняющих в языке определенную функцию и могущих быть представленными в виде сети противопоставлений (структуры), норму — как совокупность языковых явлений, которые не выполняют в языке непосредственной функции, но выступают в виде общепринятых (традиционных) реализаций; речь же трактуется как индивидуальное говорение. Интересна попытка Косериу последовательно провести разграничение системы, нормы и речи в области изучения звуков и выделить вместо обычных двух разделов — фонетики и фонологии — три: аллофонетику (изучающую индивидуальное говорение), нормофонетику и фонологию (учение о функциональной системе). См.: А. А. Леонтьев [Рец.] E. Coseriu. Sistema, norma y habla. — В сб.: «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 206—207. — Насколько можно судить, Косериу довел до конца аналогичную попытку Ельмслева, который еще в 1935 г. наметил возможность дифференцировать изучение выражения с точки зрения «системы», «нормы» и «употребления» — phonetics, phonology и phonemics. См.: L. Hjelmslev. On the principles of phonematics, стр. 51.

[74] См.: R. Godel. Указ. соч., стр. 82.

[75] См. там же, стр. 66.

Именно в этом последнем направлении развивает и уточняет соссюровское понимание знака Л. Ельмслев. Нельзя не заметить связи между положением о двусторонности знака у Соссюра и двуплановостью языка (содержание и выражение) у Ельмслева, между положением о немотивированности, условности знака у Соссюра и определением знака при помощи формальных критериев (функция солидарность) у Ельмслева, между положением об иррелевантности способа образования знака у Соссюра и второстепенной ролью субстанции по отношению к форме в глоссематике.

Вместе с тем, понятие знака в законченной глоссематической формулировке существенно отличается от соссюровского. Знак в глоссематике — это единица, состоящая из формы содержания и формы выражения, связанных семиологической или знаковой функцией (солидарность) и манифестированных в субстанции содержания и субстанции выражения [76].

В отличие от других предшествовавших и современных лингвистических теорий, в которых как правило материальная сторона знака (субстанция выражения) трактовалась как знак чего-то лежащего вне языка (= материала содержания) или значения (= субстанции содержания), в глоссематике знак, состоящий из формы выражения и формы содержания (совершенно условных), является знаком и субстанции содержания и субстанции выражения [77].

Изнутри знак условен, то есть функтивы его — форма содержания и форма выражения — существуют только в силу наличия между ними знаковой функции. Извне знак мотивирован, то есть составляющие его единицы формы содержания и формы выражения связаны определенными функциями со всеми другими единицами соответствующих планов.

Языковые единицы, по мнению Ельмслева, — знаки, а не символы, поскольку в символе между аспектами существует естественная связь, вследствие чего они полностью конформальны (то есть тождественны по своей структуре), и их возможно свести к одному плану (например, ономатопоэтические слова). Символические системы в отличие от семиотических систем — это одноплановые системы (ср. игры). В естественных же языках единицы формы содержания и формы выражения лишь соотносительны, но не тождественны. Так, например, в русском языке единице формы выражения *-а* (книг-а) соответствуют по крайней мере три единицы формы содержания — {ед. ч., ж. р., им. п.}, напротив, в *не-* (не-белый) двум единицам формы выражения соответствует только одна единица формы содержания — {отрицание

---

[76] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 81.
[77] См. там же.

Следует заметить, что языковые знаки как таковые, то есть как некие отдельные сущности (совокупности определенных единиц содержания и определенных единиц выражения) в глоссематическом анализе самостоятельно не выступают, поскольку глоссематический анализ начинается с выделения в тексте планов выражения и содержания, и дальнейший анализ ведется уже отдельно и обособленно в каждом плане.

И в каждом плане на определенной ступени анализ приводит к выделению таких элементов, которые не участвуют уже непосредственно в знаковой функции, но входят в нее лишь в качестве частей знаков. Это фигуры, наименьшие структурные элементы языка в обоих планах. Поэтому если с точки зрения своего назначения язык представляет собой систему знаков, то по своей внутренней структуре — он прежде всего система фигур, из которых строятся знаки [78].

Однако хотя роль знаков как таковых в глоссематическом анализе и ограничена, знаковая функция играет в глоссематике очень важную роль. Она признается главной внутренней функцией языка и служит основой для применения метода коммутации и для установления инвариантов как в плане выражения, так и в плане содержания. В этом глоссематики сближаются, скажем, с пражцами и отличаются от дескриптивистов, считающих знаковую функцию внешней для языка и стремящихся поэтому, например, в фонологическом анализе обходиться без нее. Указывая на непоследовательность теорий дескриптивистов в данном вопросе (только значения, но не звуки выводятся за пределы языка), Эли Фишер-Йоргенсен подчеркивает, что позиция глоссематиков в этом случае более обоснована и что дескриптивистам так и не удалось разработать метод фонематического анализа, абстрагированного от семиотической функции и исходящего только из дистрибуционной фонетики [79].

Таким образом, если многие важные положения глоссематической теории и являются результатом развития соответствующих идей Соссюра, эти последние получили в глоссематике особое преломление и вошли в новую общую систему взглядов, более последовательную, но одновременно и более абстрактную и формальную, чем у Соссюра [80].

Что касается вопроса о связи с логицизмом, о которой говорит Ельмслев, то здесь следует тщательно разграничить логицизм как

---

[78] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 70.

[79] См.: E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes d'analyse phonémique, стр. 218—219.

[80] Приведем лишь одно сравнение: «Весь механизм языка вращается вокруг тождеств и различий», — пишет Соссюр (см.: R. Godel. Указ. соч., стр. 83). «Механизм языка устанавливается посредством сети взаимообусловливающих синтагматических и парадигматических отношений», — говорит Ельмслев (см.: L. Hjelmslev. Essai d'une théorie des morphèmes, стр. 140).

идеалистическое философское направление — логический позитивизм и логицизм как символическую (или математическую) логику, математическую науку, возникшую в конце XIX в.[81]

Философия позитивизма оказала влияние на глоссематику[82]. Оно сказывается, например, в настойчивом стремлении глоссематиков отмежеваться от философских вопросов, от «метафизики», как называют их Ельмслев и Ульдалль[83]. Этот агностицизм перекликается с положением позитивистов о невозможности решения основных философских проблем и потому об их бессмысленности. «В нашем венском кружке.. — пишет Р. Карнап, — сложилось убеждение, что метафизика (т. е. философия. — *В. М.*) не может претендовать на научность... Единственная часть работы философов, которая может считаться научной, заключается в логическом анализе ... понятий и предложений той или иной науки»[84].

Таким образом, позитивисты упраздняют философию как мировоззрение и заменяют ее логикой науки, иначе говоря, логическим синтаксисом — логическим анализом формулировок данной науки. Позитивисты утверждают, что поскольку материал познания, с которым имеет дело наука, нейтрален, то эмпирические науки свободны от философии, независимы от нее. Ошибочность подобных воззрений была уже давно вскрыта в марксистской науке[85].

С позитивизмом связана, на наш взгляд, еще одна черта глоссематики — последовательное отрицание реального существования объектов («вещей»), признание объектов лишь пучками пересечения их взаимных зависимостей — функций. Материалистическая точка зрения, согласно которой вещи существуют объективно, то есть независимо от нашего сознания, так же как

---

[81] Провести такое разграничение зачастую весьма затруднительно, поскольку многие логики являются одновременно по своим философским убеждениям представителями позитивизма, а также из-за известной терминологической путаницы, возникающей потому, что одни и те же термины нередко используются в символической логике и философском позитивизме в различных значениях.

[82] См. об этом: В. А. Звегинцев. Неопозитивизм и новейшие лингвистические направления, и др. работы.

[83] См., например: L. Hjelmslev. Editorial, стр. VI; Он же. Пролегомены к теории языка, стр. 283; а также: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 417 и др.

[84] См.: R. Carnap. The logical syntax of language. Paterson, New Jersey, 1959, стр. XIII (1-е изд. — 1934 г.). Он же: The methodological character of theoretical concepts. — В кн.: «Minnesota studies in philosophy of science», vol. I. Minneapolis, 1956, стр. 45; R. von Mises. Positivism. A study of human understanding. Cambridge, 1951, стр. 4—5 и др.

[85] См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 276, 283 и др. См. также сб. «Диалектический материализм и современный позитивизм». М., 1961; И. С. Нарский. Современный позитивизм. М., 1961 и др.

и их отношения, объявляется метафизикой, наивным реализмом [86]. Однако, как известно, никакой научный прогресс не может ниспровергнуть материю как философскую категорию, он может лишь заменить одно научное понимание материи другим. Абстрагирование от одного из аспектов явлений реального мира (например, от «вещей»), вполне допустимое в той или иной науке, не должно приводить к отрицанию объективного существования данного аспекта действительности.

Влияние философии позитивизма проявляется, наконец, в провозглашении глоссематиками полной свободы теории от проверки практикой, безразличия критерия практики для теории. «Лингвистическая теория не может быть проверена (подтверждена или опровергнута) этими существующими текстами и языками. Ее можно подвергнуть проверке только в одном отношении — с точки зрения непротиворечивости и исчерпывающего характера исчисления», — пишет Ельмслев [87]. Действительно, формально-логическое исчисление (а именно так, по-видимому, задумана глоссематика) подчиняется только своей внутренней логике, дедуцируется по заранее установленным правилам логического вывода из заранее установленных предпосылок (аксиом) [88]. Действительно, содержательная интерпретация первоначальных аксиом и выводов не входит непосредственно в задачи той или иной дедуктивной теории. Но внутренние вопросы теории принципиально нельзя оторвать от внешних — то есть от связи теории в целом с реальной действительностью. Содержательная интерпретация дедуктивной аксиоматической теории имеет первостепенное значение для науки, и в конечном итоге именно критерий практики является решающим при определении научной ценности той или иной теории. И только если первоначальные аксиомы были правильно подобраны, а соответствующие правила вывода строго соблюдены, полученная дедуктивная теория будет точно отображать какую-либо часть структуры объекта [89].

Что касается символической (или математической) логики, то ее привлекательной чертой для авторов глоссематики был, по-видимому, точный метод анализа, опирающийся на математику [90]. Знакомство с научным аппаратом символической логики

---

[86] См.: L. Hjelmslev. Éditorial, стр. VII; Он же. Метод структурного анализа в лингвистике, стр. 57; Он же. Пролегомены к теории языка, стр. 282, 283; Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 403 и др.

[87] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 278.

[88] Об этом подробнее см. ниже.

[89] См.: И. С. Нарский. Критика учения неопозитивизма о критерии истины. (Проблема верификации). «Вопросы философии», 1960, № 9; А. Шафф. Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины. М., 1953, гл. VIII.

[90] Предположение о возможности выразить величины языка и их отношения «в их основной сущности» посредством математических формул высказал еще Соссюр (см.: R. Godel. Указ. соч., стр. 44).

позволило Ельмслеву уточнить и более четко сформулировать многие свои идеи. О том, что глоссематическая алгебра многим обязана символической логике, говорят также Ульдалль, Фогт и Спанг-Ханссен [91]. Последний, сравнивая, в частности, исчисление (calculus) в логике и глоссематике, разъясняет, что глоссематическая алгебра также представляет себе язык как систему зависимостей (функций) между членами, характеризующимися только самими функциями между ними, а исчисление как аксиоматическую систему правил о сочетаемости элементов, характеризующихся только своей принадлежностью к определенным классам [92]. Различие между формально-логическим исчислением и глоссематической алгеброй связано с различием целей и исходных предпосылок данных наук. Некоторые лингвисты подчеркивают, что логицисты отталкиваются от уже готовых единиц и не интересуются, каким путем они были получены, в то время как в глоссематике анализ начинается с установления своих единиц при помощи определенных операций, т. е. символическая логика синтетична по своему характеру, тогда как глоссематика — аналитична. Кроме того, символическая логика изучает высказывания, которые могут быть истинными или ложными, в отличие от этого глоссематика не имеет дела с истинностью или ложностью высказываний [93]. Однако для глоссематики характерна связь именно с ранней символической логикой, поскольку позднее, как утверждает Ельмслев, сотрудничество между ними оборвалось, так как логицисты, «высказываясь о языке, непростительным образом игнорировали достижения лингвистического изучения языка, что привело к плачевным результатам» [94]. Большинство логиков, изучавших язык, подходило к языку извне, используя факты языка для своих целей, так же как это раньше делали психологи, социологи и т. п., игнорируя специфику языка.

Со сказанным выше связано, на наш взгляд, само понимание теории в глоссематике. Ельмслев и Ульдалль постоянно подчеркивают, что теория в их понимании принципиально отли-

---

[91] См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 414, а также: H. Vogt. Указ. рец., стр. 95; H. Spang-Hanssen. Glossematics, стр. 136.

[92] Ср. определение исчисления у Р. Карнапа («The logical syntax of language», стр. 4), где под исчислением понимается система правил отнесения выражений к определенным категориям выражений, а также правил трансформации одного выражения в другое или другие, причем о самих выражениях не предполагается ничего, кроме того, что они распределены по некоторым классам. Но особое сходство с глоссематикой обнаруживает «чистый синтаксис» Карнапа, имеющий дело «с возможными аранжировками, безотносительно к природе различных элементов или к вопросу о том, какие из этих возможных аранжировок действительно реализованы» (стр. 6).

[93] См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 415; H. Spang-Hanssen. Glossematics, стр. 136.

[94] См.: Л. Ельмслев. Метод структурного анализа в лингвистике (наст.изд.,стр.157-164. — *Прим.составителя*).

чается от философии языка — то есть системы гипотез о природе объекта, его месте среди других явлений и т. п. Теория не должна заниматься гносеологическими (или, как их называют авторы глоссематики, онтологическими) проблемами, но только выработкой метода, при помощи которого языковые явления определенного рода можно было бы описывать без противоречий, исчерпывающе и по возможности более просто. Теория не должна даже высказываться относительно объективности существования своего объекта, то есть в ней отсутствует existence postulate [95]. Единственное методологическое требование, которое ей предъявляется — это требование (так же как и к самому методу) [96] непротиворечивости, исчерпывающего характера и простоты, составляющие вместе так называемый эмпирический принцип [97].

Теория строится на определенных реальных, по возможности более широких предпосылках (и в этом и только в этом заключается ее связь с фактами действительности), но сама система, получаемая в результате исчисления, уже не зависит от фактов. Будучи установленной, теория приобретает имманентность и замкнутость и при помощи дедукции позволяет определить все возможности, вытекающие из заранее заданных предпосылок.

Ценность теории определяется, таким образом, — как это утверждают и неопозитивисты, — ее внутренними свойствами, но не степенью ее соответствия фактам языка. Опыт не может ни подкрепить теорию, ни опровергнуть, поскольку теория по определению применима только к тем фактам, которые учтены в предпосылках. «Экспериментальные данные ... могут усилить или ослабить только пригодность теории», — говорит Ельмслев [98]. Под пригодностью теории (applicability) понимается ее способность «удовлетворять условиям применения к большому числу экспериментальных данных».

Для того чтобы теория была возможно менее метафизичной, она должна включать как можно меньше общих исходных предпосылок, причем ни одна из этих предпосылок не должна обладать аксиоматической природой. Нужно также избегать реальных определений, ставящих своей целью исчерпать внутреннюю сущность объектов или охарактеризовать их со всех сторон, и стре-

---

[95] Ср.: «Если логика хочет быть независимой от эмпирического знания, она не должна делать никаких допущений относительно существования объектов» (R. Carnap. Указ. соч., стр. 140).

[96] Сама теория в глоссематике часто выступает как метод. «Теория — это система, но вместе с тем она и метод», — писал Ельмслев в статье «Essai d'une théorie des morphèmes» (стр. 165).

[97] Если «непротиворечивость» и «полнота» теории могут быть определены на основе объективных критериев, принцип «большей простоты» оказывается принципом очень сложным и вызывает много расхождений. См. об этом: H. Spang-Hanssen. On the simplicity of description. «Recherches structurales». Copenhague, 1949.

[98] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 40.

миться придать определениям строго формальный и эксплицитный вид. Такие определения должны лишь определять объекты относительно других объектов, аналогичным образом охарактеризованных или предпосланных. Примеры подобных формальных определений широко представлены в работах Ельмслева и Ульдалля: «Дедукция — это комплекс анализов с детерминацией между анализами, входящими в него»[99], анализ же — это «описание объекта через единообразные зависимости от других объектов или через единообразные зависимости последних друг от друга»[100]. «Объект, подвергающийся делению, — класс, другие объекты, которые устанавливаются частным делением как единообразно зависимые от класса и друг от друга, называются сегментами класса»[101]. Как неопределяемые принимаются «описание», «объект», «зависимость», «единообразие», т. е. термины настолько общие, что, как отмечает X. Фогт, «их анализ относится скорее к логике или теории познания, чем к лингвистике»[102].

Таким образом, под теорией в глоссематике понимается система формальных предпосылок и выводимых из них теорем, позволяющая установить общее исчисление всех возможных в языке сочетаний. Подобное определение «теории» в целом совпадает с определением аксиоматических формальных дедуктивных теорий в символической логике[103]. Аксиоматической дедуктивной теорией называется теория, в которой принимаются за исходные некоторые положения (аксиомы или постулаты) и из них по правилам вывода логически выводится (дедуцируется) все содержание этой теории (цепь теорем). Дедуктивный метод — характерная черта всех математических наук. Как указывает А. Тарский, «не только всякая математическая дисциплина является дедуктивной теорией, но и обратно, всякая дедуктивная теория есть математическая дисциплина»[104]. С этой точки зрения, глоссематическую алгебру также можно рассматривать как математическую дисциплину. Дедуктивные теории носят чисто формальный характер, то есть при их построении пренебрегают смыслом аксиом и принимают во внимание только их форму[105]. Для записи аксиом и теорем используется особая символика.

Система исходных предпосылок (аксиом) совместно с правилами вывода и есть исчисление (или, как его иногда назы-

---

99 См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 55.
100 Там же, стр. 54.
101 Там же.
102 H. Vogt. Указ. рец., стр. 96.
103 См.: А. Тарский. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948, стр. 164—182, а также: П. С. Новиков. Элементы математической логики. М., 1959, стр. 13—30; А. А. Марков. Логика математическая. — БСЭ, изд. 2, т. 25, стр. 341.
104 А. Тарский. Указ. соч., стр. 167.
105 См. там же, стр. 182, а также: R. Carnap. Указ. соч., стр. XVI.

вают — формализм) [106]. Всякая дедуктивная теория, таким образом, представляет собой исчисление. Исчисление считается непротиворечивым, если в нем не выводима никакая формула A одновременно с ее отрицанием $\bar{A}$, или иначе, если никакое высказывание не может быть в нем и доказано, и вместе с тем опровергнуто [107]. Исчисление считают полным, если в нем выводима всякая формула, выражающая верное утверждение из данной области, или иначе, если исчисление неполно, то существуют два относящихся к делу противоречивых высказывания, из которых ни одно не может быть доказано в данной теории, а по закону исключения третьего, одно из них должно быть истинным [108].

В символической логике строго различаются содержательные выводы, которые делаются при доказательстве различных утверждений, связанных с исчислением, и формальные выводы самого исчисления, рассматриваемые просто как результат дедукции из предшествующих утверждений или аксиом посредством применения правил вывода. Соответствие между аксиомами и предметами реальности имеет приближенный характер, а содержательная интерпретация формализованных дедукционных теорий (исчислений) составляет особую и очень сложную проблему [109].

Из символической логики в теорию Ельмслева перешли и некоторые понятия, общие для математических наук, — понятие функции как зависимости одной величины от другой [110], понятие константы и переменной [111], понятие языка-объекта и метаязыка и др.[112]

---

[106] См.: П. С. Новиков. Указ. соч., стр. 29. — В этом смысле и язык иногда называют исчислением, т. е. системой, включающей некоторые исходные предпосылки — элементы, а также некоторые правила построения из них сообщений. Исчислением, вместе с тем, является и сама глоссематическая теория.

[107] См.: А. Тарский. Указ. соч., стр. 185; П. С. Новиков. Указ. соч., стр. 30.

[108] См.: А. Тарский. Указ. соч., стр. 186; А. А. Марков. Указ. соч., стр. 341.

[109] См.: С. Яновская. Предисловие. — В кн.: Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959, стр. 19, а также: П. С. Новиков. Указ. соч., стр. 13 и 30.

[110] Это понятие является одним из краеугольных понятий в глоссематике. Как язык в целом, так и любую его часть Ельмслев и Ульдалль определяют, абстрагируясь от субстанции и исключительно с позиций функциональных. См.: L. Hjelmslev. Forme et substance linguistique, стр. 3; Он же. On the principles of phonematics, стр. 49; Он же. Éditorial, стр. VIII; Он же. Метод структурного анализа в лингвистике, (см. наст. изд., стр. 157-164). Он же. Пролегомены к теории языка, стр. 47; Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 408 и др.

[111] Вся система функций в глоссематике строится на основе этого разграничения.

[112] См.: М. В. Мачавариани. О взаимоотношении математики и лингвистики. — ВЯ, 1963, № 3, стр. 87.

Наконец, к символической логике восходит в значительной степени и символизация, используемая Ельмслевом и Ульдаллем. В символической логике разработана четкая система символов для краткого и точного обозначения отношений между явлениями при помощи некоторых математических знаков и знаков логических связок (*а*, *в*, *с*...; , «конъюнкция»; $\vee$ «дизъюнкция»; $\sim$ «отрицание»; $\rightarrow$ «импликация»). Ельмслев и Ульдалль создали свои, оригинальные (и не вполне совпадающие) системы обозначений и с успехом применили их в ряде своих конкретных работ [113]. Так, в статье «La stratification du langage» Ельмслев предлагает ввести для обозначения единиц содержания греческие буквы, для единиц выражения — латинские, а таксемы обозначать соответствующими заглавными буквами и т. д. Вводится специальный знак манифестации. Например, $p \vee [p]$ или $[p] \vee p$ значит «*p* манифестирует звук [p]» или «звук [p] манифестируется посредством *p*». Язык как система изображается формулой $L\gamma^{\circ}g^{\circ}(\vee)$: и т. п.

Глоссематическая концепция языка и языкового анализа неоднократно подвергалась суровой критике с различных позиций за рубежом и в советском языкознании. Основные возражения в зарубежной лингвистике вызывал ее формальный аксиоматический и дедуктивный характер и ее непригодность в качестве метода конкретно-лингвистического исследования языков [114].

Как нам кажется, некоторые недоразумения были бы сняты и некоторые критические стрелы отведены, если бы авторы глоссематической теории более точно определили отношение между глоссематикой и лингвистикой в целом, а также область применения и задачи глоссематики.

Сама по себе исчислительная и формальная глоссематическая алгебра безусловно имеет право на существование и представляет собой одну из первых попыток применения идей и методов математической логики к лингвистическому материалу [115]. Анало-

---

[113] См., например: L. Hjelmslev. La stratification du langage; Он же. Sur l'indépendence de l'épithète. «Historisk-Filologiske Meddelelser. Danske Videnskaps Selskab», 1956, vol. 36, № 5; а также: H. Uldall. On equivalent relations; Он же. Outline of glossematics, pt. 2. Glossematic algebra.

[114] Ср.: A. Martinet. Au sujet des Fondements de la theorie linguistique de L. Hjelmslev (наст. изд., стр. 3-28) A. Nehring. [Рец.] «Recherches structurales»; L. Hammerich. Les glossématistes danois et leurs méthodes и др.

[115] Попытки создания формального метода описания явлений языка, опирающегося на методы символической логики, наблюдаются и в других странах, например в США, см.: J. Bar-Hillel. A quasi-arithmetical notation for syntactic description. «Language», 1953, vol. 29, № 1, стр. 47.— В данной статье говорится о новом методе синтаксического описания, соединяющем методы, разработанные польским логиком К. Айдукевичем, с одной стороны, и американскими структуралистами, с другой. Автор четко оговаривает, что предлагаемый им метод не есть метод исследования языковых фактов, но только новый способ изложения результатов ис-

гичные примеры использования аппарата математической логики для аксиоматических построений имеют место и в других «неточных» науках, например в биологии, в частности в некоторых теориях эволюционной морфологии [116].

И то, что глоссематика поставила на очередь дня создание строгой и стройной формально-лингвистической теории, несмотря на распространение среди многих лингвистов мнения о такой теории как о «пустом философствовании и дилетантизме, соединенном с априоризмом» [117], является большой заслугой Ельмслева и Ульдалля. Формальная теория вовсе не удаляет нас от живой реальности, но, напротив, позволяет глубже понять те стороны объективной действительности, которые поддаются формальному анализу. Внимание к теории выгодно отличает глоссематику от американского дескриптивизма, для которого эмпирические факты в целом важнее теории [118].

Если рассматривать глоссематику как один из возможных методов исследования языка для определенных специальных целей, как особую лингвистическую дисциплину, объектом которой является семиотический аспект языка, правомерность ее существования не вызывает особых сомнений. Это, по-видимому, вопрос методики, а не методологии науки — в разных областях языкознания и для разных целей применимы различные методы. Эту мысль подчеркнул и Ульдалль: «Эмпирическому принципу можно следовать, оставаясь приверженцем любой из этих двух вер; и этим объясняется, почему ученые весьма различных убеждений могут продолжать работать сообща» [119].

Вырисовываются также и области изучения языка, в которых применение глоссематической алгебры может оказаться наиболее плодотворным. Это прежде всего область типологической классификации языков. Глоссематическая алгебра, стремящаяся к исчерпывающему описанию языков, исходящему из чисто формальных критериев — анализа функций — может послужить основой для создания однотипных описаний различных языков. А до тех пор, пока не будет создано описаний языков, построенных на одинаковых принципах, всякое сравнение языков останется бес-

---

следования, позволяющий по простому правилу «исчислить» синтаксическую характеристику любой цепи (т. е. «последовательности, включающей один или более элементов») в контексте. А это оказывается весьма ценным в тех случаях, когда необходимо полностью механизировать процедуру определения синтаксических структур, как, например, при решении проблем машинного перевода.

[116] См.: А. Л. Субботин. Математическая логика — ступень в развитии формальной логики. «Вопросы философии», 1960, № 9, стр. 93.

[117] См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 33.

[118] В предисловии к «Readings in Linguistics» (Washington, 1957, стр. VII) М. Джос говорит о теории как о необязательной ступени в научном исследовании, так как создание теории может якобы повлиять на непредубежденность исследователя.

[119] См.: Х. Ульдалль. Основы глоссематики, стр. 418.

плодным. На это обстоятельство указывали даже критики глоссематической теории [120].

Другая обширная область — создание метаязыков и языков-посредников. Глоссематическое исчисление всех допустимых сочетаний языковых элементов может помочь созданию абстрактных формальных универсальных языков в кибернетике и математической логике, без чего нельзя осуществить моделирование процессов человеческого мышления. Такой язык был бы использован для построения формальных теорий и формальных доказательств, имитирующих один из наиболее важных мыслительных процессов — так называемое логическое мышление [121]. Эти искусственные языки выступают как определенные системы соответствий, их единицы не связаны с реальной материей реальных языков, в силу чего возникает необходимость в общей теории построения языковых систем — дедуктивной формализованной аксиоматической лингвистической теории.

В настоящее время можно уже, по-видимому, говорить о существовании особого раздела прикладной лингвистики — интерлингвистики — науки о вспомогательных языках (языках-посредниках и т. д.), ставящей своей целью разработку современных вспомогательных кодов для машинного перевода, информационных машин и т. п., построенной на логико-математической основе и имеющей своим предметом реляционный каркас языка [122].

Интересную попытку разработки проблемы вероятности появления определенных элементов языка исходя из системы глоссематических функций представляет собой книга X. Спанг-Ханссена [123]. Автор показывает, что уже сами типы отношений или функций, выдвинутые в глоссематике в качестве основы для структурного анализа и описания языков, внутренне связаны с идеей обусловленности появления одного элемента другим (разграничение функтивов постоянных и переменных) и потому могут быть полезны для дальнейших исследований в этой области.

В целом ряде других областей продуктивность принципов глоссематики еще не проявилась достаточно ясно, возможно вследствие неразработанности соответствующих проблем — при

---

[120] См.: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева (наст. изд., стр. 21).

[121] См.: В. М. Глушков. Мышление и кибернетика. «Вопросы философии», 1963, № 1, стр. 39.

[122] См.: О. С. Ахманова и Г. Б. Микаэлян. Современные синтаксические теории, стр. 42—43; В. В. Иванов. Лингвистические вопросы создания машинного языка для информационной машины. — В сб.: «Материалы по машинному переводу», вып. 1. Л., 1958; С. К. Шаумян. Лингвистические проблемы кибернетики и структурная лингвистика, стр. 130 и др.

[123] H. Spang-Hanssen. Probability and structural classification in language description. Copenhagen, 1959.

изучении и составлении систем письменных языков, при создании и дешифровке секретных кодов, при диахроническом изучении языковых изменений и т. п.[124]

Для того чтобы объективно оценить глоссематическую теорию как формальную дедуктивную аксиоматическую лингвистическую теорию, к ней необходимо подойти не только с позиций лингвистики, но и с точки зрения металогики, которая возникла в связи с задачами исследования формально-логических систем и представляет собой «совокупность суждений и доказательств, предметом каковых является уже не сама объектная область, а ее теоретическое выражение» [125].

С этой точки зрения можно указать, что в глоссематической теории в ее современном виде не раскрыты и не доведены до конца многие заложенные в ней идеи, не использованы все возможности, предоставляемые аппаратом символической логики. Так, в глоссематике формализованы, по существу, только исходные понятия, но не формализованы исходные предложения (аксиомы). Вследствие этого связь многих понятий в теории Ельмслева остается неясной (как, например, функций реляции и корреляции, с одной стороны, и интердепенденции, детерминации и констелляции, с другой [126], или понятий таксемы, глоссемы и фигуры).

Кроме того, в глоссематической теории, как нам кажется, в ряде случаев переплетаются понятия и операции, относящиеся к различным ступеням исследования — к различным уровням абстракции — уровню обобщения наблюдений и уровню конструктов, различаемым общей эпистемологией [127].

Теория создается на ступени конструктов для объяснения систематизированных наблюдений, для преобразования первичных сведений о предмете (метаязыка первой степени) в теорию предмета (метаязык второй степени). Эти два метаязыка не разграничены в глоссематической теории с необходимой четкостью,

---

[124] С. К. Шаумян в книге «Структурная лингвистика как имманентная теория языка» (стр. 6, 34) говорит о возможности имманентного подхода и к диахронии, что позволит открыть «в языковых изменениях определенную смену отношений и установить связь этих отношений в диахроническом аспекте», «раскрыть реляционную сущность языковых изменений», «предсказать возможные изменения» в той или иной языковой структуре и т. д.

[125] См.: А. Л. Субботин. Указ. соч., стр. 97.

[126] Нам встретился только один случай, когда Ельмслев устанавливает связь между этими двумя типами функций. В одной из своих ранних статей — «La notion de rection» («Acta Linguistica», 1939, vol. 1, № 1, стр. 22, сноска) он указывает, что семиологическая (знаковая) функция — интердепенденция или солидарность — является одновременно и реляцией, так как оба плана языка сосуществуют, а не являются альтернативными.

[127] См.: С. К. Шаумян. Преобразование информации в процессе познания и двухступенчатая теория структурной лингвистики, стр. 5, 6.

что привело к тому, что некоторые лингвисты пытались рассматривать глоссематику как описание процесса первичной обработки лингвистического материала и критически оценивали ее с этой точки зрения. «Неясно, является ли глоссематическое описание хода анализа от нерасчлененного текста описанием практического метода анализа или чисто теоретическим утверждением», — пишет Э. Хауген [128]. Следует также согласиться и с теми критическими замечаниями, которые высказал Ю. К. Лекомцев [129]. Он отмечает, в частности, что в глоссематической теории не нашел развития взгляд на язык как на генератор текста, не учтены результаты, полученные в новых областях лингвистики (лингвостатистике и др.) и т. д.[130]

Однако у последователей Л. Ельмслева, да и у самих создателей глоссематической теории есть тенденция рассматривать глоссематику как единственно научную лингвистическую теорию [131]. В таком случае замена анализа реальных фактов языка логическим анализом функций между абстрактными сущностями, само ограниченное понимание теории и ее задач и т. п. приобретает уже характер определенного научного мировоззрения и вызывает гораздо более серьезные и принципиальные возражения (см. стр. 34—36 наст. работы).

Как известно, эффективное применение логических исчислений наблюдается в тех областях, где «понятия носят стабильный характер и где существенной задачей исследования выступает задача выяснения взаимоотношений между понятиями. В тех же науках, где наибольший удельный вес имеют содержательные исследования, наблюдение и эксперимент, а чисто дедуктивные рассуждения играют подчиненную роль, применение логических формализмов может иметь значение для решения лишь отдельных задач науки» [132].

---

128 Э. Хауген. Указ. соч., стр. 250. — Ср. также мнение Б. Сиертсемы о том, что в теории Ельмслева не дифференцированы три различных акта «нахождения»: а) нахождение действительных форм в действительно существующих языках; б) нахождение на их основе путем алгебраической операции собственно глоссематических форм — иерархий функций и в) нахождение, путем сравнения каждого языка с установленной системой возможностей сочетания, того, какие формы из данной системы реализованы в данном языке. Собственно глоссематическими здесь являются операции б) и в). См.: B. Siertsema. A study of glossematics, стр. 24, 25.

129 См.: Ю. К. Лекомцев. Основные положения глоссематики. — ВЯ, 1962, № 4.

130 Там же, стр. 96—97.

131 См. А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 6: «Название книги Ельмслева, весьма претенциозное, уже само представляет собой целую программу: речь идет об основах не одной из лингвистических теорий, а об основах лингвистической теории вообще».

132 См.: А. Л. Субботин. Указ. соч., стр. 96.

Именно так, по-видимому, обстоит дело в лингвистике, объект которой — язык — не во всех своих аспектах доступен изучению формально-логическими методами. Р. Карнап, определяя язык с точки зрения логического синтаксиса как исчисление, указывал вместе с тем, что язык — это не только исчисление. Просто логический синтаксис имеет дело с той стороной языка, которая характеризуется признаками исчисления, то есть он ограничен формальной стороной языка. Но каждый конкретный язык имеет, кроме того, и другие аспекты, которые можно исследовать другими методами [133]. И содружество с символической логикой не должно привести к механическому перенесению в языкознание математических методов и вытеснению методов, выработанных лингвистами и доказавших свою научную состоятельность, но к обогащению и уточнению собственно лингвистических методов.

Поскольку до настоящего времени полной ясности в эти вопросы создателями глоссематики внесено не было, глоссематическая теория была воспринята большинством лингвистов как предлагаемая универсальная и единственная теория языка и вызвала в лингвистической литературе многочисленные критические отклики. Критика глоссематической теории идет в двух направлениях — критика общих положений и критика конкретных исследований (весьма немногочисленных), построенных на основе глоссематики. При этом был поставлен ряд общетеоретических проблем.

Первая проблема, которая чаще всего ставится рецензентами, заключается в следующем: можно ли в лингвистическом анализе, начинающемся с нерасчлененного текста, полностью абстрагироваться от материальной субстанции? В какой мере осуществим формальный анализ при структурном описании языка? [134]

Любое структурное описание языка начинается с редукции бесконечного множества вариантов к конечному числу инвариан-

---

[133] См.: R. Carnap. The logical syntax of language, стр. 5. — Естественный язык, по-видимому, как раз и отличается от искусственных кодов прежде всего своими многообразными связями с другими явлениями. Если у кодов семиотический аспект является основным, а возможно и единственным, и формально-логическое дедуктивное описание можно считать их исчерпывающей характеристикой, то, в отличие от них, такое описание естественных языков было бы односторонним и, в конечном счете, неадекватным, подобно описанию языка только с точки зрения физиологии, или акустики, или психологии и т. п. Всесторонняя характеристика языка должна включать описание всех его аспектов, в том числе и семиотического.

[134] См.: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Л. Ельмслева, стр. 22; B. Siertsema. Указ. соч., стр. 101—108; E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes d'analyse phonémique, стр. 220—223; Она же. The commutation test and its application to phonemic analysis, стр. 141—159; H. Spang-Hanssen. Glossematics, стр. 158 и др.

тов в обоих планах, и прежде всего в плане выражения. Для этого необходимо сначала 1) установить различительные (коммутабельные) элементы в каждой позиции (парадигме) и 2) отождествить некоторые элементы в различных позициях, определив их как обусловленные варианты известных инвариантов. Для осуществления первой задачи представители всех структуралистических направлений используют сходные методы — коммутация в глоссематике, дистинктивное противопоставление у пражцев, оппозиция (минимальные пары) у дескриптивистов. Однако при помощи коммутации и т. п. можно установить лишь инварианты для каждой позиции отдельно, т. е. то, что Твodделл назвал «микрофонемами» [135], а сам Ельмслев — дофонемами (prephonemes) [136].

Для сведéния микрофонем в макрофонемы критерий коммутации оказывается неприменимым и недостаточным. Представители пражской фонологической школы, как и дескриптивисты, прибегают в этом случае к критерию фонетического сходства и учитывают также критерий «системного параллелизма» [137]. Однако глоссематики стоят в этом вопросе особняком, принципиально отвергая критерий субстанции (фонетическое сходство) при анализе формы.

Определенного ответа на вопрос о путях отождествления вариантов в глоссематике не дается. Ельмслев лишь мимоходом упоминает проблему тождества в языке, но уклоняется от того или иного ее решения, указывая лишь, что фонемы могут различаться уже самим фактом своей принадлежности к различным категориям [138]. В ряде случаев глоссематики привлекают на помощь эмпирический принцип, и в частности критерий простоты и в фонематическом анализе. Если возможны разные пути редукции вариантов в инварианты, принимается путь более простой. Так, Ельмслев рассматривает [p, t, k] в датском языке как сочетания [b, d, g] с [h] и рекомендует сводить простые единицы к сочетаниям единиц, уже зафиксированных, с тем чтобы получилось больше элементов в цепи, но меньше элементов в системе. Долгие гласные рекомендуется сводить к повторению кратких в пределах одного слога, носовые гласные — к сочетанию гласных с [n] и т. д. Анализируя методы глоссематиков в фонематическом анализе, Э. Фишер-Йоргенсен обращает внимание на опасность подобных приемов и показывает, что в конечном итоге и глоссематики оказываются вынужденными прибегнуть к субстанции

---

135 См.: W. F. Twaddell. On defining the phoneme. Baltimore, 1935 («Language monograph», № 16), стр. 38.

136 См.: L. Hjelmslev. On the principles of phonematics, стр. 51.

137 См., например: Ch. F. Hockett. A system of descriptive phonology. «Language», 1942, vol. 18, № 1, стр. 9.

138 См.: Л. Ельмслев. Пролегомены к теории языка, стр. 84 (сноска); а также: H. Vogt. Указ. рец., стр. 97.

как крайнему критерию[139]. Признает это и Х. Спанг-Ханссен, оговаривая, правда, что хотя все школы используют, открыто или скрыто, акустический критерий, роль его и оценка у представителей различных структуральных направлений неодинакова. В глоссематике отождествление осуществляется при помощи (by means of) фонетического или графического сходства, но не по причине этого сходства (not because of) [140].

Таким образом, хотя теоретически глоссематики признают возможность формального фонематического анализа, без учета субстанции, на практике субстанция вступает в действие на всех этапах анализа.

Практика показывает, что при установлении тождества языковых единиц без материи обойтись нельзя. Этот вопрос естественно не возникает, если глоссематический анализ понимается как дополнительный, «контрольный» анализ, который оперирует уже готовыми единицами, выделенными при помощи других методов, и преследует некоторые особые цели. В таком случае, по-видимому, элементы языка можно определить с позиций сугубо формальных — посредством тех функций, которые характеризуют языковые элементы в общей системе языка.

Много возражений вызвало также положение Ельмслева о независимости языковой формы от субстанции и о равноценности всех материальных манифестаций языковой формы (звуковых, графических и пр.) [141].

Базелль в своей рецензии на книгу Ельмслева «Omkring sprogteoriens grundlæggelse» указывает по этому поводу, что две субстанции (например, звуки и буквы) не могут равноценно манифестировать одну и ту же форму, так как звуковая и графическая системы асимметричны друг другу, и обе асимметричны системе содержания[142]. Подчеркивается также, что письмо вторично уже хронологически, что функции звукового и письменного языков различны — звуковой язык представляет собой непосредственную реакцию на определенный стимул и характеризуется эмоциональностью, наряду с интеллектуальной стороной, в то время как письмо — реакция статическая и долговечная, под-

---

[139] См.: E. Fischer-Jørgensen. Remarques sur les principes d'analyse phonémique, стр. 228.

[140] См.: H. Spang-Hanssen. Glossematics, стр. 158. — Проблему тождества как функциональной эквивалентности пытается поставить и Х. Ульдалль (см. его работу «Outline of glossematics», стр. 54). Он указывает, что тождественными могут быть признаны два функтива, эквивалентные во всех своих релевантных функциях, даже если они не абсолютно одинаковы, например два ключа, открывающих одну дверь. Лингвистических примеров Ульдалль, к сожалению, не приводит.

[141] См.: А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 26; B. Siertsema. Указ. соч., стр. 109—120; P. Garvin. Указ. рец., стр. 92 и др.

[142] См.: C. E. Bazell. Указ. рец., стр. 91.

черкивающая интеллектуальную сторону фактов. Кроме того, если звуковой язык имеет одно измерение, то письмо — два или даже три [143]. Все эти (и другие подобные им) аргументы бесспорны, когда речь идет о конкретном изучении конкретных языков. Однако при функциональном рассмотрении языка они теряют силу. При таком подходе звуковая субстанция выражения не будет ни первичной, ни более «естественной», чем графическая. Хотя в целом в истории человечества речь предшествует письму (в чем, правда, высказывает сомнение Б. Рассел), ни о какой данной звуковой системе нельзя сказать, что она предшествует данной графической системе. Они просто сосуществуют [144].

Убедительно доказывая самостоятельность письма как особой субстанции выражения, отсутствие полного параллелизма между письмом и звучанием, Ульдалль утверждает, что субстанциями выражения одного и того же языка их делает соотнесенность с одними и теми же единицами содержания (или, точнее, функция к одним и тем же единицам содержания) — поскольку только соотнесенность плана выражения с планом содержания образует язык. Так, и *кот* и [кот] являются в русском языке функциями единицы содержания {felis domestica} и составляют все вместе сению (cenia).

Однако возможность множества различных материальных реализаций одного и того же плана содержания языка логически ставит вопрос, сформулированный Б. Сиертсемой, но не получивший пока ответа в глоссематике — могут ли одной и той же субстанции выражения соответствовать различные субстанции содержания? [145] Решение этого вопроса имеет существенное значение для выяснения соотношения между планами языка.

Наконец, много споров породило положение Ельмслева о параллелизме анализа в плане выражения и плане содержания языка [146]. Этот операциональный параллелизм Ельмслев назвал «изоморфизмом». Термин «изоморфизм» в применении к соотношению планов языка был понят некоторыми лингвистами, вследствие нечеткости ряда формулировок Ельмслева, как изоморфизм «содержательный», т. е. как свидетельство стремления Ельмслева отождествить структуру обоих планов языка, установить между

---

143 См.: J. Vachek. Written language and printed language. «Récueil linguistique de Bratislava», vol. I. Bratislava, 1948, стр. 67.

144 Интересные мысли в защиту данного положения содержатся в статье Х. Ульдалля «Speech and writing» и в статье В. Мотша «К вопросу об отношении между устным и письменным языком» (ВЯ, 1963, № 1).

145 См.: B. Siertsema. Указ. соч., стр. 117—121.

146 См.: H. Spang-Hanssen. Glossematics, стр. 138; А. Мартине. О книге «Основы лингвистической теории» Луи Ельмслева, стр. 24; C. Bazell. Указ. рец., стр. 92; H. St. Sørensen. Указ. соч., стр. 12, 44—45 и др.

планами в целом и между их единицами одно-однозначное соотношение. Такое «содержательное» толкование понятия изоморфизма в глоссематической теории является неправильным и противоречит одному из важнейших положений глоссематики о том, что как раз отсутствие полного совпадения в структуре двух языковых планов служит основанием для их выделения и отличает двуплановые знаковые системы от одноплановых незнаковых структур, например игр [147].

Таким образом, «изоморфизм», в понимании глоссематиков, означает параллелизм методов анализа обоих планов языка, что характерно именно для данной лингвистической теории, а не параллелизм самих планов. Если между двумя планами в целом существует интердепенденция, то между отдельными единицами планов — функция констелляция [148]. Описание сети отношений плана выражения отнюдь не есть описание и плана содержания. Каждый из планов в ходе всей процедуры анализа нужно рассматривать отдельно и лишь после завершения анализа следует попытаться обнаружить сходные черты обоих планов, если они существуют. В одной из своих частных работ [149] Ельмслев особо указывает на различия, обнаруживаемые между планами языка в подавлении дистинктивных различий — в синкретизме. Если в плане плерематическом синкретизм состоит в полном слиянии двух единиц, то в кенематическом плане он проявляется как правило в замещении одной единицы другой (например, /д/ через /т/ в русском языке). Бывают, правда, и об-

[147] См.: Л. Е л ь м с л е в. Пролегомены к теории языка (наст. изд. стр. 131-133). Проблеме параллельного исследования планов языка посвящена статья Е. Куриловича «Понятие изоморфизма» (В кн.: Е. К у р и л о в и ч. Очерки по лингвистике. М., 1962). Исходя из идеи о «глубоком параллелизме» в структуре обоих планов языка, Курилович исследует структуру слога и предложения и показывает их параллелизм. Так, модель слога $i + v + f$ (где i — начальная группа согласных, v — центральный вокалический элемент, а f — конечная группа согласных) совпадает с моделью предложения: группа подлежащего + глагол + дополнение (см.: Е. К у р и л о в и ч. Указ. соч., стр. 24). Сравнение можно продолжить и дальше и сопоставить отдельные категории частей речи по их функции в предложении с отдельными категориями фонем по их функции в слоге (например, служебные части речи и просодемы) и т. д. Описывая фонологические структуры, можно поэтому, по мнению Куриловича, пользоваться синтаксической и даже морфологической терминологией и говорить, например, о паратаксисе и гипотаксисе в фонологии, по крайней мере применительно к старофранцузскому и греческому языкам (см. там же, стр. 34—35).

Выводы, полученные Е. Куриловичем, свидетельствуют, однако, как нам представляется, не об изоморфизме плана содержания и плана выражения языка, но лишь о некотором параллелизме структур двух единиц выражения слова и предложения. Такого же мнения придерживается и Р. Уэллз (см.: R. W e l l s. Указ. рец., стр. 561).

[148] L. H j e l m s l e v. La notion de rection (наст. изд. «Понятие управления», стр. 155-157. — *Прим. составителя*).

[149] См.: L. H j e l m s l e v. Note sur les oppositions supprimables. — TCLP, 1939, vol. 8.

ратные случаи (ъ<o/a в кенематике русского языка или me, moi в плерематике французского языка)[150]. В другой работе — «Sur l'indépendance de l'épithète»[151] Ельмслев делает попытку проследить, «насколько параллельно идут содержание и выражение в синтагматической цепи» на примере отношений основного слова и его номинативного и прономинативного определения. Он анализирует случаи типа лат. opera virōrum omnium bonōrum veterum и англ. all good old men's works 'труды всех добрых старых мужей'. Повторяются ли единицы содержания {мн. ч.} и {род. п.} три раза, как подсказывает латинский пример, или только один раз, как подсказывает английский язык, то есть является ли повторение фактом только выражения или и содержания? Возможные решения Ельмслев изображает так: $anx+bnx+cnx$ или $(a+b+c)nx$, где n — мн. ч., x — род. п., а a, b, c — именные основы. В результате анализа Ельмслев приходит к выводу о предпочтимости первого решения, так как оно является наиболее простым и учитывает не только факты выражения, но и факты содержания.

Авторы статей и рецензий, рассматривающих некоторые конкретные исследования, осуществленные при помощи глоссематических методов, исходят в целом из того, что глоссематический метод предлагается в качестве универсального метода, долженствующего заменить собой все другие методы анализа языка, существующие в лингвистике. Поэтому основное внимание они обращают на случаи «насилия над языком», «втискивание языка в предвзятую схему», устранение сложных, пограничных случаев как несущественных и лишь усложняющих описание и т. д.[152] «Сведéние языков к „структурам", то есть тому, что остается от языка после удаления тех черт, которые исследователю представляются нерелевантными, — это метод, чреватый большими опасностями, если он не сопровождается тщательным анализом языковой реальности в ее сыром виде, со всей ее непоследовательностью, промежуточными явлениями и избыточностью»[153], — пишет А. Мартине.

---

150 Там же, стр. 55.

151 L. Hjelmslev. Sur l'indépendance de l'épithète, стр. 3.

152 «Что можно было бы ожидать от инженера, который пытался бы описать структуру машины, просто перечисляя, какие ее части и какими проволоками связаны, и не описывая ни самих частей, ни их функций, а ведь именно так поступают глоссематики», — пишет А. Неринг (см.: A. Nehring. Указ. рец., стр. 164). Ср. также мнение Л. Хаммериха: «Если глоссематик делает такие грубые ошибки при анализе прстого текста на родном языке, нельзя верить ни его мнению в других вопросах, ни самой его теории». (L. Hammerich. Les glossématistes danois et leurs méthodes, стр. 8).

153 A. Martinet [Рец.] K. Togeby. Structure immanente de la langue française, стр. 81. — Мартине говорит о книге Тогебю как о проявлении деградации, которая угрожает лингвистике, если будут приняты методы глоссематики.

Таким образом, строго последовательная, законченная и формализованная система Ельмслева и Ульдалля представляет собой одну из первых попыток построения аксиоматических теорий в области лингвистики и соединения лингвистических методов с методами математической логики. Создатели глоссематики обратились к важнейшим проблемам, без решения которых не может развиваться не только лингвистика, но и только намечающаяся сейчас новая наука — семиотика, с которой лингвистика связана тесными узами, а также кибернетика.

Однако претендуя в конечном счете на роль универсальной теории языка, глоссематика фактически свела на нет принципиальные качественные отличия естественного языка от кода. Немногие конкретные исследования представителей этого направления подвергались критике по преимуществу именно за игнорирование специфики естественных языков со всей присущей им сложностью и противоречивостью.

БИБЛИОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ РАБОТ Л. ЕЛЬМСЛЕВА

Principes de grammaire générale. København: E. Munksgaard (Kommiss.) (Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Historisk-filosofiske Meddelelser 16, 1) 1928.

"Structure générale des correlations linguistiques." Hjelmslev, Louis, *Essais linguistiques II.* Copenhague: Nordisk Sprog- og Kulturforlag (Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague, 14); 57-98 1933.

La catégorie des cas. Étude de grammaire générale. Aarhus: Universitetsforlaget (Acta Jutlandica 7, 1935:i-xii, 1-184; 9, 1937:i-vii, 1-78) (München: W. Fink, 1972) 1935-37.

"Le nature du pronom."s.ed., *Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacq. Van Ginneken à l'occasion du soixantième anniversaire de sa naissance (21 avril 1937).* Paris: Klincksieck; 51-58 1937.

"Edward Sapir." *Acta Linguistica Hafniensia* 1:76-77 1939.

"Note sur les oppositions supprimables." *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 8:51-57 (Hjelmslev 1959:82-88; Hjelmslev 1971[E]:90-96. Span.: Hjelmslev 1972[E]:107-115), 1939.

"La structure morphologique (types de système)." *Proceedings of the International Congress of Linguists* 5:66-93 (Hjelmslev 1959:113-138; Hjelmslev 1971:122-147), 1939.

"La notion de rection." *Acta Linguistica Hafniensia* 1:10-23 (Hjelmslev 1959:139-151; Hjelmslev 1971:148-160), 1939.

Omkring sprogteoriens grundlaeggelse. København: E. Munksgaard (Festskrift udgivet af Københavns Universitet i anledning af Universitetes aarsfest, November 1943:3-113. København: Akademisk Forlag, 1966. Engl.: Hjelmslev 1953. Dt.: Hjelmslev 1974) 1943.

"Éditorial. [Programme de la linguistique structurale]." *Acta Linguistica Hafniensia* 4:v-xi 1944.

"La notion de rection." *Acta Linguistica Hafniensia* 1:10-23 (Hjelmslev 1959:139-151; Hjelmslev 1971:148-160), 1939.

Omkring sprogteoriens grundlaeggelse. København: E. Munksgaard(Festskrift udgivet af Københavns Universitet i anledning af Universitetes aarsfest, November 1943:3-113. København: Akademisk Forlag, 1966.

Engl.: Hjelmslev 1953. Dt.: Hjelmslev 1974) 1943 .

"Éditorial. [Programme de la linguistique structurale]." *Acta Linguistica Hafniensia* 4:v-xi 1944 .

Prolegomena to a theory of language. Baltimore: Indiana University Publications in Anthropology and Linguistics (IJAL Memoir, 7) (2. ed.(slightly rev.): Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1961. Dt.: Hjelmslev 1974;) 1953 .

Sur l'indépendance de l'épithète. Kopenhagen: Munksgaard (Det kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-filol. Meddelelser., 36,5) (Hjelmslev 1959:199; Hjelmslev 1971: 208-219) 1956 .

"Animé et inanimé, personnel et non-personnel." *Travaux de l'Institut de Linguistique* 1:155 - 199 (Hjelmslev 1959:211-250; Hjelmslev 1971:220-258) 1956.

"Pour une sémantique structurale." *Proceedings of the International Congress of Linguists* 8:636-654(Hjelmslev 1959:96-112;Naumann (ed.) 1973:249-269; Hjelmslev 1974:105-119; Hjelmslev 1971 [E]:105-121) 1958 .

Essais linguistiques. Copenhague: Nordisk Sprog- og Kulturforlag (TCLC, 12) (12. ed.: 1970) 1959.

Die Sprache. Eine Einführung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1968 .

Essais linguistiques. Paris: Éd. de Minuit (Arguments, 47) 1971.

Essais linguistiques II. Copenhague: Nordisk Sprogog Kulturforlag (Travaux du Cercle Linguistique de Copenhague, 14) 1973.

Aufsätze zur Sprachwissenschaft. Stuttgart: Klett 1974.

Prolegomena zu einer Sprachtheorie. Übersetzt von Rudi Keller, Ursula Scharf und Georg Stötzel. München: Hueber (Linguistische Reihe, 9) 1974.

Résumé of a theory of language. Madison: Univ. of Wisconsin Press 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Предлагаемая читателю книга содержит программный труд выдающегося датского лингвиста Луи Ельмслева (1899–1965) «Пролегомены к теории языка», в котором излагаются основы глоссематики — датского ответвления структурализма. Кроме того, в книгу включены статьи Ельмслева, ранее переводившиеся на русский язык, острополемичная статья А. Мартине с анализом основных положений «Пролегоменов» Ельмслева, а также статья В. П. Мурат о глоссематической теории — одной из первых попыток построения аксиоматической теории в лингвистике и соединения лингвистических методов с методами математической логики.

3473 ID 32809

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (095) 135–42–16
Тел./факс: 7 (095) 135–42–46

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru